

Приключения Тома Сойера (современная интерпретация)

Влада Олейник

Влада Олейник
Приключения Тома Сойера
(современная интерпретация)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69929527

SelfPub; 2023

Аннотация

Беззаботный школьник Том Сойер – озорник и выдумщик, но у него доброе сердце и светлая голова. Он любит убежать из дома, купаться в речке и легко превращает наказание в развлечение. Вместе со своим другом Гekom Финном он весело проводит время. Мальчишки пускаются в приключения, попадают в передряги и проказничают. История веселого, живого, озорного Тома Сойера – одна из самых лучезарных книг в мировой литературе. Эта книга пример современной интерпретации со словариком и примечаниями в конце.

Влада Олейник

Приключения Тома Сойера (современная интерпретация)

Глава 1

– ТОМ!

Ответа нет.

– ТОМ!

Ответа нет.

– Куда подевался этот мальчишка, хотелось бы знать?

ТОМ!

Ответа нет.

Старушка сняла очки и осмотрела комнату поверх них; затем приподняла очки и посмотрела из-под них. Она редко или даже никогда не смотрела сквозь очки на такое крохотное, как мальчик; это были её парадные очки, гордость её сердца, созданные «для важного образа», а не для употребления – она могла точно также смотреть через две конфорки от плиты. Она как будто растерялась на один момент, затем произнесла не очень яростно, но довольно громко, чтобы мебель могла её слышать:

– Ну, попадись ты мне, я...

Она не закончила, поскольку согнулась и стала тыкать щёткой под кроватью, ей приходилось приостанавливаться, чтобы перевести дух. Она извлекла ничего, кроме кота.

– Никогда не видела таких мальчишек!

Она подошла к открытой двери, встала на порог и взглянула на свой огород, заросший сорняками помидоров. Но Тома там не было. Поэтому она возвысила свой голос, чтобы было слышно дальше и прокричала:

– Т-О-О-М!

Послышался небольшой шум позади неё, и она обернулась как раз вовремя, поймав мальчишку за воротник куртки, и не дала ему убежать.

– Ну, конечно! Я и забыла про этот чулан. Что ты там делал?

– Ничего.

– Ничего?! Посмотри на свои руки. И на свой рот. В чём ты себя испачкал?

– Я не знаю, тётушка.

– А я знаю. Это – варенье, вот что это. Сорок раз тебе говорила: не смей трогать варенье, а то я шкуру с тебя спущу. Подай мне эту розгу.

Розга взлетела в воздух – опасность была неминуема.

– Ой! Взгляните, что у вас за спиной, тётушка!

Старушка обернулась и машинально подобрала свои юбки, чтобы уберечь себя от опасности. Мальчишка тут же сбе-

жал, вскарабкался на забор и исчез за ним.

Его тётушка Полли стояла как вкопанная с минуту, а затем начала добродушно смеяться.

– Ну и мальчишка, пора уже было бы выучить его. Разве он не проделывал предостаточно таких фокусов, чтобы отвлечь меня? Но, старые дураки не исправимы. Недаром говорится в пословице – старую собаку новым фокусам не научишь. Но, Боже мой, он никогда ничего не делает дважды. Как я должна догадаться, что ещё он придумает? Он как будто знает, сколько времени меня можно мучать, пока я не разозлюсь как следует; он также знает, что если ему удастся хоть на минуту сбить меня с толку или рассмешить, то всё пропало, и у меня нет сил отхлестать его розгой. Бог знает, что я не исполняю своего долга по отношению к мальчику. «Пожалеешь розгу – испортишь ребёнка», говорит священная книга. Я грешная и ждёт нас обоих погибель – и мне, и ему. Знаю, что он сущий бес, но что же мне делать, ведь он сын моей умершей сестры, бедняга, и мне не хватает духу пороть его. Всякий раз, когда я даю ему ускользнуть от побоев, меня мучает совесть, и каждый раз, когда я его ударяю, моё старое сердце готово разорваться. Ну, что поделает, человек, рождённый женою, краткодневен и пресыщен печалью, говорится в Писании, и так оно и есть. Он прогуляет школу сегодня, я буду обязана заставить завтра его работать в наказание. Жестоко заставлять его работать по субботам, когда у всех мальчишек выходной. Работать он ненавидит

больше всего на свете, но я же должна хоть как-то исполнять свой долг по отношению к нему или я окончательно погублю мальчишку.

Том прогулял школу и очень хорошо провёл время. Он вернулся домой как раз вовремя, чтобы помочь негритёнку Джиму напилить на завтра дров и нащепать лучину (очищать дерево от лишних и излишних частей) к ужину или, если быть точнее, то рассказать ему о своих приключениях, пока тот выполнял три четвёртой всей работы. Младший брат Тома (точнее сводный), Сид, уже покончил со своей работой (собирать щепки). Он был тихий мальчик, без приключений, но местами проблематичный.

Когда Том ужинал, стараясь стянуть кусок сахара, тётушка Полли задавала ему коварные и очень глубокие вопросы. Она хотела, чтобы он попал в ловушку и проболтался ей. Как и все простодушные создания, она с гордостью считала себя талантливой в тонкой и непостижимой дипломатии и видела в своих наивнейших замыслах чудеса хитрости. Она говорила:

– Том, в школе небось было жарко?

– Да, 'м. ¹

– Безумно жарко, не так ли?

– Да, 'м.

– Тебе не захотелось покупаться, Том?

Небольшой испуг пробежал по лицу Тома – тень подозрения. Он изучающе взглянул на лицо тётушки Полли, но оно

ничего ему не сказало. Поэтому он ответил:

– Нет, м... не особо хотелось.

Старая леди протянула руку и пощупала рубашку Тома.

– Но, теперь тебе не жарко, – заявила она. Ей было лестно думать, как ловко ей удалось понять, что рубашка суха, не дав никому понять, что у неё на уме. Однако, Том уже успел сообразить куда ветер дует. Он поспешил сделать следующий ход.

– Мы подставляли головы под насос, моя ещё не до конца высохла. Видите?

Тёте Полли было обидно, что она не заметила такую маленькую косвенную улику и проглядела. Но внезапно её озаарило.

– Том, тебе ведь не пришлось распарывать свой воротник, где я зашила, чтобы подставить свою голову под насос, так ведь? Расстегни куртку!

Беспокойство исчезло с лица Тома, и он распахнул куртку. Его воротник был крепко зашит.

– Не утруждайся! Ну, иди, иди к себе. Я была уверена, что ты прогуливал школу и покупался. Ладно, я не сержусь на тебя, Том. Я рассчитываю, что ты образумился. В этот раз.

Ей было наполовину досадно, что она ошиблась, но и приятно, что Том хоть раз оказался хорошим мальчиком.

Но Сид заявил:

– Хорошо, но я не думаю, что вы зашили его воротник белыми нитками. Это были чёрные.

– Да, конечно, я зашила белыми! Том!

Но Том не стал дожидаться последствий. Уходя из комнаты, он сказал:

– Сидди, тебе мало не покажется.

В надёжном месте Том осмотрел две большие иголки, которые были заткнуты за отворот куртки и обмотаны нитками. Одна была с белой ниткой, а другая – с чёрной.

– Она бы и не заметила, если бы не Сид. Чёрт возьми! Иногда она зашивает белой ниткой, иногда и чёрной. Лучше бы она уж шила одной, а то невозможно за этим уследить. Зато я влеплю Сиду за это. Это будет ему уроком!

Он не был примерном мальчиком в деревни. Однако, он хорошо знал такого мальчика и не выносил его.

Спустя две или даже меньше минут, он забыл про свои проблемы. Не потому, что они были менее тяжки и горьки, чем у взрослых, но потому, что в этот момент в нём овладел новый и мощный интерес и вытеснил их из головы. Равно как человеческие неудачи забываются, когда его увлекает что-то новое. Его новым интересом стала драгоценная новинка, свистеть, то, чему его только что научил чернокожий мальчик. Он давно уже хотел поупражняться, чтобы его никто не побеспокоил бы. Мальчишка щебетал как птичка, приятной трелью, для этого нужно было во время свиста прижимать язык к нёбу через короткие интервалы времени. Читатель, вероятно, помнит, как это делать, если он был когда-то мальчишкой. Усердие и внимание помогли ему увенчаться успе-

хом, вскоре он шёл по улице с песней на губах и с душой восхищения. Он чувствовал себя астрономом, который только что открыл новую планету. Но, без сомнения, чувство было преимущественно сильное, глубокое, нежели у первого.

Летние вечера долгие. Было ещё светло. Вдруг Том прекратил свистеть. Незнакомец стоял перед ним. Он был чуть крупнее его. Новое лица любого возраста и пола всегда привлекало внимание жителей бедной старой деревеньки Санкт-Петербурга². Мальчишка был к тому же хорошо одет, как на праздник. Это было поразительно. Изящная шапка, синяя курточка, застёгнутая на все пуговицы, была новенькой и чистенькой, как и его штанишки. На ногах были ботинки, а сегодня только пятница. У него даже был галстук – из очень пёстрой ленты. У него был вид городского мальчишки, это взбесило Тома. Чем дольше Том смотрел на это великолепное чудо, тем выше задирал свой нос при виде его наряда и тем более жалким казался ему свой. Оба молчали. Если один делал шаг, то другой тоже, но только в сторону, по кругу. Они пристально смотрели друг другу в глаза всё это время. Но Том наконец произнёс:

- Я тебя поколочу!
- Хотел бы я посмотреть на это.
- Я могу легко это сделать.
- Ты не сможешь.
- А, вот и смогу.
- Не сможешь.

– А, вот и смогу.

– Не сможешь.

– Смогу!

– Не сможешь!

Неловкое молчание. Затем Том спросил:

– Как тебя зовут?

– Не твоего ума дело.

– Захочу будет моё.

– Хорошо, покажи. Ну же?

– Поговоришь так ещё, увидишь.

– Говорю, говорю, говорю. Ну что же?

– Ой, да ты у нас, я вижу, умный. Правда? Я одной рукой тебя уберу, если захочу.

– Ну так давай. Ты же сказал, что хочешь.

– Я и сделаю, если ты вздумаеть дуришь меня.

– О, да! Видал я уже таких.

– Самый умный? Ты думаешь, если ты такая важная птица, то всё? Ой, какая шляпка!

– Ты можешь потрогать её, если так нравится. Попробуй сбить её с моей головы – тогда узнаешь.

– Врёшь!

– Сам врешь!

– Куда уж тебе драться, ты – трус.

– Ну и проваливай!

– Если ты ещё поговоришь, то я расшибу об тебя камень.

– Так и поверил.

– А ты поверь.

– Ну, так сделай. Болтаешь, болтаешь, а ничего не делаешь. Сделай же. Или ты боишься?

– Я боюсь?

– Да, ты.

– Я не боюсь.

– Боишься.

Ещё одно неловкое молчание. И всё больше пристальное разглядывание, и ходьба по кругу. Теперь они уже плечом к плечу.

– Убирайся отсюда! – говорит Том.

– Сам убирайся!

– И не желаю.

– Я тоже не желаю.

И они стояли, каждый поставил ногу под углом для опоры, напирая друг на друга всей силой. Они презрительно смотрели в глаза. Но ни тот, ни другой не мог одолеть.

Когда уже оба разгорячённые и красные, они начинают понемногу ослаблять свой натиск, и тогда Том говорит:

– Ты трус и щенок! Я расскажу про тебя моему старшему брату, он мизинцем тебя размажет; так и сделает, если я его попрошу.

– Зачем я должен бояться твоего брата? У меня брат, побольше твоего, он и не такое с твоим братом сделает. Он перебросит его через это забор. (Оба брата были вымышленные).

– Ты лжёшь!

– А ты не лжёшь.

Том прочертил черту по пыли большим пальцем и сказал:

– Не смей переходить её, а то я такую взбучку тебя устрою, что даже встать не сможешь. Каждый получит трёпку, кто перейдёт черту!

Новый мальчишка сразу же переступил и сказал:

– Ты сказал, что устроишь взбучку, ну так давай.

– Лучше не лезь ко мне.

– Но, ты же сказал, что устроишь. Давай же.

– Чёрт возьми, если не ударю за два цента.

Новый мальчишка вынул из кармана две больших монетки и с усмешкой протянул. Том бросил их на землю. В секунду мальчишки стали кататься в пыли, сцепившись как коты. И на минуту даже трепали и таскали друг другу за волосы, одежду; ударяли и царапали носы, покрываясь пылью и славой. Внезапно драка приобрела иной характер: Том сквозь туман сидит на своём противнике и колотит его кулаками.

– Проси пощады! – требует он.

Мальчик только старается выпутаться. Он плакал, но больше от злости.

– Проси пощады! – схватка продолжается.

Вскоре незнакомец пробормотал: “Пощада!”. Том отпустил его и сказал:

– Это послужит тебе уроком. В следующий раз смотри, с кем связываешься.

Новый мальчик стал очищать себя от пыли, всхлипывая, шмыгая носом, иногда оборачиваясь, качая головой и угрожая в следующий раз “расправиться с Томом”. На это Том ответил усмешками и направился гордый домой; только он повернулся спиной к мальчишке, как тот схватил камень, кинул его и ударил Тома между лопатками, а сам умчался, как антилопа. Том преследовал его до самого дома, пока не узнал, где он живёт. Он постоял у ворот некоторое время, приглашая своего врага выйти, но тот лишь строил гримасы через окно и отказывался выходить. Наконец появилась мама врага, которая назвала Тома гадким, злобным, грубым мальчишкой и потребовала, чтобы он убирался. И он ушёл, но он “пообещал себе рассчитаться” с этим мальчишкой.

Он вернулся домой очень поздно, осторожно влез через окно и попал в засаду тётушки. Когда она увидела в каком состоянии его одежда, её решимость превратить его субботу в каторжный день стала твёрдой, как алмаз.

Глава 2

Наступило утро субботы. Летняя природа сияла, была свежая и полна жизни. Песня звучала в каждом сердце; если сердце было молодо, то песня лилась с губ. Радость была на каждом лице, походка превращалась в танец. Акации стояли в цвету и наполняли воздух ароматом. Кардифский холм, возвышающийся над деревней, был покрыт зеленью

и находился достаточно далеко, чтобы казаться Усладительным краем, волшебным, мирным и заманчивым.

Том появился на дороге с ведром извести и длинной кистью. Он посмотрел на забор – вся радость улетучилась от него, а поселилась глубокая печаль. Забор в тридцать ярдов³ длины и девять ширины! Жизнь ему показалась обесмыслена, существование – бременем. Вздыхая, он обмакнул кисть и провёл по самой длинной доске. Повторил тоже самое, ещё раз и остановился. Сравнил несчастную белую полоску с ещё некрашеным забором и уселся под деревом в отчаянии. Из ворот прыгая вприпрыжку, появился Джим с жестяным ведром, он напевал “Девушки в Буффало”. Носить воду с местной водокачки для Тома всегда была ненавистной работы, но сейчас она представилась ему в ином свете. Он вспомнил, что у водокачки всегда собиралась компашка – белые, мулаты, чернокожие мальчики и девочки всегда дожидаясь своей очереди, отдыхают, обмениваются игрушками, ссорятся, дерутся и балуются. Он также вспомнил, что водокачка находится не более полутора ярдов. Джим никогда не возвращается с ведром воды не раньше, чем через час, обычно за ним даже приходится посылать кого-то.

– Слушай, Джим, давай я сбегаяю за водой, а ты покрасишь забор – предложил Том.

Джим покачал головой и ответил:

– Не могу, масса⁴ Том. Старая миссис сказала, чтобы я сходил за водой и ни с кем не заговаривал по дороге. Она

сказала, если масса Том попросит помочь ему с покраской, то не слушать его, а идти своей дорогой. Она сама посмотрит, как он будет красить.

– Да, забудь ты, что она тебе сказала, Джим! Она всегда так говорит. Отдай мне ведро, я мигом сбегаю, она и не узнает.

– Ой, я не могу, масса Том. Старая миссис сказала, что голову мне оторвёт. Правда, правда оторвёт.

– Она? Да, она даже пальцем никого не тронет – разве только, что стукнет по голове своим напёрстком. Но кого это может напугать, мне хочется узнать. Она много говорит, но от слов ведь не больно; если только она не плачет в этот момент. Джим, я подарю тебе шарик. Белый шарик!

Джим начал колебаться.

– Белый шарик, Джим! Это же отличный шарик⁵.

– Ещё бы, это отличная вещица! Я знаю, но масса Том, старая миссис будет вне себя, я боюсь...

– К тому же, я покажу тебе свой волдырь на ноге.

Джим был человеком, и искушение привлекало его. Он поставил ведро, взял белый шарик, и с большим интересом смотрел, как Том развязывает бинт, но уже через минуту он уже летел по улице с ведром в руке и болью в затылке, Том усердно красил забор, а тётушка Полли уходила с места действия с туплёй и торжеством в глазах.

Но энергии у Тома надолго не хватило. Он вспомнил, как весело он хотел провести этот день, и на сердце становилось

тяжелее. В скором времени другие мальчишки, свободные от работы, будут развлекаться на улице и смеяться над ним, что у него полно работы. Лишь только эта горькая мысль жгла его, как огонь. Он вытащил из карманов свои драгоценности и стал рассматривать их: обломки игрушек, шарики и всякий мусор. Достаточно, чтобы обменяться работой, но не хватит, чтобы купить полчаса свободы. Он спрятал своё скудное имущество и отказался от идеи подкупкой игрушками. В эту мрачную и безнадёжную минуту его осенило! Да, великая, поразительная мысль!

Он взял свою кисть и спокойно принялся за работу. Как раз вдали появился Бен Роджерс, тот самый мальчишка, чьи насмешки были самые ужасными. Походка у Бена была приплясывающая и подпрыгивающая – доказательство того, что на сердце у него легко и ожидания от дня высоки. Он ел яблоко и время от времени издавал длинный мелодичный свист, за которым следовали на очень низких нотах звуки: “дин-дон-дон, дин-дон-дон”, так он изображал пароход. Подходя ближе, он замедлил шаг, пошёл по середине улицы и сильно накренился на правый борт, чтобы осторожно повернуться с надлежащей важностью и солидностью, поскольку он представлял собой “Большую Миссури” и считал, что он на десять футов в воде. Он был всё вместе – пароход, капитан и звонок машиниста; он представлял, что стоит на собственном мостике и отдаёт приказания и сам же выполняет их.

– Стоп, машина, сэр! Динь-дилинг-динь!

Пароход практически остановился и медленно приблизился к тротуару.

– Задний ход! Динь-дилинг-динь!

Его руки вытянулись и крепко прижались к бокам.

– Задний ход! Право руля! Динь-дилинг-динь! Шшш-шшш-шшш!

Его правая рука в это время описывала большие круги, словно колесо в сорок футов.

– Лево руля! Динь-дилинг-динь! Шшш-шшшш-шшшш!

Его левая рука стала описывать круги.

– Стоп, право руля! Динь-дилинг-динь! Стоп, лево руля! Вперёд и направо! Стоп, машина! Малый ход! Динь-дилинг-динь! Шш-шш! Отдать концы! Живее! Эй, на берегу! Чего стоишь? Накидывай петлю на столб! Задний швартов! А теперь отпусти! Машина остановлена, сэр! Динь-дилинг-динь! Шт! Шт! Шт! (выпускает пар).

Том красил забор и не обращал внимание на пароход. Бен уставился на него, а затем произнёс:

– Ага! Это ты свая, так ведь?

Ответа нет. Том глазами художника смотрел на свой последний мазок, затем слегка провёл кистью и опять любовался художеством. Бен встал рядом с ним. У Тома слюнки потекли при виде яблока, но он не отрывался от работы. Бен спросил:

– Эй, старина, запрягли работой?

Том круто повернулся и сказал:

– Ааа, это ты, Бен! Я тебе не заметил.

– Слушай, я тут собираюсь поплавать, не хочешь тоже? Но тебе же нужно работать. Ну, конечно, нужно!

Том ненадолго взглянул на него и сказал:

– Что ты называешь работой?

– А разве это не работа?

Том продолжил красить и ответил небрежно:

– Да, может, а может и нет. Я знаю одно – это свойственно

Тому Сойеру.

– О, да что ты! Не хочешь ли ты сказать, что тебе это нравится?

Том продолжал красить.

– Нравится ли? Да, я не понимаю, как это не может не нравится. Разве каждый день мальчишкам выдаётся случай покрасить забор?

Дело получило иной поворот. Бен перестал грызть яблоко. Том элегантно водил кистью туда-сюда; отступил назад, чтобы полюбоваться; добавил мазок там и тут; снова любовался искусством, а Бен следил за каждым движением, ему становилось всё интереснее и интереснее, он всё больше увлекался. Внезапно он сказал:

– Слушай, Том, дай мне покрасить чуть-чуть.

Том подумал, хотел было согласиться, но передумал:

– Нет, нет. Ничего не получится, Бен. Видишь ли, тётушка Полли ужасна привередлива насчёт этого забора, он ведь выходит на улицу. Вот, если бы, с другой стороны, то я был

бы не против и она тоже. Да, она очень привередлива насчёт этого забора, поэтому нужно всё делать аккуратно. Я так думаю, что из тысячи... нет, даже из двух тысяч мальчишек найдётся только один, который сможет справиться с этим.

– С этим? Ой, да, дай же мне попробовать... чуть-чуть. Если бы я был тобой, я бы позволил, Том.

– Бен, мне правда хотелось бы, но тётушка Полли... Джим тоже хотел, но она не позволила ему; Сид хотел, но она и ему не позволила. И вообще, ты не видишь, как я стараюсь? Ну, вот, если я дам тебе побелить, вдруг ты что-то не так сделаешь...

– Вздор! Я буду так же осторожен. Дай только попробовать. Слушай, я отдам тебе серединку яблока.

– Ну, ладно. Нет, Бен, я так не могу. Я боюсь, что...

– Я отдам всё яблоко!

Том отдал кисть с неохотой на лице, но с радостью на душе. И пока бывший пароход “Большой Миссури” работал и потел на солнце, удалившийся художник сидел на бочке в тени, болтал ногами, хрустел яблоком и раздумывал о плане для других простаков. С этим проблем не было: мальчишки появились в скором времени, они начали с насмешек, а заканчивали – покраской забора. Когда Бен уработался, Том уже продал следующее место Билли Фишера за воздушного змея, в хорошем состоянии; когда он уже удалился, Джонни Миллер купил место в виде мёртвой крысы и верёвочки, на которой её можно раскручивать; и так далее час за часом.

Так что к середине дня Том, ещё утром бедняком превратился в богача, буквально утопающего в богатстве. Кроме тех вещей, которые были названы, у него оказались двадцать шариков, обломок зубной “туделки^б”, осколок синей бутылки, чтобы глядеть через неё, катушечная пушка, ключ, которым нельзя ничего открыть, кусок мела, стеклянная пробка от графина, оловянный солдатик, пара головастиков, шесть хлопушек, одноглазый котёнок, медная дверная ручка, собачий ошейник, но без собаки, рукоятка ножа, четыре апельсиновые корки и ветхая старая оконная рама.

Том приятно и весело провёл время в большой компании, ничего не делая, а забор между тем покрылся тройным слоем краски! Если бы извёстка не закончилась, он разорил бы всех мальчиков в деревне.

Том сказал себе, что, в сущности, жизнь не так уж плоха. Он, сам того не зная, открыл великий закон человеческой деятельности, а именно, чтобы заставить взрослого или маленького человека страстно захотеть обладать чем-нибудь, нужно сделать это труднодостижимым. Если бы он был таким же великим мудрецом, как и автор этой книги, он понял бы, что Работа заключается в том, что человек обязан делать, а Игра, когда не обязан.

Это помогло бы ему понять почему изготавливать искусственные цветы или вертеть мельницу – это работа, а сбивание кеглей или восхождение на гору Монблан – развлечение. В Англии есть богатые джентльмены, которые в летние дни

ездят в пассажирских каретах, запряжённых четвёрткой лошадей по двадцать или тридцать миль только потому, что за это нужно платить приличную сумму денег; но если бы им предложили плату за это, то развлечение превратилось бы в работу бы, и они бы отказались.

Некоторое время Том не двигался с места, он размышлял над существенной переменной, произошедшей в его мирной жизни, затем он отправился в штаб-квартиру, чтобы доложить об окончании работы.

Глава 3

Том предстал теперь перед тётушкой Полли, которая сидела перед открытым окном в уютной задней комнате, она служила спальней, столовой, кухней и кабинетом. Мягкий летний воздух, безмятежная тишина, аромат цветов и усыпляющее жужжание пчёл произвели на неё действие – она клевала носом над вязаньем, так как с ней никого не было, кроме кота, который спал у неё на коленках. Очки были вздёрнуты над её седой головой для безопасности. Она понимала, что Том, конечно, давно уже убежал, и удивилась как у него есть смелость явиться за суровым наказанием. Он спросил:

- Могу ли я теперь пойти поиграть, тётушка?
- Как! Уже? Что ты успел сделать?
- Всё, тётушка.

– Том, не ври мне. Терпеть этого не могу.

– Я не вру, всё готово.

Тётя Полли не очень поверила этим уверениям. Она пошла сама проверить, и была бы рада, если в заявлении Тома хоть двадцать процентов были правдой. Когда на увидела, что весь забор выбелен, и не просто выбелен, а старательно покрыт несколькими густыми слоями краски, даже по земле проведена белая полоса, её изумлению не было предела. Она сказала:

– Ну, знаешь, вот никогда бы не подумала, что ты, Том, можешь так работать, если захочешь!

Тут она сочла нужным смягчить комплимент и добавила:

– Но, ты достаточно рано закончил работать, надо сказать. Ладно, ступай, но возвращайся вовремя иначе ты у меня получишь.

Она была так восхищена от его великого подвига, что повела его в чулан, выбрала лучшее яблоко и вручила ему с наставлением, что это добавочная ценность и сладость угощения, заслуженного честным усердным трудом. Как раз, когда она заканчивала свою речь удачливой цитатой из Священного Писания, Том успел спрятать пряник.

Затем он выскочил за двор и заметил Сиду, поднимающегося по наружной лестнице в задние комнаты на втором этаже. Комья земли были под рукой у Тома, и воздух в мгновение ока наполнился ими. Они градом посыпались на Сиду; и прежде, чем тётюшка Полли успела прийти в себя и подо-

спеть на выручку, шесть или семь комочков земли уже попали в цель; Том был уже за забором. Была, конечно, калитка, но он, по обыкновению, из-за нехватки времени не использовал её. У него было спокойно на душе, теперь, когда он рассчитался с Сидом, указавший тётке Полли на подвох с чёрной ниткой.

Том обогнул улицу и скрылся в пыльном переулке, который протягивается позади коровника тётушки. Он чувствовал себя в безопасности, когда избежал пленения и наказания, и направился к главной площади деревушки, где две “военные” компании мальчишек должны были сойтись, по уже предварительному уговору. Том был генералом одной из этих компаний, Джо Гарпер (его закадычный друг) – генерал другой. Эти два великолепных руководителя не снизошли, чтобы сразиться лично – это больше подходило для мелюзги; они сидели на возвышении и руководили происходящим, отдавая приказы через адъютантов.

Армия Тома одержала величайшую победу после продолжительного упорного боя. Затем пересчитали погибших, обменялись пленными, договорились о новом сражении и назначали день битвы. После чего обе армии выстроились в шеренгу и маршем покинули поле битвы, а Том отправился домой один.

Когда он проходил мимо дома, где живёт Джо Гарпер, он увидел в саду какую-то новенькую девочку – милая голубоглазая красавица с золотистыми волосами, заплетённые в

две косички, в белоснежном летнем платице и кружевных панталончиках. Только что увитый лаврами герой упал без выстрела. Некая Эми Лоуренс испарилась из его сердца, так же, как и память о ней. Он думал, что любил её до безумства, обожал, но это оказалось лишь жалким, мимолётным увлечением. Он добивался её месяцами, а она всего неделю назад призналась, что любит его. Он был самым счастливым и гордым мальчиком в мире на эти коротких семь дней. А сейчас, она в мгновение ушла из его сердца, как обычный незнакомец, заглянувший на минутку.

Он украдкой смотрел на этого нового ангела, пока не понял, что она не заметила его. Он притворился, что не подозревает о её присутствии и начал красоваться самыми нелепыми способами, чтобы только вызвать её восхищение. Некоторое время он проделывал это дурачество, но заметил, что девочка отвернулась и направилась домой, пока он вытворял один из опасных гимнастических трюков. Том взобрался на забор и с горестью облокотился на него, только лишь бы она задержалась ещё ненадолго. Она на минутку остановилась на ступеньках, а затем шагнула в дом. Том тяжело вздохнул, когда она ступила на порог, но тотчас же его лицо просияло, потому что она кинула ему фиалку и тут же скрылась.

Мальчишка побежал и остановился в шаге или двух от цветка, затем приставил ладонь к глазам и начал всматриваться в дальний конец улицы, как будто там происходит

что-то интересное. Он осторожно подобрал соломинку и попытался удержать её на кончике носа, закинув голову назад. Он пододвигался из стороны в сторону всё ближе и ближе к фиалке, наконец он наступил на неё босой ногой, поднял своими гибкими пальцами и исчез за поворотом с этим соковыжималкой. Но он скрылся всего лишь на минуту, чтобы расстегнуть куртку и спрятать цветок поближе к сердцу или же к желудку, он не очень разбирался в анатомии и не слишком заботился об этом.

Он вернулся обратно и до самого вечера оставался у забора, до сих пор красуясь как до этого. Но девочка больше не показывалась, хоть Том и утешал себя мыслью, что она стоит у какого-нибудь окна и в курсе его выкрутасов. Наконец, он неохотно зашагал домой, а его голова была полна фантастических грёз.

Весь ужин он проявлял такое возбуждение, что его тётюшка даже удивилась, что такое стряслось с ребёнком. Получив хорошую взбучку за то, что кинул в Сиду землёй, он почему-то не сильно об этом беспокоился.

Он попытался украсть сахар прямо из-под носа у тётюшки, но получил за это по рукам. Он сказал:

– Тётюшка, вы не шлёпаете Сиду, когда он берёт.

– Сид не мучает людей, как ты. Ты бы всегда хватал сахар, если бы я не следила за тобой.

Только она ушла на кухню, как Сид, пользуясь своей безнаказанностью, потянулся к сахарнице, слегка поглядывая

на Тома с насмешливо торжествующим взглядом. Но нечаянно рука Сиды соскользнула, и сахарница упала и разбилась. Том был в восторге. В таком восторге, что еле держал язык за зубами и оставался безмолвным. Он решил, что не скажет ни слова, даже когда тётя придёт, будет сидеть смиренно, пока она не спросит, кто это натворил. Вот тогда он расскажет всё, и ему будет весело смотреть, как она расправится со своим примерным любимчиком. Он был так переполнен ликованием, что едва мог сдерживаться, когда старушка воротилась и встала над осколками, метая молниеносные взоры поверх очков. Том сказал себе: “Вот, это оно начинается!” Но в следующее мгновение он уже лежал на полу! Властная рука занеслась над ним, чтобы ударить его снова, но Том воскликнул:

– Пойдите! За что же вы меня бьёте? Это Сид разбил!

Тётя Полли в смущении остановилась, а Том ожидал раскаяния и сожаления. Но едва к ней вернулся дар речи, она только и сказала ему:

– Ну, всё равно ты недаром это заслужил. Уж наверно, ты устроил какую-то проказу, пока меня не было.

Тут совесть стала упрекать её, и ей захотелось сказать, что милое и ласковое; но, она беспокоилась, что это будет выглядеть как признание в своей неправоте, чего не допускала дисциплина. Поэтому она промолчала, и занялась своими обычными делами с тяжёлым сердцем. Том дулся в углу, преувеличивая свои обиды. Он знал, что в душе тётя стояла

на коленях перед ним, и находил мрачное удовлетворение в этом. Он решил не привлекать к себе внимания. Он чувствовал, что время от времени она обращала на него горестный взгляд сквозь слёзы, но старался не замечать этого. Он представил себя лежащим умирающим, и тётушку, которая склонилась около него с мольбой об прощении, но он лишь поворачивал голову к стене на это и, умирая, не произнёс ни слова. Ах, как бы она тогда себя чувствовала? И он представил себе, как его приносят домой мёртвым только что с реки, с мокрыми волосами и его страдающее сердце успокоилось навеки. Как бы она бросилась к его мёртвому телу, как её слёзы текли бы словно ручей, её губы молили бы Господа Бога вернуть ей обратно её мальчика и, что она никогда, никогда не причинит ему боль!

Но он будет продолжать лежать холодным и мёртвым, не подавая признаков жизни – несчастный маленький страдалец, муки которого закончились навсегда! Он так всё себе представил, эти грустные картины, что расчувствовался и едва сдерживался от рыданий; его глаза были полны слёз, поэтому, когда он мигал, они катились вниз и падали с кончика носа. Ему было так сладко усладить свои горести, что не хотел тревожить себя обычной радостью или приятным удовольствием; оно было слишком высоко над ними. Поэтому, когда двоюродная сестра Мэри влетела в комнату, приплясывая, полная радости, что вернулась домой после недельного визита, он вскочил и ушёл мрачный и приунылый в одну

дверь подальше от звуков и света, которые она принесла с собой.

Он бродил вдали от тех мест, где обычно собираются мальчишки, ища уединённые места такие же, как у него сейчас на душе. Плот на реке манил его, поэтому он сел на самый край и смотрел на угрюмую водную ширь, мечтая, как бы мгновенно и не заметно утонуть в воде, не подвергаясь себя неприятной судьбе природы. Затем, он подумал про цветок. Он достал его, уже увядшим и мятым, и это ещё больше удвоило его грусть. Он подумал, пожалела бы она его, если бы знала? Заплакала бы она и обвила бы руки вокруг его шеи, чтобы утешить его? Или же она бы отвернулась, как и весь этот пустой мир? Это картина привела его в такой приступ приятнейшего страдания, что он представлял это всё в новом и новом свете, пока не истребал окончательно. Напоследок он встал со вздохом и пошёл в темноту.

В половине девятого или десятого он проходил по пустынной улице, где проживает Обожаемая Незнакомка; он остановился на секунду; никакой звук не проходил мимо его ушей; тусклая свечка озаряла штору одного окна на втором этаже. Не это ли её священная комната? Он перелез через забор, тихонько пробрался среди растений, пока не остановился под тем самым окном; он долго смотрел на него с волнением, затем опустил на спину, сложив руки на груди с увядшим цветком. И в этот момент он хотел умереть – брошенный в холодном мире, без крова над головой, дружеской ру-

ки, которая уберёт смертный пот с его лба, любящего человека, который склонится над ним в минуту последней агонии. Таким она увидит его завтра, когда выглянет из окна. Прольёт ли она хоть одну слезинку над его бедным, безжизненным телом, вздохнёт ли она при виде этой цветущей юной загубленной жизнью, которая так рано оборвалась?

Отворилось окно, и визгливый голос служанки прорвал мёртвую тишину. Поток воды окатил останки страдальца!

Фыркая, захлебнувшийся герой вскочил. Вскоре в воздухе что-то просвистело, послышалось негромкое ругательство, затем последовал звук разбившегося стекла, и маленькая тень перепрыгнула забор и скрылась в темноте.

Немного спустя, когда Том уже лежал, раздевшись в постели, рассматривая свою мокрую одежду при свете обгоревшей свечи, проснулся Сид. Если же у него и промелькнули хоть какие-то догадки, то он пожелал от них воздержаться, увидев угрозу в глазах Тома.

Том улёгся, не утруждая себя молитвой, а Сид отметил мысленно это упущение.

Глава 4

Солнце встало над спокойным миром и озарило деревню своими лучами, как бы благословляя её. После завтрака тётка Полли приступила к обычному семейному богослужению: всё начинается с молитвы, составленной на прочном

фундаменте библейских цитат, которые она как-то скрепила своими домыслами. Затем, с вершины точно Синайской горы, она прочла суровую заповедь закона Моисеева.

После этого препоясал Том, так сказать, свои чресла⁷ и принялся за зубрёжку своих стихов из Библии. Сид уже давно подготовился к уроку. Том напрягал всю свои память, чтобы запомнить пять стихов, которые он выбрал из Нагорной проповеди, так как не мог найти стихов короче. Спустя полчаса ему пришло смутное понимание урока, не больше, потому что в это время его мышление блуждало по всему человеческому познанию, его руки были заняты посторонними развлечениями. Мэри взяла его книгу, чтобы услышать урок, и он старался найти путь в тумане.

– Блаженные...

– Нищие...

– Да, нищие. Блаженные нищие...

– Духом....

– Духом. Блаженные нищие духом, ибо они, они...

– Их...

– Ибо их. Блаженные нищие духом, ибо их есть царство небесное. Блаженные плачущие, ибо они, они...

– Уте...

– Ибо они... э...

– У-Т-Е...

– Ибо они ут... Ой, да не знаю, что они там делают!

– Утешатся!

– А, утешатся! Ибо они утешатся... ибо они утешатся... эээ... блаженные плачущие, ибо они... что они? Почему ты меня не подсказешь, Мэри? От чего ты дразнишь меня?

– Ох, Том, ты такой глуповатый мальчик, я вовсе не дразню тебя. Я бы этого не сделала. Ты должен опять приниматься за урок и выучить его. Не обижайся, Том, у тебя получится, и если ты это сделаешь, то я подарю тебе что-нибудь хорошенькое. Будь хорошим мальчиком, ступай, выучи.

– Хорошо! Что же это будет, Мэри? Скажи мне.

– Не беспокойся об этом, Том. Если я сказала, что это будет что-то хорошенькое, то так оно и будет.

– Смотри же, ты обещала, Мэри. Хорошо, я пойду опять сяду и выучу.

И он сел и принялся за урок, но уже с удвоенным любопытством и желанием заполучить подарок, и выучил с такой энергией и блистательным успехом. Мэри подарила ему новенький нож фирмы Барлоу, стоящий двенадцать с половиной центов, и трепет восторга пронизывал всё его тело. По правде, этот нож не может ничего порезать, но он был самый настоящий Барлоу, а в этом было непостижимое величие. Откуда мальчишки Запада взяли, что такое оружие можно подделать, и что от этого они становятся хуже, остаётся загадкой, и, возможно, так будет всегда. Всё же Тому удалось изрезать этим ножом кухонный шкафчик, и он уже принялся за письменный стол, но его позвали одеваться, чтобы пойти в воскресную школу.

Мэри дала ему жестяной таз с водой и кусочек мыла, он вышел на улицу и поставил таз на маленькую скамеечку. Затем он опустил мыло в воду и положил его на прежнее место, засучил рукава, осторожно вылил воду на землю и вошёл на кухню, чтобы вытереть лицо полотенцем, висевшем за дверью. Но Мэри забрала у него полотенце и сказала:

– И не стыдно тебе, Том? Ты не должен быть таким скверным мальчиком. Вода тебе ничего не сделает.

Том был слегка сбит с толку. Снова таз наполнили водой, и в этот раз он постоял над ним некоторое время, набираясь храбрости, сделал большой вдох и приступил. Когда он зашёл на кухню, зажмурил глаза и нащупывая полотенце руками, вода и мыльная пена стекали у него по лицу, свидетельствовали о его добросовестных усилиях.

Когда же он вылез из-под полотенца, он был всё ещё неудовлетворен, так как чистое пространство заканчивалось у его подбородка и челюстей, словно маска. Ниже и за этой линией простиралась обширная, не орошённая водой территория, вверху поднимавшаяся на лоб, а внизу ложившаяся тёмной полоской вокруг шеи. Мэри принялась за него сама, и, когда она уже закончила с ним, он стал человеком и братом, с ничем не отличавшейся кожей лица, его мокрые волосы были гладко причёсаны – красиво и симметрично лежали кудряшками. (Он тайком выпрямлял их с трудом: он крепко прижимал их к голове, так как считал кудри признаком изнеженности, они наполняли его жизнь горестью). Затем Мэ-

ри принесла костюм, который он надевает только по воскресеньям уже в течении двух лет – он просто назывался другой парой – и это даёт нам возможность понять его гардероб. Мэри привела его в порядок, когда он оделся; она застегнула ему курточку до самого подбородка, отвернула на плечи, почистила щёткой и увенчала его пёстрой соломенной шляпой. Вид у него теперь был приличный и гораздо печальный. Он и чувствовал себя также печально, потому что в одежде и чистоте была какая-то сдержанность, которая его очень раздражала. Он надеялся, что Мэри забудет про обувь, но его надежды разрушились. Она тщательно обмазала их салом, как и положено, и принесла ему. Тут его терпение лопнуло, и он сказал, что он всё время делает, то, что ему не нравится. Мэри ответила на это убедительно:

– Прошу тебя, Том, будь хорошим мальчиком.

Тогда он ворча надел ботинки. В скором времени Мэри собралась, и трое детей направились к воскресной школе – место, которое Том ненавидел больше всего, но Сиду и Мэри оно нравилось.

Занятия в воскресной школе проходили с девяти до половины одиннадцатого, затем следовала церковная служба. Двое из ребят всегда добровольно оставались послушать проповедь священника, другой же оставался, но причины у него были более серьёзные. Жёсткие скамьи без подушек были высокими и могли вместить около трёхсот человек. Здание было маленькое, неказистое, и на крыше торчало нечто

вроде узкого ящика из сосновых досок – колокольня. У дверей Том отстал и заговорил с одним из своих приятелей, одетым в воскресный костюм:

– Послушай, Билли, у тебя есть жёлтый билетик?

– Да.

– Что возьмёшь за него?

– А что ты предлагаешь?

– Кусок лакрицы и рыболовный крючок.

– Покажи.

Том показал. Они были в полном порядке и перешли из рук в руки. Затем Том обменял ещё два белых шарика на три красных билета, и какую-то безделушку за пару голубых. Он подстерегал других проходивших мальчиков и скупал у них билетики разных цветов ещё минут десять-пятнадцать. Теперь же он вошёл в церковь вместе с толпой чистеньких и шумных мальчиков и девочек, уселся на своё место и устроил ссору с первым попавшимся мальчиком. Учитель, серьёзный пожилой человек, вмешался; но только он отвернулся, как Том дёрнул за волосы мальчика, сидевшего перед ним, и притворился увлечённым книгой, когда мальчик обернулся; в другого мальчика он уколол булавкой, чтобы услышать звук: “Ой!” и снова получить выговор от учителя. Впрочем, весь класс был таким – беспокойным, шумным и доставляющим хлопот. Когда приходилось отвечать урок, никто не знал своих стихов как следует, и приходилось подсказывать. Но, кое-как они добрались до конца урока, и каждый полу-

чил свою награду – пару синих билетиков с текстом из Библии. Каждый синий билетик равнялся двум стишкам, прочтённых наизусть; десять синих билетиков равнялись одному красному и могли быть обменены на него; десять красных билетиков – один жёлтый; а за десять жёлтых директор давал ученику Библию в простом переплёте (стоившую в эти времена сорок центов). У многих ли из моих читателей хватило бы сил и терпения, чтобы заучить наизусть две тысячи стишков, даже, если бы им была обещана Библия с рисунками Доре? А вот Мэри заработала таким образом уже целых две Библии – ценной двухлетнего непосильного труда. А один мальчик, немецкого происхождения, получил уже четыре или пять. Он, однажды, прочёл три тысячи стишков без передышки; это потребовало чересчур сильного умственного напряжения; в этот день он стал считаться идиотом – самое большое несчастье для школы, так как в торжественных случаях, перед публикой, директор (по выражению Тома) заставлял его распинаться. Только старшие ученики умели беречь свои билетики и предаваться унылой зубрёжке, чтобы получить заветную Библию. Выдача этого приза было одним из редких и достопримечательных событий. Ученик, заполучивший Библию, делался на этот день великим и славным, что сердце у каждого ученика загоралось по крайней мере на две недели пойти по его стопам. Возможно, что духовный желудок Тома вовсе не нуждался в этой премии, но всё его существо жаждало славы и блеска, связанных с нею.

В надлежащее время директор появился на кафедре с закрытым молитвенником в руках и с указательным пальцем, засунутым между его листами, он попросил внимания. Когда директор воскресной школы произносит свою обычную краткую речь, молитвенник в его руке так же необходим, как певцу лист нот, выступающему на концертной сцене соло. Хотя какая в них надобность, остаётся загадкой: ибо ни в молитвенник, ни в ноты ни один из этих мучеников не заглядывает. Директор был невзрачным человеком лет тридцати-пяти, с песочного цвета бородкой и волос. Он носил тугий стоячий воротник, верхний край которого почти доходил до ушей, а острые кончики загибались рядом с уголками рта – ограждение, вынуждавшее его смотреть только вперёд и поворачиваться всем телом, чтобы смотреть куда-нибудь вбок, если этого требовалось. Его подбородок покоился на развевающемся галстуке, который был широким не меньше банкноты, окаймлённый на концах. Носки ботинок по тогдашней моде были сильно загнуты вверх, словно полозья саней. Такого эффекта молодые люди достигали настойчиво и терпеливо, прижав носки к стенке и сидя в такой позе часами. Мистер Волтерс был с виду серьёзным, но сердцем – чистым и искренним. Он почитал священные предметы и места и так отделял их от всего грубо-житейского, что он незаметно для самого себя в воскресной школе изменял свой голос, говоря со специальной интонацией, которой вовсе не обладал в будние дни. Он начал свою речь так:

– Итак, дети, я попросил бы вас посидеть тихо минутку-две, чтобы вы смогли выслушать меня, как можно внимательнее. Вот, именно так. Вот так должны себя вести хорошие мальчики и девочки. Я замечаю, что одна маленькая девочка смотрит в окошечко, я боюсь, она думает, что я где-то там. Возможно, я нахожусь на одном из этих деревьев, и говорю свою речь каким-нибудь пташкам. (Одобрительное хихиканье). Мне хочется отметить, как мне приятно видеть столько светлых, чистеньких личиков, собранных здесь, чтобы научиться поступать справедливо и правильно.

И так далее, и тому подобное. Нет надобности приводить остальную часть речи. Это часть не меняется, и мы все с ней знакомы.

Последняя треть речи была омрачена боями и другими развлечениями, которые вытворяют некоторые дурные мальчишки. Дети ёрзали и шептались, распространяя по всей аудитории, проникая даже к таким одиноким, непоколебимым утёсам, как Сид и Мэри. Но все разговоры умолкли, как только голос директора стал понижаться, и конец его речи был встречен взрывом немой благодарности.

Шёпот в значительной степени был вызван событием довольно редким появлением посетителей: адвоката Тэтчера, в сопровождении какого-то хилого старика; хорошенького осанистого джентльмена средних лет, с седеющими волосами; величавая дама, которая без сомнений была женой последнего. Дама вела девочку. Тому всё время не сиделось на

месте, он чувствовал себя очень неловко, кроме того, его мучали угрызения совести, он не мог глядеть в глаза Эми Лоуренс, не мог выдержать её любящий взор. Но, как только он увидел маленькую посетительницу, его душа преисполнилась блаженства. Он мгновенно начал красоваться, что есть мочи, колотить мальчишек, дёргал за волосы, строил рожицы, словом, делал всё, что может очаровать девочку и заслужить её одобрение. У его ликования была лишь одна неприятность – воспоминание об унижении, в том саду у ангела. Но даже этому событию было предназначено смыться в водном блаженстве.

Посетителей пригласили на почётные места, и как только Мистер Волтерс закончил свою речь, он представил их всей школе. Средних лет мужчина оказался важной особой – не более, не менее, как окружным судьёй. В целом, это было самое величественное создание, на которое когда-либо смотрели эти дети, задаваясь вопросом, из какого материала он сделан, им не то хотелось услышать, как он рычит, не то боялись, что он может это сделать. Он был из Константинополя, двадцать миль отсюда, так что можно было сказать, что он был путешественником и видел весь мир. Его глаза увидели здание окружного суда, которое, говорят, покрыто железом. Восхищение, вызываемыми подобными мыслями, скрывалось в внушительной тишине, устремлённых на посетителя глаз. Этот был великий судья Тэтчер, родной брат местного адвоката. Джефф Тэтчер немедленно вышел поздороваться

на зависть всей школы, чтобы показать, как близко он знаком с великим человеком. Если бы он слышал перешёптывания своих товарищей, то это была бы сладостная музыка для его души:

– Посмотри на него, Джим! Он идёт туда. Посмотри же! Он собирается протянуть руку? Он пожимает ему руку! Ого! Тебе бы тоже хотел также, Джефф?

Мистер Волтерс старался проявлять во всём всякого рода официальную почтительность и расторопность: его советы, приказания, замечания о том, о сём и обо всём, что приходило в голову. Библиотекарь также “выставлялся”, бегая назад и вперёд с охапкой книг, страшно при этом усердствуя, шумя, суетясь. Молоденькие леди-учительницы также “выставлялись”, мило склоняясь над учениками, которые недавно получили, поднимали красивые угрожающие пальчики на плохих мальчиков и с любовью похлопывали хороших. Молодые джентльмены-учителя “выставлялись” лёгкими выговорами и другими проявлениями хорошей дисциплины. Большинству из них, обоего пола, вдруг понадобилось что-то в книжном шкафу, который стоял на виду – рядом с кафедрой. Они то и дело подбегали к нему (с озабоченным взглядом). Маленькие девочки “выставлялись” разными способами, а маленькие мальчики “выставлялись” с таким усердием, что воздух был полон шумом возни и бумажными шариками. А над всем этим стояла фигура великого человека, восседавшего в кресле, озаряя школу горде-

ливой улыбкой, и грелся в лучах собственного достоинства, так, что он тоже “выставлялся”.

Одного только одного не хватало Мистеру Волтерсу для полного блаженства: он жаждал показать им чудо-мальчика и вручить в качестве приза Библию. Несколько учеников имели пару жёлтых билетиков, но их было недостаточно, он даже опросил своих лучших учеников. Он отдал бы всё, лишь бы вернуть тому немецкому мальчику обратно рассудок.

И в эту минутку, когда все надежды были потеряны, Том Сойер выступает вперёд и предъявляет девять жёлтых и красных билетиков, десять синих, и требует в себе награду Библию! Это был удар среди ясного грома. Мистер Волтерс давно уже махнул рукой на Сойера, и не ожидал, что он сможет получить Библию в ближайшие десять лет. Но разбираться не приходилось: радость была налицо и говорила сама за себя. Итак, Тома возвели на помост, где восседали судья и другие избранники, и само начальство возвестило великую новость. Это было самое ошеломляющее событие последних десяти лет, и впечатление было так глубоко, что новый герой как бы сразу поднялся на одну высоту со знаменитым судьёй, так, что теперь вся школа глазела на два чуда вместо одного. Все мальчики сгорали от зависти, и больше всего мучались те, которые слишком поздно сообразили, что сами же внесли свой вклад в это ненавистное великолепие, продав Тому билетики за те сокровища, которые он приобрёл во время

покраски забора. Они презирали себя за то, что их так легко одурачил этот змей-обольститель.

Премия была вручена Тому со всей торжественностью, на какую в ту минуту был способен директор, но его речь не была слишком горяча. Бедняга чувствовал, что здесь кроется какая-то тайна, которая, возможно, не выдержит света. Это было слишком немыслимо, что этот мальчишка смог собрать в своей памяти две тысячи снопов библейской мудрости, когда в неё не может поместиться и дюжина.

Эми Лауренс была горда и довольна, и всячески пыталась это показать, но не получилось, Том не смотрел на неё. Она удивилась, потом немного встревожилась, затем в её душу проникло подозрение, но оно ушло и вернулось обратно. Она наблюдала, беглый взгляд сказал ей очень много – её сердце разбилось, она ревновала, злилась, слёзы текли по её щекам, она ненавидела всех, особенно Тома (как она думала).

Тома представили судье, но его язык прилип к гортани, ему было тяжело дышать, сердце трепетало – частично от страха перед таким грозным величием, но в основном, потому что это был её отец. Он готов был бы пасть и поклониться перед ним, если бы вокруг было темно. Судья положил руку на голову Тома и прозвал его хорошим малым, а также спросил, как его зовут. Мальчишка запнулся, разинул рот и произнёс:

– Том.

– О нет, не Том, а...

– Томас.

– Правильно. Я так и думал, что твоё имя немного длиннее. Очень хорошо. Но ведь у тебя же есть ещё и фамилия, так назови нам её.

– Скажи джентльмену свою фамилию, Томас, – вмешался Волтерс, – и, когда говоришь со старшими, произноси слово “сэр”. Не забывай о манерах.

– Меня зовут Том Сойер... сэр.

– Молодец! Очень хороший мальчик. Славный мальчишка, молодчина. Две тысячи стишков – это очень, очень много. Ты никогда не пожалеешь, что взял на себя труд, чтобы выучить их. Знание – это самое ценное на свете, это то, что делает человека великим и благородным. Однажды, Том, ты станешь тем самым человеком и будешь смотреть на всё это и скажешь: “Всем этим я обязан бесценным урокам в воскресной школе, которую я посещал в детстве, моим дорогим учителям, которые научили меня, прекрасному директору, который поощрял меня, следил за мной и вручил мне эту великолепную Библию, чтобы она всегда рядом со мной – это всё благодаря правильному воспитанию!” Вот так ты скажешь, Том, и не возьмёшь никакие деньги за эти две тысячи стишков, нет, не возьмёшь. А, сейчас, я надеюсь, что ты возражаешь, если я попрошу тебя рассказать мне и этой леди, что же ты выучил. Нет, не откажешься, потому что мы гордимся детьми, которые любят учиться. Ты, конечно, зна-

ешь все имена двенадцати апостолов. Не назовёшь ли ты нам первых двух?

Том теребил пуговицу и тупо смотрел на судью. Он покраснел и опустил глаза. Сердце Мистера Волтерса упало, как и его. Он сказал самому себе, что мальчишка не может ответить на такой вопрос, так зачем же судья его задаёт. Но всё же он счёл долгом вмешаться:

– Отвечай джентльмену, Том, не бойся.

Том всё ещё молча стоял.

– Мне-то ты ответишь, – сказала леди, – первых двух апостолов зовут...

– Давид и Голиаф!

Опустим завесу жалости происходящего дальше.

Глава 5

Около половины одиннадцатого зазвонил надтреснутый колокол маленькой церкви, и прихожане стали собираться на утреннюю проповедь. Ученики воскресной школы разошлись по сторонам церкви и уселись рядом со своими родителями, чтобы всё время быть надзором. Пришла тётушка Полли, рядом с ней сели Том, Сид, Мэри. Том посадили рядом с проходом, подальше от открытого окна, чтобы не отвлекаться на соблазнительные летние зрелища. Проходы были заполнены толпой людей: престарелый бедняк почтмейстер, который видел когда-то лучшие дни; мэр и его жена,

поскольку среди прочих излишеств в городке был и мэр; вот мировой судья; вдова Дуглас, красивая, нарядная женщина лет сорока с добрым сердцем и состоятельная, её дом на холме был единственным дворцом во всём городишке, к тому же самый гостеприимный, где проходили самые роскошные мероприятия, подобным в Санкт-Петербурге; сгорбленный и почтенный майор Уорд с супругой; адвокат Риверсон, новая важная залётная знаменитость; дальше местная красавица в толпе девиц, разбивательниц сердец, одетых в батисты и ленты; за ними собрались юные клерки города, они стоят в притворе, посасывая свои трости, напомаженные обаятели прекрасного пола, пока последняя девушка не прошла их строй; последним заходит примерный мальчик, Вилли Мафферсон со своей матушкой, охраняя её, словно она хрустальная. Он всегда сопровождает её в церковь, тем самым заслуживая восхищения у пожилых дам. Все мальчишки ненавидят его, потому что он такой хорошенький. По мимо этого, он постоянно “тычит” своим благоденствием. Его белый носовой платочек всегда торчит из кармана по воскресеньям, как и сейчас. У Тома никогда не было носового платка, и он считал, что мальчишки, у которых он есть – позеры.

Когда вся церковь наполнялась народом, колокол прозвонил ещё раз, чтобы предупредить отставших и запоздавших, и в церкви воцарилась тишина, нарушаемая шёпотом и хихиканьем певчих. Они всегда хихикают и перешёптываются во время церковной службы. В одной церкви я видел певчих,

которые вели себя более непристойно, но я не помню, где это было. Это было много лет назад, так что еле-еле могу вспомнить об этом хоть что-то, но мне кажется, это было в другой стране.

Священник назвал гимн и прочёл его с наслаждением, в своеобразном стиле, который очень нравился в этом краю страны. Он начинал с средних нот и поднимался наверх, пока не достиг до известной высоты, сделал сильное ударение на верхнем слове, а затем слетел вниз, словно с трамплина:

Найду ли путь на небеса, где радость, мир, любовь,
Пока другие бьются здесь в борьбе, где льётся кровь?

Он считался первоклассным чтецом. На церковных собраниях его всегда просили прочитать стихи; и когда он заканчивал, все дамы воздевали руки к небу и беспомощно роняли на коленки, закатывали свои глаза и трясли головами, как бы желая сказать: “Никакие слова способны описать, это потрясающе, **СЛИШКОМ** прекрасное для нашей смертной земли!”

Когда гимн был спет, достопочтенный мистер Спрэг превратился в листок местных объявлений, зачитывал “уведомления” о заседаниях, собраниях и тому подобных, пока не стало казаться, что список дотянется до Страшного суда, – нелепый обычай, который сохранился в Америке, даже в городах, совершенно не нужный, поскольку издаётся уйма все-

возможных газет. Часто чем меньше оснований у традиционного обычая, тем тяжелее от него избавиться.

Затем священник прочитал молитву. То была хорошая молитва, великодушная, не брезгавшая никакими мелочами: в ней содержалась молитва за церковь; и о маленьких детях этой церкви; за другие церкви в этом городке; за сам городок; за округ; за штат; за чиновниках штата и Соединённых Штатах; за церковью Соединённых Штатов; за Конгресс; за президента; за членах правительства; за бедных моряков, претерпевающих жестокие бури; за миллионы угнетённых, стонущих под игом европейских монархов и восточного деспотизма; за тех, кто имеет свет и благу вест, но при этом не имеет ни глаз, чтобы видеть, ни ушей, чтобы слышать; за язычников далёких морских островов; заканчивалась она всё это горячей мольбой, чтобы слова, которые собирался произнести священник, дошли до всевышнего и были подобны зерну, упавшему на плодородную почву, и принесли обильную и добрую жатву. Аминь.

Послышался шорох платьев, прихожане, стоявшие во время молитвы, снова уселись. Мальчик, о котором повествуется в этой книге, не проникся молитвой, он только терпел её, насколько у него хватает сил. Ему не сиделось на месте: он не вникал в содержание молитвы, а только подсчитывал пункты, какие были упомянуты в ней, с целью того, что ему не нужно было прислушиваться, так как он давно уже привык к этой знакомой дороге, что существовала непрерывном

маршрутом священника. По этой причине ухо его воспринимало незначительное изменение, и вся его натура противилась, надбавки казались ему чем-то сомнительным и безбожным. Во время богослужения на спинку передней скамьи присела муха, и обескуражила его дух, спокойно потирая лапки одну об другую; она охватила ими голову и взялась растирать с такого рода энергией, что шейка растянулась в ниточку и сделалась заметной, а головка, казалось бы, вот-вот отлетит от тела; задними лапками она очищала себе крылышки и приглаживала их, словно оборка фрака; да, и в целом промышляла своим туалетом так спокойно и медленно, точно знала, что может осуществлять это абсолютно безопасно. Да, и на самом деле, так и было, потому что несмотря на то, что у Тома чесались руки схватить её, он никак не отваживался на это во время молитвы, так как был убеждён, что таким образом он погубит свою душу навеки веков. Однако при завершающих словах, рука его начала извиваться и приближаться; и как только раздалось “Аминь”, муха стала пленницей. Но тётя заметила и велела отпустить её.

Священник произнёс цитату из Библии и монотонным гудящим голосом начал проповедь, до того скучную, что многие стали клевать носами, и всё же это был спор, который касался безграничного огня и серы и сократил число predetermined избранных до такой маленькой компании, что её едва ли стояло спасать. Том считал страницы проповеди; по окончанию службы он всегда знал, сколько страниц бы-

ло прочтено, но редко знал содержание. Впрочем, на этот раз его что-то заинтересовало. Священник нарисовал грандиозную и трогательную картину: как праведники всего мира соберутся все вместе, где лев лежит рядом с ягнёнком, и крошечный ребёнок поведёт их за собой. Пафос, поучительность и мораль этой картины пропали для мальчика; его поразила только та важная роль, которая выпадет на долю ребёнка перед всеми собравшимися; лицо его оживилось при этой мысли, и он соображал, что и сам он был бы не прочь быть этим дитя, если лев ручной.

Но тут опять пошла сухая аргументация, и Том снова впал в унынии. Вскоре он вспомнил об одном из своих сокровищ и вытащил его из кармана. Это был большой чёрный жук с громадными челюстями – “щипун”, как он его назвал. Он находился в коробочке из-под пистонов. Когда Том открыл её, жук первым делом впился ему в палец. Естественно, последовал щелчок, жук был отброшен и очутился в проходе, а укушенный палец Том засунул в рот. Жук упал на спину и беспомощно барахтался, не умея перевернуться. Том смотрел на него и жаждал снова за него схватиться, но не доставал. Зато теперь он стал потехой для других, не интересовавшихся проповедью. В это время в церковь вошёл пудель, тоскующий, утомлённый, разнеженной кроткою тишиной лета; ему надоело сидеть взаперти, он жаждал приключений. Чуть только он увидел жука, его уныло опущенный хвост тотчас поднялся и завилял. Он увидел добычу; обо-

шёл вокруг неё; понюхал издали; обошёл ещё раз; осмелел и понюхал поближе; затем оскалил зубы и попытался осторожно схватить жука; промахнулся; повторил попытку ещё и ещё; немного увлёкся этим развлечением; лёг на живот, загребая жука лапами, и довольно долго продолжал так делать; наконец ему наскучило, он стал равнодушным и рассеянным. Его голова начала потихоньку опускаться, и нижняя челюсть коснулась врага, который вцепился в неё. Раздался пронзительный визг, пудель мотнул головой, жук отлетел на пару ярдов и снова шлёпнулся на спину. Зрители по соседству затряслись от беззвучного смеха, несколько лиц спрятались за веерами и носовыми платками, а Том был совершенно счастлив. Пудель выглядел дураком и, вероятно, чувствовал себя также; но в то же время сердце его щемила обида, но и жаждала мести. Поэтому он подкрался к жуку и осторожно возобновил атаку: кинулся на него со всех сторон, вытянул передние лапы, почти ими касаясь жука, щёлкал над ним зубами и тряс головой так, что уши шатались. Но в конце концов и это ему надоело; он попробовал развлечься мухой, но и эта забава пришлась не по душе; походил за муравьём, приныкая носом к полу, но и это быстро наскучило ему; зевнул, вздохнул, совсем уже забыл о жуке и сел на него. Раздался безумный визг, пудель мчался по проходу и, не переставая визжать, заметался по церкви; вой не прекращался, как и метания; пудель пробежал мимо алтаря и влетел в другой проход; метался перед дверями; с шумом

преодолеет финишную прямую; его мучения росли по мере его продвижения, пока наконец он не превратился в мохнатую комету, движущуюся по своей орбите с блеском и скоростью света. Наконец неистовый страдалец свернулся с пути и вскочил на колени к хозяину; тот вышвырнул его в окно и голос отчаяния быстро затих вдали.

Тем временем, сидевшие в церкви, стали красные, задыхаясь от подавленного смеха, а проповедь смолкла. И хотя она тотчас же продолжалась, но уже вяло и с запинками, так что всякая возможность произвести впечатление была исчерпана. Даже самые суровые высказывания встречались подавленными взрывами нечестивого хохота, прячась за спинки скамей, как будто священник рассказывал забавнейшие шутки. Все вздохнули с облегчением, когда эта пытка закончилась и было произнесено благословение.

Том Сойер пошёл домой, совсем развеселившись, рассуждая про себя, что и богослужение может быть приятное, если внести некоторое разнообразие. Одно омрачало его радость: хоть пудель играл с его “щипуном”, но какое право он имел унести его с собой?

Глава 6

Проснувшись утром в понедельник, Том почувствовал себя очень несчастным. Он всегда так себя чувствовал в понедельник утром, поскольку с него начиналась новая неделя

долгой школьной пытки. Обычно он начинал этот день с того, что жалел, что у него не было промежуточного отпуска, что делало возвращение в школу ещё более отвратительным.

Том лежал и думал. Внезапно ему пришло в голову, что было бы не плохо заболеть; тогда он останется дома и не пойдёт в школу. Представлялась смутная возможность, но почему не попробовать! Он произвёл исследование своего организма. Никакого заболевания не обнаружилось; и он снова ощупал себя. На этот раз ему как будто удалось обнаружить признаки боли в животе, он возложил на них все надежды, ожидая усиления. Но боли, напротив, скорее ослабели и мало-помалу исчезли. Он снова погрузился в размышления. И вдруг обнаружил, что у него один из верхних зубов шатается. Это была удача; он уже собирался застонать для начала, но тут же сообразил, что, если он заикнётся об этом, тётушка немедленно выдернет зуб, а это больно. Поэтому, он решил оставить зуб про запас и поискать ещё что-нибудь. Некоторое время ничего не приходило на ум; но потом он вспомнил, как один доктор рассказывал о пациенте, пролежавшем две-три недели из-за больного пальца, который чуть было не пришлось потерять. Вот почему мальчик нетерпеливо вытащил свой больной палец из-под простыни и поднял его для осмотра. У него не было ни малейшего представления о том, каковы признаки этой болезни. Как бы то ни было, ему казалось, что попробовать стоит, так что он принялся стонать с большим воодушевлением.

Но Сид спал себе как убитый.

Том застонал громче, и понемногу ему стало казаться, что палец у него действительно очень сильно болит.

Сид спал как ни в чём не бывало.

Том даже запыхался от усилий. Отдохнув немного, он поднатужился и испустил целый ряд чрезвычайно удачных стонов.

Сид храпел.

Том вышел из себя. Он позвал: «Сид! Сид!» – и принялся расталкивать его. Это подействовало, и Том опять застонал. Сид зевнул, потянулся, приподнялся на локте, фыркнул и уставился на Тома. Том продолжал стонать. Сид сказал:

– Том, а Том! (Ответа не было). Ты слышишь, Том? Том! Что с тобою, Том? Он толкнул его и с беспокойством заглянул в лицо.

Том простонал:

– Ох, не толкайся, Сид. Не трогай меня...

– Да что с тобою, Том? Я пойду позову тётю.

– Нет, не надо. Может быть, это пройдёт, понемногу. Не зови никого.

– Но, я обязан! Да не стони так ужасно! Давно это с тобой?

– Давно, уже несколько часов. Ох! Прошу тебя, не ворочайся так, Сид. Ты меня убьёшь...

– Отчего ты не разбудил меня раньше, Том? Ой, Том, перестань стонать! Меня прям мороз по коже продирает от твоих стонов. Что у тебя болит?

– Я всё тебе прощаю, Сид. (Стон). Всё, что ты мне сделал.

Когда я отойду...

– Ох, Том, ты же не умираешь? Не смей, Том, не смей. Может...

– Я всем всё прощаю, Сид. (Стон). Скажи им это, Сид. И пожалуйста, Сид, отдай одноглазого котёнка и оконную раму той девочке, которая на днях приехала, и скажи ей...

Но Сид схватил одежду – и за дверь. Теперь Том действительно страдал, – так успешно работало его воображение, а его стоны звучали вполне естественно.

Сид летел по лестнице и кричал:

– О, тётушка Полли, идите сюда скорее! Том умирает!

– Умирает?!

– Да! Чего же вы ждёте? Идёмте!

– Глупости! Не верю!

Однако, она бросилась по лестнице, а Сид и Мэри за ней. Её лицо побледнело, а губы задрожали. Когда она подошла к кровати, она ахнула:

– Том! Том, что с тобою?

– Ох, тётушка, я...

– Что с тобою? Что с тобою, дитя?

– Ох, тётушка, у меня язва на ноге!

Старая леди опустилась на стул и засмеялась, потом заплакала, затем посмеялась и заплакала одновременно. Это привело её в себя, и она сказала:

– Том, ну и напугал же ты меня. А сейчас прекрати эти

глупости и вставай-ка.

Стоны прекратились, и боль исчезла. Мальчишка чувствовал себя глупо и сказал:

– Тётушка Полли, мне правда казалось, что палец очень сильно болит, и мне было так больно, что я совсем не обращал внимания на свой зуб.

– Теперь зуб? Что же не так с твоим зубом?

– Он шатается и страшно болит, прямо очень сильно.

– Ну, будет и будет, только не стони так. Открой-ка рот. Да, зуб действительно шатается, но ты не умрёшь от этого. Мэри, принеси мне шёлковую нитку и горячая головня⁸ из кухни.

Том попросил:

– Ох, пожалуйста, тётушка, не вырывайте зуб. Он уже не болит. Я даже не пикну, если он опять заболит. Пожалуйста, не выдёргиваете. Я всё равно в школу пойду.

– О, ты не хочешь в школу? Так вот для чего ты поднял всю эту суматоху, чтобы в школу не идти, а пойти ловить рыбку? Том, я же тебя так люблю, а ты пытаешься всеми способами надорвать моё старое сердце своим озорством.

К тому времени Мэри уже всё принесла. Старушка обвязала шёлковой нитью зуб Тома, а конец прикрепила к спинке кровати. Затем она схватила пылающую головёшку и ткнула её почти в лицо мальчишки. Зуб повис, болтаясь на спинке кровати.

Но за всяким испытанием человека ждёт награда. Когда

Том после завтрака направился в школу, каждый встречный мальчик завидовал ему, так как пустота в верхнем ряду позволяла ему плевать совершенно новым, удивительным способом. Он даже собрал вокруг себя кучку мальчишек, заинтересованных в этом; один из них, который порезал себе палец и был в центре всеобщего внимания и почтения до этого момента, он потерял всех своих приверженцев, а слава мгновенно меркла. У него было тяжело на сердце, и он сказал с презрением, что плевать, как Том Сойер – это ничего не значит; но другой мальчик сказал: “Зелен виноград!” – и развенчанный герой ушёл.

Вскоре Том встретил Гекльберри Финна, сына местного пьяницы и юного изгоя деревни. Гекльберри внушал искреннюю ненависть и презрение всем местным маменькам, потому что он был ленивый, скверный, невоспитанный мальчишка. Потому как все дети так его обожали, наслаждались его запретным обществом и желали, чтобы они были похожими на него. Том не отличался от других приличных мальчиков деревни, в плане того, что тоже завидовал отверженному, и ему также было запрещено играть с Гекльберри. Поэтому он не упускал случая поиграть с ним. Гекльберри всегда был одет в обноски взрослых, которые пестрели на нём разноцветными пятнами и развевались лохмотьями. Его шляпа представляла собой развалину широких размеров с дыркой в виде полумесяца на полях; куртка, если таковая имелась, касалась практическая пола, а её пуговицы находились ни-

же спины; штаны держались на одной подтяжке, сами штаны были низко посажены и ничего не содержали, штанины были украшены бахромой, волочились по грязи, если он их не засучивал.

Гекльберри была вольная птица, ходил, где хотел. В хорошую погоду он ночевал на ступеньках любого крыльца, в плохую – в пустых бочках. Ему не нужно было ходить в школу или церковь; ни называть кого-то учителем или слушаться кого-нибудь; он мог рыбачить или плавать, когда он хочет, где захочет и сколько захочет; никто не запрещал ему драться; он мог не спать допоздна; он всегда был первым мальчиком, который ходит босыми ногами уже весной, а обувался осенью; ему не надо было умываться и надевать чистенькую одежду; умел удивительно ругаться. В общем, имел всё, что делает жизнь прекрасной. Так думал каждый измученный, стеснённый в средствах, приличный мальчик в Санкт-Петербурге.

Том приветствовал романтичного изгоя:

– Привет, Гекльберри!

– И тебе привет, посмотри – тебе это понравится.

– Что там у тебя?

– Мёртвая кошка.

– Дай мне взглянуть, Гек. Чёрт, окоченела совсем. Где ты её достал?

– Купил у одного мальчишки.

– Что ты ему отдал?

– Синий билетик и бычий пузырь, который достал на бойне.

– А, синий билетик откуда?

– Купил его у Бена Роджерса две недели назад за палку для обруча.

– Скажи-ка, Гек, дохлые кошки – тебе зачем?

– Как для чего? Сводить бородавки.

– Да? Разве? Я знаю средство получше.

– Не уверен. Ну, и что же?

– Гнилая вода.

– Гнилая вода? Я и гроша не дам за гнилую воду.

– Не даст он. Ты хотя бы пробовал?

– Нет. Боб Таннер пробовал.

– Кто тебе это сказал?

– Он рассказал об этом Джеффу Тэтчеру, тот рассказал Джонни Бейкеру, а тот – Джиму Холлису, Джим сказал Бену Роджерсу, а Бен – чернокожему, а, он уже мне. Вот и всё!

– Что – всё? Они тебя обманули. По крайней мере, все, кроме чернокожего. Его я не знаю. Но я никогда не видел чернокожего, который бы не врал. Всё это пустая болтовня! Ну, расскажи-ка мне, что сделал Боб Таннер. Давай же, Гек.

– Ну, он взял и засунул руку в гнилой пень, где накопилась дождевая вода.

– Днём?

– Естественно.

– Лицом ко пню?

– Да. По крайней мере, я так думаю.

– Он что-нибудь сказал при этом?

– Я не знаю, что он там делал! Я не знаю.

– Ага! Что и говорить тут, ты захотел свести бородавки гнилой водой таким дурацким образом! Так ничего не выйдет. Ты должен сам пойти в чащу леса, где есть такой пенёк с гнилой водой, и только в полночь подойти к нему задом, положить в него руку и произнести:

Ячмень, ячмень да гниль-вода,

Все бородавки возьми у меня навсегда!

Затем надо закрыть глаза и живо отойти ровно на одиннадцать шагов, три раза повернуться на месте, а по дороге домой не сказать никому не слова. Если скажешь, всё пропало, и колдовство не подействует.

– Знаешь... звучит не плохо, но это не тот способ, которым пользовался Боб Таннер.

– Да уж, конечно. Можешь не сомневаться, что не так, потому что он самый бородавчатый мальчик в деревне. Он бы не имел ни одной бородавки, если бы знал, как обращаться с гнилой водой. Я свёл тысячу бородавок на руках таким способом, Гек. Я играл с лягушками предельно много, поэтому у меня всегда было много бородавок. Иногда я даже свожу их бобом.

– Да, бобом и я пробовал.

– Ты? Ну, и как?

– Берёшь и разделяешь боб на две половинки; надрезаешь бородавку, чтобы пошла немного кровь; затем мочишь кровью на одну половинку боба, а потом выкапываешь ямку и зарываешь эту половинку на перекрёстке дорог около полуночи, а вторую половинку сжигаешь. Видишь ли, та половинка с кровью будет всё съёживаться и съёживаться, стараясь притянуть к себе другую половинку, а это и поможет крови стянуть бородавку, и в скором времени она исчезнет.

– Да, всё так. Однако, было бы лучше, если бы также говорил: “В землю боб; долой бородавка; теперь навсегда я расстанусь с тобой!” Так делал Джо Гарпер, а он был близ Кунвилля, да и где он только не был. Но, расскажи, как ты будешь их убирать дохлыми кошками?

– Ну, смотри: берёшь кошку и идёшь задолго до полуночи на кладбище, где похоронен какой-нибудь плохой человек, когда наступает полночь, приходит дьявол или даже два-три, но ты их не видишь, можешь только слышать шелест ветра или, как они разговаривают, когда они потащат покойника, ты кинешь им вслед и кошку, сказав: “Чёрт за мертвецом, кошка за чертом, бородавка за кошкой, чур вы меня все!” И бородавка сходит.

– Должно быть, верно. Ты когда-нибудь пробовал, Гек?

– Нет, но мне рассказывала старуха Гопкинс.

– Ааа, ну тогда понятно. Говорят, она ведьма.

– “Говорят!” Я это знаю, Том. Она навела порчу на моего

отца. Он сам рассказывал. Идёт он один раз, глядит – она стоит и наводит порчу на него. Он подобрал камень тогда, да попал бы, если бы она не увернулся. Ну, так, что же ты думаешь: этой же ночью он спал, пьяный, и сломал руку.

– Экие страсти! Как он вообще понял, что она навела на него порчу?

– Боже, отец говорит, что понять не сложно. Он говорит, что, если ведьма пялит на тебя глаза, то она точно колдует. Особенно, если ещё бормочет. Потому что, когда они бормочут, они произносят “Отче наш”, наоборот.

– Слушай-ка, Гек, когда ты собираешься попробовать кошку?

– Сегодня ночью. Я думаю, черти наверняка придут в эту ночь за старым грешником Вильямсом.

– Да ведь его схоронили в субботу! Разве они не утащили его в субботу?

– Глупости! До полуночи они не могли его утащить, а в полночь настало воскресенье. В воскресенье черти не очень-то бродят по земле.

– Я и не подумал. Верно. Возьмёшь меня с собой?

– Конечно, если не боишься.

– Боюсь? Ну вот ещё! Ты не забудешь мяукнуть?

– Нет, ты тоже мяукни в ответ, если удобно будет. В прошлый раз я мяукал пока старик Гейс не швырнул в меня камнями, да ещё при этом добавил: “Чёрт бы побрал этого ко-та!” Зато я кинул кирпич ему в окно, только ты никому не

рассказывай.

– Не стану. Я не мяукнул той ночью, потому что тётушка следила за мной, но сейчас я это сделаю. А что это у тебя, Гек?

– Ничего, просто клещ.

– Откуда ты его взял?

– В лесу.

– Для чего?

– Просто. Мне не хочется его продавать.

– Ну и не надо. Тем более, клещ-то маленький.

– Чужого клеща всегда хотят обругать. Я доволен им. Для меня он хороший клещ.

– Да ведь их полно в лесу. Я могу набрать тысячу, если захочу.

– Да, да. Так что же не идёшь? Сам знаешь, что не наберёшь. Этот клещ очень ранний. Он первый, которого я видел в этом году.

– Слушай, Гек, я тебе зуб за него дам.

– Покажи.

Том достал бумажку и осторожно развернул её. Гекльберри задумчиво осмотрел зуб. Соблазн был большой. Наконец, он произнёс:

– Настоящий?

Том приподнял губу и показал свою пустоту между зубами.

– Хорошо, сделка, – сказал Гекльберри.

Том положил клеща в коробочку из-под пистонов, в которой раньше служила тюрьмой для жука. Затем мальчишки расстались, каждый чувствовал себя богаче после такого.

Когда Том дошёл до маленького, стоявшего отдельно домика, служившим школой, он зашагал очень быстро, словно добросовестно спешил на урок. Он повесил свою шапку на крючок и бросился на своё место с деловым рвением. Учитель, восседавший на своём большом просиженном стуле, дремал, убаюканный жужжанием класса. Появление Тома его разбудило.

– Томас Сойер!

Том знал, что, когда его имя произносят полностью, то это сулит проблемы.

– Сэр?

– Поди сюда. Ну, сэр, почему вы изволили сегодня вновь опоздать?

Том уже собирался прибегнуть ко лжи, но заметил две длинные золотистые косы, которые он узнал благодаря электрической силе любви. Единственное свободное место было рядом с ней, которое относилось к той половине класса, где сидят девочки. Он тут же выпалил:

– Я остановился на улице, чтобы поболтать с Финном Гекльберри!

Учитель замолчал и стоял, словно вкопанный, он растерянно уставился на Тома. Гудение в классе смолкло. Дети спрашивали себя, в своём уме ли он, этот отчаянный маль-

чишка. Учитель произнёс:

– Что... что ты сделал?

– Я остановился на улице, чтобы поболтать с Финном Гекльберри.

Ошибиться в значении этих слов было невозможно.

– Томас Соьер, это самое поразительное признание, которое я когда-либо слышал. Линейка слишком слабое наказание за это. Снимайте куртку.

Рука учителя действовала, пока он не устал, и пук розог стал значительно тоньше. Затем последовал приказ:

– Теперь, сэр, идите и сядьте рядом с девочками! Это послужит вашим уроком.

Хихиканье, раздавшееся в классе, по-видимому, смутила мальчика, но в действительности это смущение было вызвано другим обстоятельством: он благоговел перед неведомым ему божеством, так удачно доставшегося ему на долю. Он присел на кончик сосновой скамьи, девочка пододвинулась от него подальше, тряхнув головкой. Ученики переглядывались, шептались, подталкивали друг друга, но Том сидел смирно, облокотившись на длинную низкую парту, казалось, он изучал книжку.

Мало-помалу на него перестали обращать внимание, и унылый школьный ропот снова заполнил атмосферу класса. Тогда мальчишка стал исподтишка поглядывать на свою соседку. Та заметила, надула губы и на целую минуту отвернулась. Когда же она глянула украдкой, она заметила персик,

лежавший перед ней. Она отодвинула его от себя.

Том тихонько придвинул его обратно. Она снова отодвинула его, но с меньшей враждебностью. Том спокойно вернулся его на место. Тогда она оставила его в покое. Том нацарапал у себя на грифельной доске: “Пожалуйста, возьми, – у меня их много”. Девочка взглянула на слова, но сама оставалась равнодушной. Тогда мальчишка стал что-то рисовать у себя на доске, прикрывая свою работу левой рукою. Некоторое время девочка отказывалась замечать, но её природная любопытность одержала победу над ней заметными признаками. Мальчик продолжал работать, не замечая ничего. Девочка сделала было попытку посмотреть исподтишка, но мальчишка опять сделал вид, что не замечает её любопытство. Наконец она сдалась и нерешительно прошептала:

– Позволь мне посмотреть.

Том частично показал свою нелепую картину дома с двумя фасадами и трубой, из которой выходил дом в виде штопора. Девочка так увлеклась рисованием Тома, что она забыла обо всём. Когда картина была закончена, она полюбовалась на минуту, и прошептала:

– Очень мило! Нарисуй человечка.

Художник изобразил на переднем плане человечка, который был похож на буровую вышку и мог переступить через дом. Но, девочка не было критиком, она осталась довольна этим чудовищем и прошептала:

– Красивый человечек, теперь нарисуй меня.

Том нарисовал песочные часы с полной луной наверху, приделал к ним соломенные ручки и вооружил растопыренные пальчики веером внушительных размеров. Девочка сказала:

– Это очень мило. Хотелось бы и мне уметь рисовать.

– Это легко, – прошептал Том, – я научу тебя.

– Правда? Когда?

– В полдень. Ты пойдёшь домой обедать?

– Я останусь, если хочешь.

– Отлично. Здорово! Как тебя зовут?

– Бекки Тэтчер. А тебя? Подожди, я знаю. Ты – Томас Сойер.

– Это моё имя, когда меня хотят высечь. Когда я веду себя хорошо, меня зовут Томом. Ты можешь звать меня Том, ладно?

– Хорошо.

Затем Том стал опять что-то писать на доске, пряча слова от девочки. Но, она уже перестала стесняться и попросила показать ей. Том сказал:

– О, да там ничего нет.

– Нет, есть.

– Нет, нету. Ты не захочешь увидеть это.

– Нет, хочу. Правда хочу. Дай-ка посмотреть.

– Ты кому-нибудь скажешь.

– Нет, не скажу. Честное слово, честное слово и ещё раз честное слово, я не скажу.

– Никому не расскажешь? До самой смерти?

– Никому не расскажу. А теперь давай же, покажи мне.

– Да нет, тебе это совсем не интересно.

– Ах, так! Я всё равно увижу. – И она положила свою маленькую ручку поверх его, и началась лёгкая борьба. Том притворялся, что сопротивляется всерьёз, но мало-помалу отодвигал руку, пока не были видны слова: “Я люблю тебя”.

– Ах, ты негодяй! – И она звонко ударила его по руке, но покраснела, хотя выглядела очень довольной.

В это же мгновение мальчишка почувствовал, что чья-то рука медленно стискивает его ухо и приподнимают со скамьи. Таким способом он был проведён через весь класс на своё обычное место, под огнём всеобщего хихиканья. После чего в течение нескольких страшных минут, учитель стоял прямо над ним, и наконец вернулся на свой трон, не сказав ни слова. Хотя ухо Тома горело, его сердце ликовало.

Когда класс успокоился, Том самым добросовестным образом попытался приняться за занятия, но хаос в голове был слишком велик. На уроке чтения он часто сбивался и путал слова; на географии превращал озёра в горы, горы в реки, а реки в материки, восстановив древний хаос; на уроке правописания он провалился окончательно, переврав ряд простейших детских слов, за что у него отобрали оловянную медаль за правописание, которую с гордостью носил уже несколько месяцев.

Чем больше Том старался приковать своё внимание к учебнику, тем больше у него разбегались мысли. Так что, наконец, он зевнул, вздохнул и бросил книгу. Ему казалось, что полдень никогда не настанет. Было очень душно, не чувствовалось ни малейшего дуновения ветра. Это был самый сонный день из всех сонных дней. Монотонное бормотание двадцати пяти школьников, зубривших уроки, убаюкивали его, как жужжание пчёл. Вдали зелёные склоны Кардифского холма, залитые волнами света, окутанные дымкой летней мглы, отливавшей пурпуром; одинокие птицы высоко в небе лениво парили; кроме козлов, не было видно ни одного живого существа, да и те спали. Сердце Тома жаждало свободы или хоть какого-нибудь развлечения, которое помогло бы ему скоротать это скучное время. Он пошарил у себя в кармане, и тут его лицо озарилось благодарностью, равной молитве, хотя он и не знал этого. Украдкой он достал коробочку из-под пистонов, вынул оттуда клеща и положил его на доску. Клещ, вероятно, тоже преисполнилось в этот момент благодарностью, равной молитве, однако, преждевременной, потому что, как только клещ вздумал уйти, Том булавкой повернул его и заставил двигаться в другую сторону.

Рядом с Томом сидел его близкий друг, угнетаемый такой же тоской, какая только что угнетала Тома; он так же с благодарностью обрадовался этим развлечением. Друга звали Джо

Гарпер. Всю неделю они дружат, а по субботам воюют, как враги. Джо вытащил из-за отворота куртки булавку и стал помогать приятелю мучать пленника. Развлечение с каждой минутой делалось увлекательнее. В конечном итоге, Том заявил, что они только лишь мешают друг другу, и никто не получает в абсолютной мере наслаждения, какое можно извлечь из клеща. По этой причине он взял грифельную доску Джо и провёл посередине границу сверху донизу.

– Смотри, – сказал он, – договор такой: пока клещ будет на твоей стороне, гоняй его сколько благоугодно, а я трогать никак не буду, однако, если ты проворонишь его, и он уйдёт ко мне, тогда уже гонять его буду я.

– Хорошо, приступай.

Клещ очень скоро сбежал от Тома и пересёк экватор. Джо дразнил его, до тех пор, пока он не ускользнул назад. Эти переходы возобновлялись достаточно часто. Пока один мальчик с интересным пристрастием возился с клещом, другой наблюдал за вознёй с неменьшим увлечением, головы двух склонились над доской, и их души погибли для всего остального. В конечном итоге, благополучие, по-видимому, перешло на сторону Джо. Клещ, взволнованный и встревоженный никак не меньше самих мальчишек, бросался то туда, то сюда, однако каждый раз, если победа находилась, так сказать, в руках Тома и его пальцы стремились к насекомому, булавка Джо умело заграждало клещу путь и тот оставался в его владениях. Том, в конечном итоге, никак не выдержал.

Искушение было слишком сильное. Он протянул булавку и поспедействовал клещу. Джо моментально вышел из себя:

– Том, оставь его в покое!

– Я жажду только лишь немного подстегнуть его, Джо!

– Нет, сэр, это нечестно. Сейчас же оставь его.

– Эх ты, да я всего лишь чуть-чуть...

– Оставь его, говорю тебе.

– А вот и не оставлю!

– Ты обязан, – он на моей половинке.

– А клещ то чей, Джо Гарпер?

– Мне нет дела до этого, чей клещ, – он на моей половинке, и ты не смеешь его касаться.

– Как так – не смей! Клещ мой, и я волен делать с ним всё, что захочу!

Сильный удар обрушился на плечи Тома и такого же рода на плечи Джо, и в течение двух минут пыль слетала с двух курток, к восторгу всего класса. Мальчишки были очень поглощены своей забавой и никак не заметили тишину, воцарившуюся в школе незадолго до того, как учитель на цыпочках прошёл по комнате и встал над ними. Он достаточно долгое время смотрел на представление, а затем и со своей стороны привнёс в него определённое разнообразие.

Когда в полдень занятия в школе закончились, Том подлетел к Бекки Тэтчер и прошептал ей на ухо:

– Надень свою шапку и сделай вид, что идёшь домой, а когда дойдёшь до угла, отстань от остальных, сверни в пере-

улок и возвращайся. Я пройду другим путём, тоже убегу от своих и вернусь тем же путём.

Итак, одна ушла с одной группой учеников, а другой – с другой. Через некоторое время эти двое встретились в конце переулка, и когда они добрались до школы, всё было в их распоряжении. Затем они сели вместе, перед ними была грифельная доска, Том дал Бекки карандаш и водил её руку, направляя её, чтобы создать ещё один удивительный дом. Когда интерес к искусству начал угасать, эти двое разговаривались. Том купался в блаженстве. Он спросил:

– Ты любишь крыс?

– Нет! Я ненавижу их!

– И я тоже, когда они живые. Но я имею в виду мёртвых, чтобы можно было привязать их на верёвочку и махать над головой.

– Нет, в любом случае, я не очень люблю крыс. Что мне нравится, так это жевательная резинка.

– О, мне тоже! Жаль, что у меня сейчас их нет.

– Хочешь? У меня есть немного. Я дам тебе немного пожевать, но потом ты отдашь.

Это было приятно: они жевали её по очереди и болтали ногами на скамейке от избытка удовольствия.

– Ты когда-нибудь была в цирке? – спросил Том.

– Да, мой папа собирается как-нибудь снова взять меня с собой, если я буду хорошо себя вести.

– Я был в цирке три-четыре раза – много раз. Церковь

это тебе не цирк. В цирке постоянно что-то происходит. Я собираюсь стать клоуном в цирке, когда вырасту.

– О, в самом деле? Это очень мило. Они все такие милые, пёстрые.

– Да, это так. И они получают кучу денег, по доллару в день, так говорит Бен Роджерс. Скажите, Бекки, вы когда-нибудь были помолвлены?

– Что это?

– Ну, помолвлены, чтобы выйти замуж.

– Нет.

– А вы бы хотели?

– Я думаю, да. Я не знаю. На что это похоже?

– На что похоже? Да ни на что не похоже. Вы просто говорите мальчику, что у вас никогда никого не будет, кроме него, никогда, никогда, никогда. Потом целуетесь, и всё.

– Поцелуй? Для чего поцелуй?

– Ну, знаете ли, для того, чтобы... Ну, они всегда так делают.

– Все?

– Ну да, все, те кто влюблены в друг друга. Вы помните, что я написал на грифельной доске?

– Д-да.

– Что это было?

– Я не скажу вам.

– Мне сказать вам?

– Д-да, но как-нибудь в другой раз.

– Нет, сейчас.

– Нет, не сейчас – завтра.

– О, нет, сейчас. Пожалуйста, Бекки, я прошепчу это... я прошепчу это тихо-тихо.

Бекки колебалась, Том принял молчание за согласие, обнял её за талию и очень тихо прошептал, приблизив губы к её ушку, произнёс заветные слова. А потом добавил:

– Теперь, вы прошепчете это мне – точно так же.

Какое-то время она сопротивлялась, а потом сказала:

– Вы отвернёте своё лицо, чтобы не видеть, и тогда я это сделаю. Но вы никогда никому не должны про это говорить, хорошо, Том? Не расскажете никому, так ведь?

– Нет, не буду, честное слово. Сейчас, Бекки.

Он отвернул своё лицо. Она робко наклонилась, пока её дыхание не шевельнуло его кудри, и прошептала: “Я вас... люблю!”

Затем она вскочила и побежала вокруг столов и скамеек, а Том последовал за ней, и наконец укрывшись в углу, прижав к лицу своей маленький белый передничек. Том обнял её за шею и стал уговаривать:

– Теперь, Бекки, всё сделано... кроме поцелуя. Не бойся этого – это вообще ничего не означает. Пожалуйста, Бекки, – и он потянул её за передник и за руки.

Мало-помалу она сдалась и опустила руки, её лицо, всё пылающее от борьбы, поднялось и подчинилось. Том поцеловал её красные губки и сказал:

– Теперь, Бекки, всё сделано. И после этого, ты уже знаешь, что ты никогда не будешь любить никого, кроме меня, ты никогда не выйдешь замуж ни за кого, кроме меня, никогда и навеки. Ты сделаешь это?

– Нет, я никогда не полюблю никого, кроме тебя, Том, я никогда не выйду замуж ни за кого, кроме тебя, и ты тоже должен никогда не должен жениться ни на ком, кроме меня.

– Конечно, конечно. Это часть дела. И всегда, приходя в школу или когда мы возвращаемся домой, ты должна идти со мной, когда никто не смотрит – ты выбираешь меня, а я тебя на вечеринках, потому что именно так поступают, когда помолвлены.

– Это так мило. Я никогда раньше не слышала о таком.

– Ещё как славно! Мы с Эми Лоуренс...

Большие глаза Тома сказали ему об оплошности, и он остановился в смущении.

– Ох, Том! Так я не первая с кем ты был помолвлен!

Девочка начала плакать. Том сказал:

– Перестань, Бекки, не плачь. Я больше её не люблю.

– Нет, любишь, любишь! Ты сам знаешь, что любишь.

Том попытался обнять её за шею, но она оттолкнула его руку и повернула лицо к стене, продолжая плакать.

Том попытался снова, говоря разные ласковые слова, но она вновь дала отпор.

Затем проснулась его гордость, и он вышел на улицу. Он постоял там немного, расстроенный и взволнованный, взгля-

дывал на дверь время от времени, надеясь, что она раскается и пойдёт искать его. Но она не собиралась.

Он начал чувствовать себя ужасно и понимать, что он действительно виноват. Ему было тяжело сделать первый шаг, но он преодолел себя и вошёл в класс.

Она всё также сидела лицом в уголок и плакала. Его сердце защемило. Он подошёл к ней, постоял с минуту, не зная, что именно предпринять. Потом произнёс нерешительно:

– Бекки, я... я люблю только тебя.

Ответа нет, только плач.

– Бекки (умоляющим тоном). Бекки, ответь хоть что-нибудь.

Плач усилился.

Том достал из кармана свою самую драгоценную вещь, медную шишечку от каминной решётки, просунул её, чтобы она это заметила, и сказал:

– Пожалуйста, Бекки, возьми это.

Она швырнула её на пол. Тогда Том вышел из класса и пошёл куда глаза глядят и в этот день не возвращаться в школу. Вдруг Бекки догадалась, в чём дело. Она выбежала за дверь, его не было видно, она побежала на игровую площадку, но там его тоже не было. Тогда она стала кричать:

– Том! Том, вернись!

Она пристально слушала, но ответа не было. Она осталась в компании только лишь тишины и одиночества.

Она присела и снова заплакала, упрекая себя. В этот мо-

мент школьники стали собираться, и ей пришлось спрятать свою грусть, успокоить разбитое сердце и взвалить на себя тяжёлый крест этого долгого, томительного, тоскливого дня, не имея среди этих чужих никого, с кем можно было поделиться своим горем.

Глава 8

Том петлял туда-сюда по переулкам, пока не оставил позади ту дорогу, по которой обычно ученики возвращаются домой, а затем печально поплёлся дальше. По пути он раза два-три перешёл вброд небольшой ручеёк, так как среди мальчишек существует поверье, что переправа через воду затрудняет преследование. Спустя полчаса он был уже за домом вдовы Дуглас, на Кардифском холме, откуда школа чуть виднелась в долине. Он углубился в густой лес, пошёл к его центру, пренебрегая тропинками, и уселся на мху под развесистым дубом. Не было ни малейшего ветерка, в мёртвом полуденном зное даже умолкло пение птиц, природа погрузилась в забытьё, нарушавшиеся иногда лишь одиноким постукиванием дятла, от которого гнетущая тишина и чувство одиночества казались ещё более глубокими. Сердце Тома терзала печаль, которая была в полной гармонии с окружавшей его природой. Он долго сидел задумавшись, опираясь локтями о колени и подпирая руками подбородок. Ему казалось, что жизнь в лучшем случае – суета и страдание, и он был

готов завидовать Джимми Годжесу, который недавно скончался. Должно быть, очень умиротворяюще, подумал он, лежать, дремать, видеть разные сны постоянно, меж тем, как ветерок шелестит в кронах деревьях, ласкает траву и цветы на могиле, – и не испытывать больше никаких тревог, никогда, навечно. Если бы у него были хорошие оценки в воскресной школе, то он, пожалуй, был бы рад умереть и покончить с этой жизнью. Эта девочка. Что он ей сделал? Ничего. Он желал ей добра. А она прогнала его, как собаку, – право, как собаку. Когда-нибудь она пожалеет, но будет уже поздно. Ах, если бы он мог умереть не навсегда, а на время!

Но упругое юное сердце не может долго оставаться сжатым. Вскоре Тома опять незаметно захватили мысли о здешнем мире. Что если он возьмёт и пропадёт без вести? Что, если он уйдёт далеко-далеко, в неведомые страны, за моря, и никогда не вернётся? Что она тогда почувствует? Он вспомнил, как собирался сделаться клоуном в цирке, но теперь ему неприятно думать об этом, так как легкомыслие, шутовство, пёстрое трико в обтяжку показались ему унижительными в этот момент, когда его душа воспарила к туманным и величавым высотам романтики. Нет, он сделается солдатом и вернётся после многих лет отсутствия, измученный в боях и покрытый славой. Или, ещё лучше, он уйдёт к индейцам, будет охотиться с ними на буйволов и блуждать по тропе войны среди высоких гор и бездорожных прерий Дикого Запада, и когда-нибудь вернётся домой великим индейским вождём и

в сонное летнее утро, в перьях, страшно размалёванный, ввалится прямо в воскресную школу с леденящим кровь боевым кличем, обжигая глаза всех своих товарищей неуголимой завистью. Но есть нечто ещё более грандиозное. Он будет пиратом! Вот так! Теперь он ясно видел лежащее перед ним будущее, озарённое неопишущим блеском. Его имя прогремит на весь мир, пугая все народы! Как гордо он бороздил бы по бурным волнам на длинном, низком чёрном скакуне “Дух бури”, с зловещим флагом, развевающимся на носу корабля! И вот, на вершине своей славы, он внезапно возвращается к себе на родину, входит в церковь, загорелый и огрубевший от бурь и непогод, в чёрном бархатном камзоле и штанах, в огромных ботфортах, с малиновой перевязью, с блестящими пистолетами за поясом, с заржавленной от крови абордажной саблей на боку, в шляпе с развивающимися перьями, с чёрным развевающимся флагом, на котором красуются череп и скрещенные кости, и с восторгом слышит: “Это Том Сойер, пират! Чёрный Мститель испанских морей!”

Да, решено! Он нашёл свою дорогу. Он убежит из дому и начнёт новую жизнь. Он уйдёт завтра же утром. Поэтому, необходимо сейчас же начать готовиться. Он решил собрать свои средства. Неподалёку лежало трухлявое бревно, он подошёл к нему и начал подкапывать его с одного конца своим ножом “Барлоу”. Скоро нож наткнулся на какой-то деревянный предмет, и Том по звуку распознал, что внутри пустота. Он запустил руку в яму и выразительно произнёс нараспев:

– Чего тут не было, приди! А чего было, останься!

Затем он соскрёб грязь и обнаружил сосновую дощечку. Он поднял её и обнаружил маленькую аккуратную сокровищницу, дно и стенки, которой были сделаны из таких же дощечек. Удивлению Тома не было предела! Он почесал в затылке с видимым смущением и сказал:

– Вот так штука!

Затем он раздражённо отбросил шарик и задумался. Дело в том, что здесь подвело его суеверие, которое он и все его товарищи всегда считали непогрешимым.

Если вы закопаете шарик с определённым необходимым заклинанием и оставите его в покое на две недели, а затем откроете, то самое место, с помощью заклинания, которое уже использовал, вы обнаружите, что все шарики, которые вы когда-либо теряли, собрались там вместе, независимо от того, насколько далеко они были разбросаны. Но теперь эта затея фактически и бесспорно провалились. Вся структура веры Тома была потрясена до основания. Он много раз слышал об успехе этой штуки, но никогда раньше не слышал о её провале. Это не пришло ему в голову, что он сам уже несколько раз пытался это сделать, но потом никак не мог найти тайники. Некоторое время он ломал себе голову над этим вопросом и в конце концов решил, что вмешалась какая-то ведьма и разрушила чары. Он думал, что удовлетворится этим, поэтому он искал вокруг, пока не нашёл небольшое песчаное пятно с небольшим углублением в форме во-

ронки. Он лёг, приблизил свой рот к этой впадине и произнёс:

Жучок, жучок, расскажи мне, что я хочу знать!

Жучок, жучок, расскажи мне, что я хочу знать!

Песок начал двигаться, и вскоре маленький чёрный жучок появился на секунду, а затем в испуге снова исчез.

– Он не должен говорить! Значит, это сделала ведьма. Я так и знал.

Он хорошо знал тщетность попыток бороться с ведьмами, поэтому разочарованно сдался. Но ему пришло в голову, что с таким же успехом он бы мог взять шарик, который только что выбросил, и поэтому он пошёл и принялся терпеливо искать его, но не нашёл. Теперь он вернулся к своей сокровищнице и осторожно встал точно так же, как до этого, когда бросил шарик, затем он достал из кармана другой шарик и бросил его таким же образом, сказав:

– Брат, найди своего брата!

Он посмотрел, где он остановился, пошёл туда и посмотрел. Но, должно быть, шарик не долетел его или же перелетел, поэтому он попробовал так ещё два раза. Последняя попытка была удачной. Два шарика лежали на расстоянии фута друг от друга.

Как раз в этот момент из зелёной чащи леса донёсся слабый звук игрушечной жестяной трубы. Том скинул куртку и

штаны, опоясался одной из подтяжек, разгрёб кусты за гнилым бревном, вытащил оттуда самодельный лук со стрелами, деревянный меч и жестяную трубу, и в мгновение ока схватил всё это и умчался прочь, босой, в развевающейся рубашке. Вскоре он остановился под большим вязом, протрубил в ответ, а затем начал приподниматься на цыпочки и осторожно выглядывать то в одну, то в другую сторону. Он негромко сказал – воображаемой компании:

– Стойте, молодцы! Прячьтесь, пока я не протрублю.

Затем появился Джо Гарпер, в таком же лёгком одеянии и искусно вооружённый, как и Том. Том окликнул его:

– Стой! Кто приходит сюда, в Шервудский лес, без моего разрешения?

– Гай Гисборн не нуждается в разрешениях. Кто ты такой, что... что...

– Осмеливается так выражаться, – сказал Том, подсказывая, потому что они говорили по книге, по памяти.

– Кто ты такой, что осмеливаешься так выражаться?

– Кто я? Я – Робин Гуд⁹, о чём скоро узнает твой изнеженный труп.

– Так ты действительно тот знаменитый разбойник? Правдо, я с радостью готов сразиться за эти проходы весёлого леса. Защищайся!

Они взяли свои деревянные мечи, бросили на землю всю остальную амуницию, приняли фехтовальную позу, нога к ноге, и начали серьёзный, осторожный бой, “два верх, два

низ”. Вскоре Том сказал:

– Ну, драться, так драться! Действуй живее!

Так что они принялись “действовать живее”, тяжело дыша и обливаясь потом от усилий. Мало-помалу Том крикнул:

– Падай! Падай! Почему ты не падаешь?

– Я не буду! Почему бы тебе самому бы не упасть? Тебе больше досталось.

– Да ведь это ничего не значит. Я не могу упасть, так в книге написано. В книжке сказано: “Затем одним ударом в спину он сразил беднягу Гая Гисборна!” Ты должен повернуться и позволить мне ударить тебя в спину.

Против такого авторитета спорить не приходилось, поэтому Джо повернулся, получил удар и упал.

– А теперь, – сказал Джо, вставая, – ты должен позволить мне убить тебя. Это справедливо.

– Как же я могу? Этого нет в книге.

– Ну, так это подлость – вот и всё.

– Вот что, Джо, ты можешь быть монахом Таким или сыном мельника, Мачем, и ударить меня дубиной по голове. Или, хочешь, я буду шерифом Ноттингема, а ты побудешь немного Робин Гудом и убьёшь меня.

Это удовлетворило Джо, и поэтому эта игра была продолжена. Затем Том снова стал Робин Гудом и по вине вероломной монахини, истёк кровь, плохо перевязавшей ему руку. И наконец Джо, изображавший целую шайку плачущих разбойников, печально стащил его в лес, вложил лук в его сла-

бые руки, и Том сказал: “Куда упадёт эта стрела, там погребите бедного Робин Гуда, под зелёным деревом”. Затем он выпустил стрелу, упал навзничь и умер бы, но зацепился за крапиву и вскочил слишком резко для трупа.

Мальчики оделись, спрятали своё снаряжение и ушли, грустя о том, что разбойников больше нет, и задаваясь вопросом, что современная цивилизация могла бы сделать, чтобы компенсировать их потерю. Они утверждали, что предпочли бы быть разбойниками год в Шервудском лесу, чем быть президентом Соединённых Штатов навсегда.

Глава 9

В половину десятого, Том и Сид отправились ложиться спать, как обычно. Они помолились, и в скором времени Сид уснул. Том не спал и ждал с нетерпением сигнала. Когда ему показалось, что уже должно быть недалеко до рассвета, он услышал, как будильник пробил десять! Просто беда. Он бы с удовольствием повертелся, как того требовало его возбуждённые нервы, но боялся разбудить Сида. Так что он лежал смирно, уставившись в темноту. Повсюду была зловещая тишина. Понемногу из этого безмолвия стали выделяться тихие, едва различимые звуки. Тиканье часов стало привлекать к себе внимание. Мистический треск старых балок. Слабый скрип ступенек. Очевидно, духи пустились в свои движения. Мерное, глухое похрапывание доносилось из комнаты тём-

тушки Полли. Затем началось несносное стрекотание сверчка, которого не мог обнаружить никакой человек. Дальше зловещее постукивание жука-точильщика в стене, у изголовья кровати Тома, заставило его вздрогнуть, – это означало, что чьи-то дни сочтены. Затем прозвучал в ночном воздухе отдалённый собачий вой, и тотчас же, ещё дальше, другая собака завывала слабее. Том переживал мучительные минуты. Вскоре он убедился, что время остановилось и началась вечность, несмотря на своё волнение, он начал дремать, часы пробили одиннадцать, но он их не слышал. Ему снились смешанные с бесформенными видами сны, но вот раздался самый меланхолический вой. Открытие соседнего окна заставило его проснуться. Раздался возглас: “Брысь, проклятая!” и звон пустой бутылки, разбившейся о дровяной сарай тётушки Полли, окончательно разбудил его, и минуту спустя он уже оделся, вылез в окно и пробирался на четвереньках по крыше. Он мяукнул раза два в ответ, потом перескочил на крышу дровяного сарая и оттуда спрыгнул на землю. Гекльберри Финн был уже там со своей дохлой кошкой. Мальчики двинулись в путь и скоро исчезли во мраке. Спустя полчаса они шли уже по высокой траве кладбища.

Кладбище было старое, западного типа. Они находились на холме, в полутора милях от деревни. Кладбище было обнесено ветхим, дощатым забором, который погнулся местами внутрь, местами наружу, но нигде не стоял прямо. Всё кладбище заросло травой и сорняками.

Все старые могилы осыпались. Ни один надгробный камень не стоял на своём месте, над могилами возвышались старые доски с закруглением наверху, изъеденные червями и клонившиеся к земле, в поисках опоры и не находя её. Когда-то на них были надписи: “Здесь покоится...”, и так далее, но теперь большинство из них невозможно было прочесть даже в дневном свете.

Тихий ветер стонал в ветвях, и Тому со страху мерещилось, что это души умерших жалуются, – зачем люди тревожат их покой. Мальчики мало говорили, да и то только чуть слышным шёпотом, так как время, и место, и окружавшая их торжественная тишина импонировала им. Они нашли свежую могильную насыпь, которую искали, и притаились под тремя большими вязами, в несколько шагах от неё.

Они ждали молча в течение долгого, как им показалось, времени. Вдали кричала сова, и это был единственный звук, нарушавший мёртвую тишину. Размышления Тома становились всё более гнетущими. Он должен был с кем-то поговорить. Поэтому, он произнёс шёпотом:

– Как ты думаешь, Гек, мертвецам нравятся, что мы здесь?

Гекльберри шепнул в ответ:

– Кто их знает. Не знаю. А жутко здесь..., правда?

– Ещё бы.

Наступило долгое молчание, в течение чего мальчики обдумывали про себя этот вопрос. Затем Том прошептал:

– Послушай, Гек, как, по-твоему, старикашка Вильямс

слышит наш разговор?

– Конечно, слышит. По крайней мере, душа точно слышит.

Том, помолчав, прибавил:

– Жалко, что я назвал его просто Вильямс, а не мистер Вильямс. Но я не хотел его обидеть. Его все называют старикашкой.

– Надо быть осторожнее, когда говоришь о покойнике, Том.

Это отбила у Тома продолжать разговор.

Вдруг Том схватил товарища за руку и сказал:

– Тсс!

– Что там такое, Том? – Оба прижались друг к другу, с сильно бьющимися сердцами.

– Тсс! Вот опять! Ты слышал?

– Я...

– Вот! Теперь слышишь?

– Господи, Том, они идут! Они идут! Это они! Что нам делать?

– Не знаю. Ты думаешь, они увидят нас?

– Ох, Том, они видят в темноте, как кошки. И зачем я только пошёл!

– Ну, не бойся. Я думаю, они не тронут нас. Что мы им сделали? А если будем сидеть смирно, может быть, и не заметят.

– Ладно. Попробую... Боже, я весь дрожу!

– Слушай!

Мальчики, еле дыша, ещё ближе склонили головы друг к другу. Глухие звуки голосов доносились с дальнего конца кладбища.

– Смотри! Смотри! – шепнул Том. – Что там такое?

– Это чёртов огонь. Ох, Том, как страшно!

Во мраке появились какие-то тёмные фигуры, размахивая жестяным фонарём, который усеивал землю бесчисленными маленькими блёстками света. Вдруг Гекльберри прошептал с ужасом:

– Это дьяволы, теперь уж наверняка! Целых три! Ну, мы пропали. Ты можешь прочесть молитву?

– Попробую, только не бойся. Они не тронут нас. “Боже, на сон грядущий спаси и помилуй меня...”

– Тсс!

– Что такое, Гек?

– Это люди! По крайней мере, один из них. У него голос Меффа Поттера.

– Да, ну! Ты уверен?

– Уж я его знаю! Ты притаись и не дыши. Он нас и не увидит: пьян по обыкновению, старый хрыч!

– Ладно. Я буду сидеть тихо. Ну вот, встали. Ищут чего-то. Вот опять сюда. Ишь, как бегут! Опять встали. Опять заторопились. А теперь – ой, как близко! И прямо сюда. Слушай-ка, Гек, я узнаю и другой голос. Это индеец Джо.

– И в самом деле, проклятый метис! Уж лучше бы черти,

ей-богу! И чего им тут нужно, хотелось бы мне знать.

Шёпот прекратился, так как трое людей подошли к могиле и стояли теперь в нескольких шагах от убежища мальчиков.

– Здесь, – сказал третий и поднял фонарь так, что свет упал на его лицо. Это оказался молодой доктор Робинсон.

Поттер и индеец Джо принесли с собой носилки, на которых лежала верёвка и пара лопат. Они опустили свою ношу на землю и принялись копать могилу. Доктор поставил фонарь в головах у неё и уселся под вязом. Он был так близок, что мальчики могли бы дотронуться до него.

– Скорей, скорей! – сказал он негромко. – Каждую минуту может взойти луна.

Они что-то прорычали в ответ и продолжили копать. Некоторое время не было слышно никакого шума, кроме скрежета лопат, выгружающих свой груз из земли и песка. Это было очень однообразно. Наконец лопата ударила по гробу с глухим древесным звуком, и ещё через минуту-две мужчины подняли его на землю. Они открутили крышку своими лопатами, вытащили тело и грубо бросили его на землю. Луна выплыла из-за облаков и осветила бледное лицо. Приготовили носилки, положили труп на него, накрыли одеялом и привязали верёвкой. Поттер достал большой нож и отрезал свисающий конец верёвки, а затем сказал:

– Вот, костоправ, мы и покончили это грязное дело. Выкладывай ещё пять, или тело останется тут.

– Вот это разговор! – сказал индеец Джо.

– Послушайте, что это значит? – спросил доктор. – Вы потребовали плату вперёд, и я заплатил вам.

– Да, заплатить-то вы заплатили, но у нас с вами есть и другие счёты, – сказал индеец Джо, подходя к доктору, который теперь стоял. – Пять лет назад ты прогнал меня, однажды, ночью с кухни твоего отца, когда я пришёл попросить чего-нибудь поесть, и ты сказал, что я здесь ни к чему хорошему не приведу, и тогда я поклялся, что поквитаюсь с тобой, даже если на это потребуется сто лет, твой отец посадил меня в тюрьму за бродяжничество. Ты думал, я забуду? Индейская кровь во мне течёт не просто так. И теперь у меня есть ты, и я расплачусь за это, знай!

К этому времени он уже угрожал доктору кулаком в лицо. Доктор внезапно нанёс удар и повалил негодяя на землю. Поттер выронил нож и воскликнул:

– Не смей бить моего приятеля! – и в следующее мгновение он сцепился с доктором, и они вдвоём боролись вовсю, топча траву и разрывая землю каблуками. Индеец Джо вскочил на ноги, глаза его горели страстью, схватив нож Поттера и, пригибаясь, как кошка, стал красться вокруг сражающихся, ища удобного случая. Внезапно доктор вырвался на свободу, схватил тяжёлую доску с могилы Вильямса и повалил этим Поттера на землю – и в то же мгновение метис увидел свой случай и вонзил нож по самую рукоятку в грудь молодого человека. Он пошатнулся и частично упал на Поттера, за-

ливая его своей кровью, и в тот же миг тучи заслонили ужасное зрелище, и два испуганных мальчика умчались прочь в темноте.

Вскоре, когда луна появилась снова, индеец Джо стоял над двумя фигурами, созерцая их. Доктор что-то нечленораздельно пробормотал, пару раз глубоко вздохнул и затих. Метис пробормотал:

– Этот счёт сведён – будь ты проклят.

Затем он обобрал убитого. После чего он вложил смертельный нож в открытую правую руку Поттера и сел на пустой гроб. Прошло три, четыре, пять минут, а затем Поттер начал шевелиться и стонать. Его рука сомкнулась на ноже, он поднял его, взглянул и с содроганием уронил. Затем он сел, оттолкнув от себя тело, и пристально посмотрел на него, а затем вокруг него, смущённо. Его глаза встретились с Джо.

– Господи, как же так, Джо? – сказал он.

– Это грязный бизнес, – ответил Джо, не двигаясь с места.

– Зачем ты это сделал?

– Я! Я тут ни при чём!

– Нет, братец, словами тут не отделаешься.

Поттер задрожал и побледнел.

– Я думал, что протрезвел. Мне не следовало пить сегодня вечером. До сих пор шумит в голове – хуже, чем когда мы шли сюда. Я весь в замешательстве – с трудом могу вспомнить что-то из этого. Скажи мне, Джо – честно, старина, – я это сделал? Джо, я никогда не хотел... клянусь своей ду-

шой и честью, я никогда не хотел, Джо. Расскажи мне, как это было, Джо. О, это ужасно – и он такой молодой и много-обещающий.

– Вы двое сцепились, он ударил тебя доской по башке, и ты упал плашмя, а потом встал, весь шатаясь, выхватил нож и вонзил его в него, как раз в тот момент, когда он нанёс тебе новый удар – и вот ты лежишь, как мёртвый и не шевелишься.

– О, я не знал, что делал. Провалиться мне на месте, если я вру. Я думаю, это всё из-за виски и волнения. Я никогда в жизни раньше не пользовался оружием, Джо. Я дрался, но никогда не с оружием. Это тебе всякий скажет. Джо, не выдавай меня! Дай слово, что не выдашь меня, Джо, ты же хороший парень. Ты мне всегда нравился, Джо, и я тоже за тебя заступался. Разве ты не помнишь? Ты ведь не скажешь, правда, Джо?

И бедняга упал на колени перед невозмутимым убийцей и умоляюще сжал его руки.

– Нет, ты всегда был честен со мной, Мефф Поттер, и я не стану выдавать тебя. Будь спокоен, вот тебе самое честное слово, какое может сказать мужчина.

– О, Джо, ты ангел. Я буду благословлять тебя за это до конца моей жизни.

И Поттер заплакал.

– Ну же, хватит об этом. Сейчас не время для рыданий. Ты ступай этой дорогой, а я пойду тем путём. Двигайся, сейчас

же, и не оставляй за собой никаких следов.

Поттер пустился рысцой, но потом прибавил шаг. Метис стоял, глядя ему вслед. Он пробормотал:

– Если он так оглушён ударом и одурманен ромом, как можно подумать с виду, он не вспомнит о ноже, а, если и вспомнит, то побоится вернуться за ним один – слюнтяй.

Две или три минуты спустя на убитого человека, завёрнутого в одеяло, на труп и гроб без крышки смотрела только луна. Снова воцарилась глубокая тишина.

Глава 10

Мальчики молча летели по направлению к деревне, с ужасом. Время от времени они с опаской оглядывались через плечо, словно опасаясь погони. Каждый пень, попадавшийся им на пути, казался человеком и врагом, при виде которого у них захватывал дух. Они бежали мимо деревянных домиков, расположенных недалеко от деревни, сторожевые псы проснулись и лаяли. От этого лай у мальчиков словно выросли крылья.

– Если бы мы только смогли добраться до старой кожевни, до того, как выьемся из сил! – прошептал Том, задыхаясь. – Я не могу больше бежать.

Гекльберри только пыхтел в ответ, и мальчики поравнялись взглядами на цель своих надежд и напрягли все свои силы, чтобы добраться до неё. Они неуклонно стремились к

ней и, наконец, плечом к плечу, они влетели через открытую дверь и упали, обрадованные и обессиленные, под защитой темноты. Когда их пульс стал биться медленнее, Том прошептал:

– Гекльберри, как ты думаешь, что из этого выйдет?

– Если доктор Робинсон умрёт, то думаю, выйдет виселица.

– Ты думаешь?

– Я уверен в этом, Том!

Том поразмыслил слегка, а затем произнёс:

– Кто об этом расскажет? Мы?

– О чём ты говоришь? Вдруг что-то случится и индейца Джо не повесят. Тогда, он убьёт нас рано или поздно, это так же верно, как то, что мы лежим сейчас.

– Я тоже только что об этом подумал, Гек.

– Если кто и расскажет, то пусть это будет Мефф Поттер, раз он так глуп. Ему хватит на это глупости, вечная пьяница.

Том ничего на это не ответил, он думал. Вдруг он прошептал:

– Гек, Мефф Поттеру ничего не известно. Как он сможет рассказать?

– Почему же ему не известно?

– Потому что удар оглушил его в ту самую минуту, когда индеец Джо сделал это. Как ты думаешь, он видел что-нибудь? Думаешь, он знает что-нибудь?

– Чёрт возьми, так и есть, Том!

– И потом, ты подумай, может быть, этот удар прикончил его!

– Не думаю, Том. Ведь он был выпивший, я это сразу заметил, он всегда такой. Когда мой отец напьётся, его можно ударить по голове хоть церковью, ему ничего не будет. Он сам так говорил. То же самое с Меффом Поттером, естественно. Трезвого человека, я полагаю, такой бы удар сразил наповал.

Опять подумав немного, Том сказал:

– Гек, ты уверен, что сможешь не проговориться?

– Том, нам необходимо молчать. Ты сам это знаешь. Этот чёртов индеец не задумается утопить нас, как котят, если мы разболтаемся, а его не повесят. А теперь, послушай-ка, Том, мы должны дать клятву друг другу, что будем держаться свои рты за зубами.

– Я согласен. Это лучшее решение. Возьмёмся за руки и поклянёмся, что...

– О, нет, этого будет недостаточно. Этого достаточно для таких мелких банальных вещей, особенно у девчонок, потому что они всё равно тебя выдадут и проболтаются, чуть попадутся, но в таком важном деле надо, чтобы был написан договор. И притом кровью.

Том всей душой одобрил эту мысль. Она была таинственная, тёмная, ужасная, и вполне гармонировало со всеми событиями, с окружающей обстановкой, с ночной порой. Он разыскал чистую сосновую дощечку, освещённую луной, и

достал из кармана кусочек “красной охры”, сел так, чтобы свет падал на дощечку, и с трудом нацарапал следующие строки, причём, прикусывая кончик языка в начале строчки и разжимая каждый раз, когда добирался до конца.

Гек Финн и Том Сойер клянутся, что будут держать язык за зубами насчёт этого дела. И пусть они упадут замертво и умрут, если расскажут о нём.

Гекльберри был преисполнен восхищения легкостью Тома и его возвышенного стиля. Он тут же вытащил из отворота своей куртки булавку и хотел уже уколоть себе палец, но Том остановил его:

– Пстой! Не делай этого. Булавка-то медная. На ней может быть ярь.

– Ярь? Это что ещё такое?

– Яд. Вот что. Попробуй проглотить хоть немножко – узнаешь.

Том размотал нитку с одной из своих иголок, и оба мальчика по очереди укололи себе подушечку большого пальца и выдавили по капле крови. Со временем, после многих попыток, Тому удалось вывести мизинцем свои инициалы, используя подушечку мизинца вместо ручки. Затем он показал Гекльберри, как писать Г. и Ф., и клятва была принесена. Они зарыли дощечку у самой стены, с какими-то зловещими церемониями и заклинаниями, и считалось, что их языки

закрыты на ключ, а сам ключ выброшен.

Сквозь большой пролом в другом конце полуразрушенного здания промелькнула какая-то тень, но мальчики её не заметили.

– Том, – прошептал Гекльберри, – это навсегда удержит нас от болтовни?

– Разумеется. Не имеет значения, что произойдёт, мы должны помалкивать. А иначе мы тут же упадём замертво. Разве ты этого не забыл?

– Да, должно быть, так.

Ещё некоторое время они продолжали шептаться. Вдруг на улице раздался продолжительный, унылый вой собаки, шагах в десяти от них. Мальчики в безумном ужасе схватились друг за друга.

– На кого из нас? – еле дыша, прошептал Гекльберри.

– Не знаю, погляди в щель. Живее!

– Нет, ты посмотри!

– Не могу... не могу я, Гек!

– Ну же, Том... Слышишь, она опять!

– Господи, как же я рад! – прошептал Том. – Я узнаю голос. Это Булл Харбисон.¹⁰

– Ну, слава богу! Я до смерти испугался, Том. Готов поспорить на что угодно, что это бродячая собака.

Собака вновь завyla. Сердца мальчиков снова сжались.

– О, нет! Это не она, —прошептал Гекльберри. – Погляди-ка, Том!

Том, дрожа от страха, послушался и приложил глаз к щели. И еле слышно промолвил:

– Ой, Гек, это бродячая собака!

– Посмотри, Том, посмотри поскорее: на кого она лает?

– Да на нас обоих, Гек, – мы ведь совсем рядом.

– Ох, Том, мы пропали! Уж я знаю, куда попаду. Я был такой скверный мальчишка...

– Да, плохо наше дело! А всё из-за того, что прогуливаю школу и делаю всё, что старшие велют не делать. Я мог бы быть таким же хорошим, как Сид, если бы только постарался как следует, но нет, не старался, нет, нет... Но, если только я спасусь от беды, на этот раз, я буду дневать и ночевать в воскресной школе!

Том начал слегка всхлипывать.

– Ты себя считаешь дурным! – при этих словах Гекльберри тоже начал всхлипывать. – Ты, Том Сойер, чёрт возьми, суший ангел по сравнению со мной! Ох, Господи, Господи, Господи, хотел бы я хоть наполовину быть таким.

Том проглотил слёзы и шепнул:

– Смотри, смотри, Гек! Она стоит к нам спиной!

Гек посмотрел, и сердце его наполнилось радостью.

– Верно, так и есть! А раньше так же стояла?

– Ну да, я дурак, не заметил. Вот хорошо! Но на кого она воет?

Вой прекратился. Том прислушался.

– Тс! Что это? – шепнул он.

– Это... это как будто свиньи хрюкают. Нет, это храпит кто-то, Том.

– Верно! Но где же он храпит, Гек?

– Как будто на том конце. Похоже на то, по крайней мере. Там иногда ночевал мой отец вместе со свиньями, но это не он. Он, бывало, так захрапит, что держись – с ног собьёт! Да и вряд ли он когда-нибудь вернётся в эту деревню.

Жажда приключений снова ожила в мальчиках.

– Гек, ты пойдёшь, если я пойду первым?

– Неохота мне, Том. А вдруг там индеец Джо?

Том дрогнул. Но искушение было слишком сильным, и мальчики решили пойти посмотреть, договорившись, что они пустятся наутёк, если храп прекратится. И они, крадучись, на цыпочках спустились вниз, один за другим. На расстоянии пяти шагов, Том наступил на какую-то палку, которая с резким треском сломалась. Спящий застонал, слегка пошевелился, и его лицо осветилось лунным светом. Это был Мефф Поттер. У мальчиков кровь застыла в жилах, и они ужасно оробели, когда спящий пошевелился, но теперь их страхи исчезли. Они на цыпочках вышли сквозь пролом и остановились немного поодаль, чтобы обменяться прощальными словами, как вдруг в ночной тишине снова раздался протяжный унылый вой. Они обернулись и увидели бродячую собаку, которая стояла в нескольких шагах от того места, где лежал Мефф Поттер, лицом к нему, а нос был поднят к небу.

– Так это она на него, – в один голос воскликнули мальчишки.

– Послушай, Том, говорят, бродячая собака выла около дома Джонни Миллера, около полуночи, две недели тому назад; и козодой¹¹ влетел к нему в комнату, сел на перила лестницы и запел в тот же вечер, а до сих пор никто в доме у них не умер.

– Ну, я это знаю. А предположим, что это не так. Но, разве Грейси Миллер не упала в кухонный камин и не обожглась в следующую субботу?

– Да, но она не умерла. И более того, ей уже становится лучше.

– Хорошо, подожди и увидишь. Ей конец, точно так же, как и Меффу Поттеру конец. Так говорят чернокожие, а они знают всё о таких вещах, Гек.

Затем они разошлись, размышляя. Когда Том прокрался в окно своей спальни, ночь была почти на исходе. Он разделся с чрезмерной осторожностью и заснул, поздравляя себя с тем, что никто не знал о его выходке. Он не знал, что тихонько похрапывающий Сид проснулся, и находился в таком состоянии уже целый час.

Когда Том проснулся, Сид был уже одет и ушёл. Судя по свету, было уже поздно: и воздух, и солнечный свет ясно говорили об этом. Он был поражён. Почему его не разбудили, не растормошили, как обычно? Эта мысль наполнила его дурными предзнаменованиями. В течение пяти минут он

оделся и спустился по лестнице, чувствуя боль и сонливость.

Семья всё ещё сидела за столом, но они уже закончили завтракать. Не было ни одного голоса упрёка, но были отвёрнутые глаза, царил тишина и атмосфера торжественности, от которой сердце преступника пронзил холод. Он сел и попытался казаться весёлым, но эта была нелегко, он не добился ни улыбки, ни отклика, и он снова погрузился в молчание, позволив своему сердцу опуститься до самых глубин.

После завтрака тётя отвела его в сторонку, и Том почти просиял в надежде, что он отделается поркой, но не тут-то. Его тётя плакала над ним и спрашивала его, как он мог пойти и так разбить её старое сердце; и в конце концов сказала ему, чтобы теперь он может делать, что захочет: губить себя и свести в могилу её седые волосы от горя, потому что ей больше не было смысла пытаться. Это было хуже тысячи ударов плетью, и сердце Тома теперь болело сильнее, чем его тело. Он плакал, умолял о прощении, снова и снова обещал исправиться, а затем получил отпущение, чувствуя, что заслужил лишь наполовину прощение и приобрёл слабое доверие.

Он ушёл прочь и был так несчастен, чтобы даже испытывать чувство мести по отношению к Сиду, и поэтому быстро вышел через заднюю калитку. Он припёрся в школу мрачный и печальный, получил порку вместе с Джо Гарпером за то, что прогуливал уроки накануне, с видом человека, чьё сердце было занято более серьёзными горестями и совер-

шенно равнодушного к мелочам. Затем он вернулся на своё место, облокотился на парту, подпёр подбородок руками и уставился в стену каменным взглядом, выразившим страдание, достигшего крайнего предела. Под локтем он почувствовал какое-то твёрдое вещество. Спустя долгое время он медленно и печально сменил позу и со вздохом взял этот предмет. Он был завернут в бумагу. Том развернул её. Последовал глубокий, протяжный, огромный вздох, и его сердце разбилось. Это была его медная шишечка от каминной решётки!

Это была капля, переполнившая чашу.

Глава 11

Ближе к полудню ужасная новость внезапно взбудоражила всю деревню. Не надо было и телеграфа, о котором ещё никто не мечтал, история переходила от человека к человеку, от компании к компании, от дома к дому с почти телеграфной скоростью. Разумеется, в этот день школьный учитель распустил ребят после обеда, весь город счёл бы странным, если бы он этого не сделал.

Окровавленный нож был найден рядом с убитым женщиной, и кто-то опознал в нём Меффа Поттера, – так гласила история. Говорили также, что какой-то запоздалый гражданин наткнулся на Поттера, умывающегося в ручье около часа или двух ночи, и что Поттер, завидя его, тотчас же куда-то исчез, – обстоятельство подозрительное, в особенности

умывание, не входившее в привычки Поттера. Также говорилось, что город был прочёсан в поисках этого “убийцы” (общественность не медлит с проверкой улики и вынесением вердикта), но найти его так и не удалось.

По всем направлениям разосланы конная погоня, и шериф уверен, что преступника поймают до ночи.

Вся деревня собралась на кладбище. Том забыл о своём разбитом сердце и присоединился к толпе – не потому, что у него было такое желание, он предпочёл бы оказаться за тысячу миль, – но его влекла туда роковая, необъяснимая сила. Придя на ужасное место, он протискался сквозь толпу и увидел мрачную картину. Ему казалось, что с тех пор, как он был здесь, прошла целая вечность. Кто-то ущипнул его за руку. Он оглянулся и встретился глазами с Гекльберри. Оба тотчас взглянули по сторонам, опасаясь, не заметил ли кто-нибудь, что они обменялись взглядами, но все были заняты разговорами и страшным зрелищем.

– Бедняга! Такой молоденький! Вот урок похитителям трупов! Не миновать Маффлу Поттеру виселицы, если его удастся поймать! – слышалось со всех сторон, а священник заметил:

– Это суд Божий; рука Его ясна здесь.

Том содрогнулся с головы до ног, так как взор его упал на неподвижное лицо индейца Джо. В эту минуту толпа зашевелилась, заволновалась и послышались голоса:

– Это он, он! Он идёт сюда сам!

– Кто? Кто? – разом спросили два десятка голосов.

– Маффл Поттер!

– Остановился! Смотрите, назад поворачивает! Держите его, не пускайте!

Люди, взобравшиеся на деревья, над головой Тома, говорили, что он и не пытался уйти, а только был смущён и как будто колебался.

– Бесстыдная наглость! – заметил один из толпы. – Вздумал полюбоваться на своё дело, только не ожидал встретить здесь людей.

Толпа расступилась, и к могиле торжественно приблизился шериф, ведя Поттера за руку. У бедняги было растерянное лицо, в глазах его светился ужас. Когда он увидел убитого, он затрясся, словно его схватил паралич, закрыл лицо руками и заплакал.

– Это не я сделал, друзья мои, – проговорил он, всхлипывая, – честное слово даю вам, что не я.

– Кто же тебя обвиняет? – загремел чей-то голос. Стрела попала в цель. Поттер убрал руки от лица и с беспомощным отчаянием обвёл присутствующих взглядом. Увидев индейца Джо, он воскликнул:

– О, Джо! Ты же обещал, что никогда...

– Это ваш нож? – спросил шериф, бросив нож к его ногам.

Поттер упал бы, если его не подхватили бы и не усадили тихонько на землю. Тогда он сказал:

– Что-то говорило – мне, что если я не вернусь сюда и не

найду... – Он вздрогнул и, безнадёжно махнув рукой, промолвил: – Расскажи им, Джо, расскажи – что уж тут...

Гекльберри и Том онемели от ужаса и, не открывая глаз, глядели на бессердечного лгуна, когда он повёл хладнокровный рассказ об убийстве. Они ждали, что вот-вот с ясного неба грянет Божий гром на его голову, удивляясь только, что он так медлит. Когда же он и по окончании рассказа остался цел и невредим, у них возникло робкое желание нарушить клятву и спасти жизнь несправедливо обвинённому Поттеру, но это желание вскоре совсем исчезло, потому что им сделалось ясно, что этот негодяй Джо продал душу дьяволу, а с дьяволом шутку плохи: тягаться с тем, кто принадлежит такой силе, и думать ничего.

– Почему же ты не убежал? Зачем ты захотел сюда прийти? – спросил кто-то.

– Я ничего не мог с этим поделать... я ничего не мог с этим поделать, – простонал Поттер. – Я хотел убежать, но, похоже, меня что-то сюда тянуло.

Он снова разрыдался.

Индеец Джо так же спокойно повторил свои показания несколько минут спустя на допросе под присягой; и мальчишки, видя, что молнии по-прежнему удерживаются, утвердились в своём убеждении, что Джо продался дьяволу. Теперь он стал для них самым зловеще интересным объектом, на который они когда-либо смотрели, и они не могли отвести от его лица свои зачарованные взгляды.

Про себя они решили следить за ним по ночам, когда представится возможность, в надежде хоть мельком увидеть его ужасного владыку.

Индеец Джо помог поднять тело убитого человека и положить его в перевозку; и по дрожащей толпе прошёл шёпот, что рана немного кровоточила! Мальчики думали, что это счастливое обстоятельство направит подозрения в нужное русло; но они были разочарованы, так как некоторые деревенские жители заметили:

– Ещё бы, он был в трёх футах от Маффлса Поттера.

Страшная тайна Тома и грызущая совесть не давали ему спать целую неделю после этого; и однажды утром за завтраком Сид сказал:

– Том, ты так вертишься и разговариваешь во сне, что мешаешь мне спать.

Том побледнел и потупил глаза.

– Это плохой знак, – сказала тётушка Полли серьёзно. – Что у тебя на душе, Том?

– Ничего. Ничего особенного.

Но рука у мальчика так дрожала, что он пролил кофе.

– Ты мелешь какой-то вздор, – продолжал Сид. – Сегодня ночью ты говорил: “Это кровь, это кровь!” И опять, и опять, без конца. А потом: “Не мучьте меня, я всё расскажу”. Что расскажешь? Что такое ты расскажешь?

У Тома в глазах всё потемнело. Трудно сказать, чем бы это могло бы закончиться, но, к счастью, тревожное выражение

сошло с лица тёти Полли, и она, сама того не зная, пришла Тома на выручку. Она сказала:

– Ох! Это всё из-за этого страшного убийства. Мне самой оно снится почти каждую ночь. Иногда снится, будто я сама его совершила.

Мэри сказала, что то же самое бывает и с ней. Сид, по-видимому, удовлетворился этим. Том поспешил уйти под первым благовидным предлогом и после этого неделю, притворяясь, что у него болят зубы, стягивал себе челюсть на ночь платком. Он не знал, что Сид не спит по ночам и нередко развязывает, долго слушает, приподнявшись на локте, а затем опять стягивает её. Душевная тревога Тома мало-помалу улеглась; зубная боль надоела ему и была остановлена. Если Сид и вывел какие-либо выводы из отрывистых слов, произносимых его братом во сне, он оставил их при себе.

Тому казалось, что все его товарищи чересчур увлекаются игрой в судебное следствие по поводудохлых кошек, поддерживая этим его тревогу. Сид подглядел, что в этой игре Том никогда не выступает в качестве главного следователя, хотя до сих пор Том очень любил, чтобы во всех играх первые роли были у него. Том отказывался даже от роли свидетеля – и это показалось ему странным; не ускользнула от Сида и то обстоятельство, что Тому вообще все эти игры противны и что он уклоняется от них при малейшей возможности. Сид удивлялся, однако ничего не говорил. Впрочем, подобные игры в конце концов вышли из моды и перестали

терзать совесть Тома.

Почти каждый день в течение этого грустного времени Том, улучив минуту, отправлялся к маленькому окошку с решёткой и совал в него убийце всё, что мог достать ему в утешение. Тюрьмой было невзрачное кирпичное здание, которое стояло у болота, на краю города; стороже при ней не было, да и редко в ней кто-нибудь сидел. Эти значительно маленькие подарки успокаивали совесть Тома.

Жителям деревни очень сильно хотелось вымазать индейца Джо дёгтем, вывалить его в перьях и выпроводить из деревни за кражу трупа с могилы, но ввиду его страшного характера не нашлось никого, кто бы решился взять на себя инициативу, и дело так и заглохло. На обоих допросах метис начинал свой рассказ прямо с драки, не упоминая о предварительном похищении трупа; поэтому сочтено было за лучшее до поры до времени не привлекать его к суду.

Глава 12

Одна из причин, по которой разум Тома отвлёкся от своих тайных забот, заключался в том, что он нашёл новый и весомый предмет для своего интереса. Бэки Тэтчер перестала ходить в школу. Том несколько дней боролся со своей гордостью и пытался забыть о ней, но потерпел неудачу. Он начал ловить себя на том, что ночами слонялся около дома её отца и чувствовал себя очень несчастным. Она была

больна. Что, если она умрёт! В этой мысли было что-то отвлечённое. Он больше не интересовался ни войной, ни даже пиратством. Очарование жизни исчезло; не осталось ничего, кроме уныния. Он ни прикасался ни к обручу, ни к мячу; в них больше не было радости. Его тётя была обеспокоена. Она начала пробовать на нём всевозможные средства. Она была одной из тех людей, которые помешаны на патентованных лекарствах и всех новомодных методах поддержания здоровья или его улучшению. Она была заядлым экспериментатором в этих вещах. Когда появлялось что-то новое, ей сразу же хотелось попробовать это; не на себе, потому что она никогда не болела, а на всех остальных, кто подвернулся под руку. Она была подписана на все издания о «здоровье» и шарлатанских; и торжественное невежество, которым они были пропитаны, казалось ей верхом мудрости. Вся та «чушь», которую они содержали о вентиляции, и о том, как ложиться спать, и как вставать, и что есть, и что пить, и сколько упражнений делать, и в каком настроении держать себя, и какую одежду носить, было для неё свято, как Евангелие, и она никогда не замечала, что её медицинские журналы текущего месяца обычно нарушают всё, что они рекомендовали месяцем ранее. Она была такой же простодушной и честной, как и день, и поэтому стала жертвой. Она собрала воедино свои шарлатанские издания и лекарства и, таким образом, вооружившись смертью, разъезжала на своём бледном коне, образно говоря, с «адам, следующим за ней». Но

она никогда не подозревала, что не была ангелом исцеления и бальзамом утешения для страждущих соседей.

Водные процедуры теперь были в новинку, и плохое состояние Тома стало для неё неожиданной удачей. Каждое утро при свете дня она выводила его на улицу, в дровяной сарай и окатывала потоком холодной воды; затем она тёрла его полотенцем, как напильником, и таким образом приводила его в чувство; затем она заворачивала его в мокрую простыню и окутывала одеялом, пока он не потел до того, что «душа выходила вместе с паром жёлтыми капельками из всех пор», как уверял Том.

Но, несмотря на всё это, мальчик становился всё более и более меланхоличным, бледным и удручённым. Она добавила горячие ванны, души и обливания. Мальчик оставался таким же мрачным, как погребальные дроги. Она начала помогать воде с помощью лёгкой овсяной диеты и нарывных пластырей. Она рассчитала вместимость, как кувшин, и каждый день пичкала его шарлатанскими лекарствами.

К тому времени Том стал равнодушен к этим врачеваниям. Эта фраза наполнила сердце старой леди ужасом. Это безразличие нужно было сломить любой ценой. Теперь она впервые услышала о обезболивающем. Она заказала сразу много. Она попробовала его и была преисполнена благодарностью. Это был просто огонь в жидкой форме. Она отказалась от водных процедур и всего остального и сосредоточила свою веру на обезболивающем. Она дала Тому чайную лож-

ку и с глубочайшим беспокойством наблюдала за результатом. Её тревоги мгновенно успокоились, её душа снова обрела покой; ибо «безразличие» было разрушено. Мальчик не смог бы проявить более бурного, искреннего одушевления, если бы она развела под ним костёр.

Том почувствовал, что пора уже проснуться от спячки. Этот род жизни был, пожалуй, достаточно романтичным для его отцветших надежд, но слишком уж мало в нём было чувства и слишком много волнующего разнообразия. Он стал придумывать всевозможные способы избавиться от этого бедствия и наконец ему пришла мысль притвориться, будто обезболивающие пришлось ему по вкусу: он так часто стал его просить у тёти, что надоел ей, и она сказала ему, что он может пользоваться им сам и не приставать к ней. Будь это Сид, к её радости не примешивалось бы никакой тревоги, но, так как дело касалось Тома, она стала потихоньку наблюдать за бутылкой. Она убедилась, что лекарство действительно убывает, но ей не пришло в голову, что мальчик лечил им щель в полу гостиной.

Однажды, когда он лечил таким образом щель, к нему подошёл тётин рыжий кот, замурлыкал и, жадно поглядывая на чайную ложку, попросил, чтобы ему дали попробовать.

– Не проси, если не хочешь, Питер.

Питер дал понять, что ему хочется.

– Ты уверен в этом?

Питер выразил свою уверенность.

– Ну, если ты просишь, то я дам, потому что я не скупой, но если тебе не понравится, то пеняй на себя.

Питер согласился на эти условия. Том открыл ему рот и влил ложку обезболивающего. Питер подскочил вверх на два ярда, затем издал воинственный клич и заметался кругами по комнате, налетая на мебель, опрокидывая цветочные горшки и делая страшный беспорядок. Затем он поднялся на задние лапы и пустился в пляс, в каком-то бешеном веселье, закинув голову назад и выражая диким голосом своё безнаказанное блаженство. Затем опять заметался по комнате, делая разрушение и хаос вокруг. Тётя Полли вошла как раз вовремя, чтобы увидеть, как он, проделав несколько двойных сальто-мортале, испустив последнее мощное «ура», вылетел в открытое окно, увлекая за собою остальные цветочные горшки. Старая леди окаменела от изумления, оглядывая комнату поверх очков, а Том катался по полу, изнемогая от смеха.

– Том, что с ним случилось?

– Не знаю, тётушка, – едва мог пролепетать Том.

– Никогда не видала ничего подобного. Что же его так расстроило?

– Право же, не знаю, тётушка Полли. Кошки всегда куврыкаются, когда у них какая-нибудь радость.

– Да? Всегда, всегда так делают? – В голосе её было что-то, внушившие ему опасение.

– Да. То есть я так думаю.

– Ты думаешь?

– Да.

Старушка нагнулась, а Том следил за ней с любопытством и беспокойством. Но слишком поздно догадался, к чему она клонит. Чайная ложка торчала из-под кровати. Тётя Полли вытащила её оттуда и потрясла над его головой. Том съёжился, опустил глаза. Тётя Полли подняла его с полу за обычную рукоятку – ухо – и больно стукнула по голове напёрстком.

– И не стыдно тебе, сударь, так мучать бедное бессловесное животное?

– Я дал ему лекарство из жалости... потому что у него нет тётушки.

– Нет тётушки! Что за дурень! Причём тут тётка?

– Как – при чём! Будь у него тётушка, она выжгла бы ему все потроха, припекла бы ему все кишки без пощады... как человеку.

Тётя Полли почувствовала внезапный укол раскаяния. Это показывало дело в новом свете; то, что было жестокостью по отношению к кошке, могло быть жестокостью и по отношению к мальчику. Она начала смягчаться; ей стало жаль. Её глаза немного увлажнились, и она положила руку на голову Тома и мягко сказала:

– Я хотела как лучше, Том. И, Том, это действительно пошло тебе на пользу.

Том посмотрел ей в лицо с едва заметным огоньком, проглядывающим сквозь его серьёзность.

– Я знаю, ты хотела как лучше, тётушка, и я тоже был с Питером. Это тоже пошло ему на пользу. Я никогда не видел, чтобы он ходил вокруг да около, так как...

– Ой, да ладно тебе, Том, ты снова меня разозлил. А ты попробуй и посмотри, не можешь ли ты хоть раз быть хорошим мальчиком, и тебе не нужно будет больше принимать никаких лекарств.

Том пришёл в школу раньше времени. Было замечено, что в последнее время эта странная вещь происходила каждый день. И теперь, как обычно в последнее время, он слонялся у ворот школьного двора вместо того, чтобы играть со своими товарищами. Он сказал, что был болен, и у него действительно был такой вид. Он старался делать вид, что смотрит куда-угодно, но не туда, куда на самом деле смотрел, – вниз по дороге. Вскоре в поле зрения появился Джефф Тэтчер, и лицо Тома просветлело; он пристально посмотрел на него, а затем печально отвернулся. Когда Джефф подошёл, Том пристал к нему; и осторожно «подводил» к возможности высказаться о Бэки, но легкомысленный мальчик не замечал его намёков.

Том наблюдал и наблюдал, надеясь всякий раз, когда в поле зрения появлялось платье с сборками, и ненавидя его обладательницу, как только он видел, что она не та, кто ему нужен. Наконец платья перестали появляться, и он безнадежно погрузился в скорбь; он вошёл в пустое здание школы и сел страдать.

Затем в воротах появилось ещё одно платье, и сердце Тома сильно подпрыгнуло. В следующее мгновение он был во дворе и бушевал, как индеец; кричал, смеялся, гонялся за мальчиками, перепрыгивал через забор с риском для жизни и конечностей, кувыркался, стоял на голове – совершал все героические поступки, какие только мог вообразить, и всё это время украдкой поглядывал, не замечает ли Бэки Тэтчер.

Но она, казалось, не замечала всего этого; она ни разу не смотрела. Возможно ли, что она не знала, что он был там? Он перенёс свои подвиги в её непосредственную близость; ворвался с воинственными криками, схватил кепку у мальчика, швырнул её на крышу школьного здания, прорвался сквозь группу мальчишек, разбрасывая их во все стороны, а сам растянулся под носом у Бэки, чуть не опрокинув её – и она повернулась, задрав нос, он услышал, как она сказала: «Хм, некоторые думают, что они ужасно как милы, – вечно выставляются».

Щёки Тома вспыхнули. Он собрался с духом и ушёл, раздавленный и удручённый.

Глава 13

Теперь Том принял решение. Он был мрачен и в отчаянии. Он был покинутым мальчиком, у которого не было друзей, сказал он; никто его не любил; когда они узнают, до чего

довели его, возможно, они пожалеют; он попытался поступать правильно и ладить, но они не позволили ему; поскольку им ничего не оставалось, как избавиться от него, пусть будет так; и пусть они винят его за последствия – да почему бы им и не винить? Какое право имел лишённый друзей жаловаться? Да, в конце концов они вынудили его к этому; он будет вести преступную жизнь. Выбора не было.

В это время он был уже далеко от Лугового переулка, и до его слуха долетал слабый звук школьного колокольчика, звонившего к занятиям. Том всхлипнул при мысли, что никогда-никогда больше не услышит хорошо знакомого звона. Это было очень грустно, но он вынужден так поступить. Его, бесприютного, гонят блуждать по пустынному миру – и тут ничего не поделаешь. Но он прощаем им. Тут его всхлипывания стали сильнее и чаще.

В эту самую минуту он увидел своего любезного закадычного друга Джо Гарпера – мрачного и очевидного таившего в душе какой-то великий и отчаянный план. Несомненно, они представляли собой «две души, окрылённые единой мечтой». Том, утирая глаза рукавом, начал хныкать что-то о своём намерении уйти от жестокого обращения и недостатка сочувствия, скитаться по широкому миру, чтобы уже не возвращаться домой, и в заключение высказал надежду, что Джо не забудет его.

Но тут обнаружилось, что Джо и сам собирался просить своего друга о том же и давно уже ищет его. Мать выпорола

его за то, что он будто бы выпил какие-то сливки, которых он вовсе не трогал и даже в глаза не видел. Очевидно, он ей надоел, и она хочет от него отвязаться. Коли уж такое у неё желание, то ему остаётся только подчиниться, пусть она будет счастлива и никогда не пожалеет о том, что выгнала своего бедного мальчика в бесчувственный мир на муки и смерть.

Оба страдальца шли рядом, поверяя друг другу свои скорби. Они заключили новый договор стоять друг за друга, быть братьями и никогда не разлучаться, пока смерть не избавит их от мук. Затем они принялись излагать свои планы. Джо предлагал сделаться отшельниками и жить в пещере, питаясь корками и изнемогая, по временам, от холода, нужды и горя. Но, выслушав Тома, признал, что преступная жизнь имеет свои преимущества, и согласился сделаться пиратом.

В трёх милях ниже Санкт-Петербурга, там, где ширина Миссисипи немного больше мили, находился длинный, узкий, лесистый островок, с песчаной отмелью у верхнего конца, который мог служить отличным убежищем. Остров был необитаемым и лежал ближе к противоположному берегу, поросшему густым, дремучим лесом, где тоже не было, ни одного человека. Итак, выбор их остановился на острове Дж-эксона. Им в голову не пришло спросить себя, кто будет жертвами их пиратских набегов. Но они разыскали Гекльберри Финна, и тот немедленно присоединился к ним, так как для него все карьеры были безразличны, ему было всё

трын-трава. Они расстались, уговорившись встретиться на берегу реки, в уединённом месте на две мили выше городка, в свой излюбленный час, то есть в полночь. Там стоял маленький плот, которым они рассчитывали завладеть. Условлено было, что каждый захватит с собой удочки и рыболовные крючки, а также съестные запасы, те, какие придётся украсть – по возможности, самым загадочным и таинственным образом, как и подобает разбойникам. И, ещё прежде чем кончился день, они все насладились удовольствием похвастаться кое-кому, что деревня скоро «что-то услышит». Все, кому был дан намёк, получили также приказ «держаться язык за зубами и ждать».

Около полуночи Том явился с вареным окороком и кое-какими мелочами и остановился в густом кустарнике на небольшом холме, над местом встречи. Было тихо, сияли звёзды. Громадная река расстилалась, как уснувший океан. Том прислушался – ни звука. Тогда он тихо свистнул. Снизу донёсся ответный свист. Том свистнул ещё два раза, на этот сигнал последовал тот же ответ. Потом чей-то приглушённый голос спросил:

– Кто идёт?

– Том Соьер, Чёрный Мститель испанских морей. Назовите ваши имена!

– Гек Финн, Кровавая Рука, и Джо Гарпер, Ужас Морей.

Эти прозвища Том позаимствовал из своих любимых книг.

– Хорошо. Скажите пароль.

В ночной тишине два хриплых голоса одновременно произнесли одно и то же ужасное слово:

– «Кровь!»

Том швырнул свой окорок и сам скатился вслед за ним, разодрав и кожу и одежду. Был очень удобный и спокойный спуск к берегу по тропинке, но он не обладал преимуществами затруднительности и опасности, столь ценными в глазах пирата.

Ужас Морей раздобыл огромный кусок свиной грудинки и еле дотащил его до места. Финн, Кровавая Рука, стянул котелок и пачку полувысушенных табачных листьев. Также несколько стеблей маиса, чтобы заменить ими трубки, хотя, кроме него, ни один из пиратов не курил и не жевал табаку. Чёрный Мститель заявил, что им необходимо запастись огнём. Это была благоразумная мысль: спички в то время ещё не были в ходу. В ста шагах выше по течению мальчишки увидели костёр, догорающий на большом плоту, подкрались к нему и стащили головёшку. К этому предприятию они отнеслись в высшей степени серьёзно, произнося время от времени «тсс!» и внезапно останавливаясь, приложив палец к губам, хватаясь за воображаемые кинжалы и мрачным шёпотом отдавая приказания «всадить нож по самую рукоятку», если враг шелохнётся, так как «мертвецы не рассказывают сказки». Мальчишки отлично знали, что плотовщики ушли в город или шатаются по лавкам или пьянствуют, – всё же

им не было бы никакого оправдания, если бы они вели себя не так, как полагается пиратам.

Наконец они отплыли. Том командовал. Гек и Джо – гребцы, один на корме, другой на носу. Том стоял на середине корабля, нахмутив брови и скрестив руки на груди, и отдавал приказания низким, суровым шёпотом:

– Круче к ветру! Идти под ветер!

– Есть, сэр!

– Так держать!

– Есть, сэр!

– Держи на румб!

– Есть, сэр!

Так как мальчики упорно и непрерывно гребли на середину реки, то без сомнения им было понятно, что эта команда отдаётся лишь для эффекта и не имеет никакого действительного значения.

– Какие подняты на корабле паруса?

– Нижние, марсель и бом-кливер, сэр!

– Поднять бом-брамсели! Живо! Шестеро молодцов на форстень-стаксели! Живо!

– Есть, сэр!

– Распусти грот-брамсель! Шкоты и брасы! Ну, ребята!

– Есть, сэр!

– Придерживаться к ветру – лево на борт! Навались! Будь наготове, чтобы встретить врага! Лево руля! Ну, молодцы! Разом! Так держать!

– Есть, сэр!

Плот вышел на середину реки; мальчики направили его нос вправо; а затем налегли на вёсла. Река была невысокой, так что течение здесь было не более двух-трёх миль. В течение следующих трёх четвертей часа не было произнесено почти ни слова. Теперь плот проплывал мимо далёкого города. Два или три мерцающих огонька показывали, где он лежал, мирно спя, за расплывчатыми просторами усыпанной звёздами воды, не подозревав о происходящем грандиозном событии. Чёрный Мститель стоял неподвижно со сложенными на груди руками, «в последний раз» глядя на сцену своих прежних радостей и поздних страданий и желая, чтобы «она» могла видеть его сейчас, за границей, в бушующем море, встречающего опасность и смерть с улыбкой на устах. Ему потребовалось лишь небольшое усилие воображения, чтобы убрать остров Джэксона за пределы видимости деревни, и поэтому он «посмотрел в последний раз» с разбитым и удовлетворённым сердцем. Другие пираты тоже смотрели в последний раз; и все они смотрели так долго, что чуть не позволили течению унести их за пределы досягаемости острова. Но они вовремя обнаружили опасность и предприняли меры, чтобы предотвратить её. Около двух часов ночи пристал к отмели в двухстах ярдах от острова, и они ходили взад и вперёд, пока не выгрузили свой груз. Часть пожитков маленького плота состояла из старого паруса, и они расстелили его в кустах в качестве палатки, чтобы укрыть свои припасы;

но сами они в хорошую погоду спали на открытом воздухе, как и положено разбойникам.

Они развели костёр, прислонишь к большому бревну в двадцати-тридцати шагах в мрачной глубине леса, а затем приготовили на ужин немного бекона на сковороде и израсходовали половину запаса кукурузных лепёшек, которые принесли с собой. Казалось славным развлечением пировать таким диким, свободным способом в девственном лесу, неисследованного и необитаемого острова, вдали от пристанищ людей, и они сказали, что никогда не вернуться к цивилизации. Восходящий огонь освещал их лица и бросал свои красноватые блики на колоннадные стволы деревьев их лесного храма, а также на листву и вьющиеся виноградные лозы.

Когда с последним хрустящим ломтиком бекона было покончено, а последняя порция кукурузной лепёшки съедена, мальчики растянулись на траве, преисполненные удовлетворения. Они могли бы найти место и попрохладнее, но не стали бы отказывать себе такого романтического удовольствия, как пылающий походный костёр.

– Ну, разве не славно? – воскликнул Джо.

– Чудесно! – ответил Том.

– Что бы сказали другие ребята, если бы увидели нас?

– Что бы сказали? Да им бы до смерти захотелось здесь быть, правда, Гек?

– Точно! – отвечал Гекльберри. – Мне здесь нравится. Ничего лучше я не желаю. Не каждый день случается набивать

себе досыта брюхо, и, кроме того, сюда уж никто не придёт и не даст тебе по шее ни за что ни про что. И не обругает тебя.

– Такая жизнь как раз по мне, – сказал Том. – Не надо вставать рано утром, не надо ходить в школу, не надо умываться и проделывать всю эту чушь. Видишь ли, Джо, куда пират на берегу, ему куда легче живётся, чем отшельнику: он обязан молиться, и у него нет никаких развлечений, он всегда один.

– Это верно, – сказал Джо. – Знаешь, я не думал об этом как следует. Теперь, когда я испытал жизнь пирата, она мне куда больше нравится.

– Видишь ли, – объяснил ему Том, – отшельников теперь уже не так почитают, как в старые времена, пират же всегда пользуется уважением. А ведь отшельнику приходится выбирать для сна самое жёсткое место, какое только он может найти, посыпать голову пеплом, становиться под дождь и...

– Для чего он посыпает голову пеплом? – спросил Гек.

– Я не знаю. Но они должны это делать. Отшельники всегда так делают. Тебе пришлось бы это сделать, если бы ты был им.

– Чёрт бы меня побрал, если бы я хотел, – сказал Гек.

– Ну, а что бы ты сделал?

– Я не знаю. Но я бы этого не сделал.

– Ну, Гек, тебе пришлось бы. Как тебе удалось бы обойти этого?

– Очень просто – я бы не выдержал этого. Я бы убежал.

– Убегай! Что ж, ты был бы милым старым сутулым отшельником. Ты был бы позором.

Кровавая Рука ничего не ответил, будучи более занятым. Он закончил выдалбливать чашечку и теперь прикреплял к ней стебель сорняка, набивал табаком, раскурил при помощи уголька и выпускал облако ароматного дыма – он был в полном расцвете роскошного довольства. Другие пираты завидовали этому величественному пороку и втайне решили вскоре им овладеть. Затем Гек сказал:

– А что же делают пираты?

Том ответил:

– О, у них просто полно дел – захватывают корабли и сжигают их, забирают деньги и прячут в ужасных местах на их острове, где есть призраки и всё такое, чтобы наблюдать за этим, и убивать всех на кораблях – заставляя их ходить по доске.

– А женщин они везут на остров, – сказал Джо. – Они не убивают их?

– Нет, – согласился Том, – они не убивают женщин – они слишком благородны. И женщины эти всегда красавицы.

– А разве они не носят самую роскошную одежду! Огого! Вся в золоте, серебре и бриллиантах, – сказал Джо, с энтузиазмом.

– Кто? – спросил Гек.

– Ну, пираты.

Гек с отчаянием оглядел свою одежду.

– По-моему, я одет не по-пиратски, – сказал он сожалеющим пафосом в голосе. – Но у меня нет ничего, кроме этого.

Но другие мальчики сказали ему, что красивая одежда придёт достаточно быстро после того, как они должны были начать свои приключения. Они дали ему понять, что для начала сгодятся его бедные лохмотья, хотя у богатых пиратов было принято начинать с надлежащего гардероба.

Постепенно их разговоры стихли, и сонливость начала подкрадываться к векам маленьких беспризорников. Трубка выпала из пальцев Кровавой Руки, и он уснул сном человека беззаботным сном. Ужас Морей и Чёрный Мститель испанских морей испытывали большие трудности со сном. Они произносили свои молитвы про себя лёжа, поскольку там не было никого, кто мог бы заставить их встать на колени и читать вслух; по правде говоря, у них было намерение вообще не произносить их, но они боялись заходить так далеко, чтобы не вызвать внезапного и особого удара грома с небес. Затем они же совсем стали засыпать – но пришёл незванный гость. Это была совесть. Они начали испытывать мутный страх, что поступили неправильно, убежав; и затем они подумали об украденном мясе, и тогда началась настоящая пытка. Они пытались опровергнуть это, напоминая совесть, что они десятки раз крали сладости и яблоки; но совесть не успокаивалась такими слабыми доводами; в конце концов, им казалось, что невозможно обойти упрямый факт, что красть сладости – это всего лишь проделка, в то время

как красть бекон, ветчину и другие ценные вещи было воровство – и в Библии была заповедь против этого. Поэтому они внутренне решили, что до тех пор, пока они остаются пиратами, их пиратство не должно быть снова запятнано преступлением воровства. Затем совесть даровала перемирие, и эти удивительно непоследовательные пираты мирно уснули.

Глава 14

Проснувшись под утро, Том сразу понял, где он находится. Он сел, протёр глаза и осмотрелся – лишь тогда он пришёл в себя. Был прохладный серенький рассвет, и глубокое безмолвие леса навевало отрадное чувство мира и тишины. Ни один листок не шевелился, ни один звук не нарушал раздумья великой Природы. Трава и зелень были унижены каплями росы. Белый слой пепла лежал на костре, и тонкий синий дымок поднимался прямо над ним. Джо и Гек ещё спали.

Далеко в глубине леса крикнула какая-то птица; другая ответила ей; где-то застучал дятел. Мало-помалу холодная серая предрассветная мгла побелела; звуки росли и множились – везде проявлялась жизнь. Чудное зрелище природы, стряхивающей с себя сон и принимающийся за дело, развёртывалось перед мальчиком. Маленькая зелёная гусеница проползла по мокрому от росы листу. Время от времени поднимала в воздух две трети своего тела, “обнюхивая” и продолжала “мерять” дальше, как выражался Том; когда гусени-

ца приблизилась к нему, он замер и стал неподвижен, как камень, и в его душе то поднималась надежда, то падала, в зависимости от того, направлялась ли гусеница прямо к нему или выказывала намерение двинуться по другому пути. Когда же, наконец, после минутного колебания, она решительно вползла на ногу Тома и продолжала путешествовать через неё, он обрадовался всем сердцем, так как это означало, что у него будет новая одежда, – о, конечно, раззолоченный, блестящий пиратский костюм! Затем появилась, бог весть откуда, вереница муравьёв и принялась за работу. Один стал отважно бороться с мёртвым пауком и, хотя тот был впятеро больше, поволок его верх по дереву. Бурая пятнистая божья коровка взобралась на головкружительную высоту травяного стебля, Том наклонился под него и сказал:

Божья коровка, лети-ка ты домой, -
В твоём доме пожар, твои детки одни.

Она тотчас расправила крылышки и полетела посмотреть, что нисколько не удивило мальчика: ему было издавна известно, что божьи коровки всегда легкомысленно верят, если им скажешь, что у них дома пожар; не раз уже дурачил, пользуясь их простотой. Затем, бодро толкая перед собой свой шар, появился навозный жук, и Том тронул его пальцем, чтобы поглядеть, как он прижмёт лапки к телу и притворится мёртвым. Птицы тем временем совсем расходились. Дрозд,

северный пересмешник, уселся на дереве над самой головой Тома и с большим удовольствием принялся передразнивать трели своих пернатых соседей. Потом крикливая сойка, точно голубой огонёк, скользнула вниз, уселась на ветке подле самого мальчика, нагнула голову набок и принялась с жадным любопытством рассматривать пришельцев. Быстро пробежали друг за другом серая белка и другой зверёк, покрупнее, лисьей породы. Присели, поворчали на мальчиков, так как животные здесь, вероятно, ещё не видали человека или вряд ли знали, нужно ли его бояться или нет. Теперь уже вся Природа проснулась и начала шевелиться. Длинные стелы солнечных лучей пронизали там и сям густую листву, кругом порхали мотыльки.

Том растолкал остальных пиратов; они помчались с криком к воде и спустя минуту-две, сбросив с себя всё, гонялись друг за другом и барахтались в мелкой прозрачной воде белой песчаной отмели. Их нисколько не тянула туда, в деревню, ещё спавшей вдаль, за величавой пустыней воды. Течение или прибывшая вода унесла их плот, но они даже обрадовались, что благодаря этому обстоятельству некоторым образом сожжены между ними и цивилизацией.

Они вернулись в лагерь удивительно свежие, счастливые и страшно голодные; вскоре костёр снова пылал. Гек нашёл неподалёку источник холодной воды, мальчики смастерили себе чашки из широких дубовых и ореховых листьев и решили, что вода, подслащённая чарами леса, весьма недурно

заменяет им кофе. Когда Джо принялся резать ветчину для завтрака, Том и Гек попросили его подождать минутку. Они побежали к реке, к одному местечку, обещающему неплохую добычу, и забросили удочки. И почти немедленно были вознаграждены. Джо не успел ещё потерять терпение, как они вернулись к костру, таща превосходного карпа, двух окуней, маленького сома – запас, которого хватило бы для целой семьи. Они пожарили рыбу с беконом и были поражены, потому что никогда ещё рыба не казалась им такой вкусной. Они не знали, что чем скорее речная рыба оказывается на огне после того, как её поймали, тем она лучше; и они мало задумывались о том, какую чудесную приправу составляют сон на свежем воздухе, физические упражнения, купание и сильный аппетит.

После завтрака они провалялись в тени, пока Гек курил, а потом отправились в лес на разведку.

Они весело шагали по гниющим брёвнам, сквозь густые кустарники, среди торжественных царей леса, свисающие со своих крон до земли с проникшими ветвями виноградных лоз. Время от времени они натыкались на уютные уголки, устланные травой и украшенные цветами.

Они нашли множество вещей, от которых можно было бы прийти в восторг, но не нашли ничего, чему можно было бы удивляться. Они обнаружили, что остров имеет около трёх миль в длину и четверть мили в ширину и что ближайший к нему берег отдалён от него лишь узким каналом шириной

едва ли в двести ярдов. Они купались примерно каждый час, так что было уже близко к середине дня, когда они вернулись в лагерь. Они были слишком голодны, чтобы остановиться порыбачить, но с аппетитом поели холодной ветчины, а затем бросились в тень, чтобы поговорить. Но разговор вскоре начал затягиваться, а потом и вовсе стих. Тишина, торжественность, царившие в лесу, и чувство одиночества начали сказываться на настроении мальчиков. Они погрузились в размышления. Какая-то неопределённая тоска охватила их. Вскоре это приобрело смутные очертания – это была зарождающаяся тоска по дому. Даже Финну, Кровавой Руке, снились его крылечки и пустые бочки. Но все они стыдились своей слабости, и ни у кого не хватило смелости высказать свою мысль.

Уже некоторое время мальчики смутно осознавали странный звук в расстоянии точно так же, как человек иногда относиться к тиканью часов, на которое он не обращает особого внимания. Но теперь этот таинственный звук стал более отчётливым и заставил признать себя. Мальчики вздрогнули, взглянули друг на друга, а затем каждый принял позу слушателя. Наступила долгая тишина, глубокая и нерушимая; затем откуда-то издалека донёсся низкий, угрюмый гул.

– Что это? – воскликнул Джо вполголоса.

– Не знаю! – сказал Том шёпотом.

– Это не гром, – сказал Гекльберри благоговейным тоном, – потому что гром...

– Слушайте! – сказал Том. – Слушай – не говори.

Они ждали некоторое время, показавшееся вечностью, а затем тот же приглушённый гул нарушил торжественную тишину.

– Давайте пойдём и посмотрим.

Они вскочили на ноги и поспешили к берегу в сторону деревни. Они раздвинули кусты и выглянули на реку. Маленький паровой паром находился примерно в миле ниже деревни, дрейфуя по течению. Его широкая палуба казалось переполненной людьми. Поблизости от парома было очень много лодок, которые гребли или плыли по течению, мальчишки не могли определить, что делали люди в них. Вскоре с борта парома вырвалась огромная струя белого дыма, и когда он расширился и ленивым облаком поднялся вверх, тот же самый глухой пульсирующий звук был снова обращенный к слушателям.

– Теперь я знаю, в чём дело! – воскликнул Том. – Кто-то утонул!

– Вот именно! – сказал Гек. – То же самое было прошлым летом, когда Билли Тёрнер утонул; они тоже стреляли из пушки над водой тогда, и это заставляет тело подняться. Да, и они берут буханки хлеба, кладут в них ртуть и пускают на плаву, и где лежит утопленник, там и остановятся.

– Да, я слышал об этом, – сказал Джо. – Интересно, что заставляет хлеб так действовать.

– О, дело не столько в хлебе, – сказал Том. – Я думаю, это в

основном то, что они наговаривают, прежде чем приступить.

– Но они ничего не говорят по этому поводу, – сказал Гек. – Я сам видел, – ничего не говорят.

– Ну, это забавно, – сказал Том. – Но, может быть, они говорят это сами себе. Конечно, они это делают. Любой может это понять.

Другие мальчики согласились, что в словах Тома было осмысление, потому что от невежественного куска хлеба, не обученного заклинанию, нельзя было ожидать, что он будет действовать очень разумно, когда ему поручат такое серьёзное дело.

– Её-богу, хотел бы я сейчас быть там, – сказал Джо.

– Я тоже, – сказал Гек. – Я бы многое отдал, чтобы узнать, кто утонул.

Мальчики всё ещё слушали и смотрели. Вскоре в голове промелькнула разоблачающая мысль у Тома, и он воскликнул:

– Ребята, я знаю, кто утонул – это мы!

В одно мгновение они почувствовали себя героями. Это был великий триумф; их не хватало; их оплакивали; сердца разбивались из-за них; проливались слёзы; всплывали обвиняющие воспоминания о недоброжелательности к этим бедным потерянными мальчишкам, и бесполезные сожаления и раскаяния; и, что лучше всего, об ушедших говорили вся деревня и предмет зависти всех мальчишек, что касалось этой ослепительной известности. Это было прекрасно. В конце

концов, быть пиратом того стоило.

С наступлением сумерек паром вернулся к своим обычным делам, а ялики исчезли. Пираты вернулись в лагерь. Они торжествовали от тщеславия по поводу своего нового величия и прославленных неприятностей, которые они создавали. Они наловили рыбы, приготовили ужин и съели его, а затем принялись гадать, что думает и говорит о них в деревне; и на выдуманные ими картины общественного бедствия были очень лестны с их точки зрения. Но когда ночные тени окутали их, они постепенно перестали разговаривать и сидели, уставившись в огонь, мысленно очевидно, бродили где-то в другом месте. Теперь возбуждение прошло, и Том и Джо не могли сдерживать мыслей о некоторых родных людях, которые не наслаждались этой прекрасной забавой так сильно, как они. Появились дурные предчувствия; они стали обеспокоенными и несчастными; один-два вздоха вырвались у них неожиданно. Мало-помалу Джо робко отважился проверить относительно того, как другие могли бы смотреть на возвращение к цивилизации – не прямо сейчас, но Том осыпал его насмешками! Гек, пока ещё, не скомпрометированный, присоединился к Тому, и колеблющийся быстро “объяснил” и был рад выпутаться из передраги с минимальными привкусами трусливости, как только мог. На данный момент мятеж был фактически подавлен.

Когда сгустилась тьма, Гек начал клевать носом и наконец захрапел; за ним и Джо. Том лежал, опершись на локоть,

и следил за товарищами, не шевелясь. Потом он тихонько встал на колени и начал при мерцающим свете костра шарить в траве. Он подобрал и осмотрел несколько полуцилиндрических кусков тонкой белой коры платана и наконец выбрал два, показавшихся ему подходящими. Затем, стоя на коленях, он нацарапал на каждом куске несколько строк своей “красной охрой”. Один из них он свернул и положил к себе в карман куртки, другой же засунул в шляпу Джо и отодвинул её на небольшое расстояние от владельца. Кроме того, он положил в шляпу несколько сокровищ, бесценных для каждого школьника, которые называются “взаправду хрустальные”. Затем он ушёл, пробираясь на цыпочках между кустами, пока не убедился, что его не могут услышать, а тогда уже пустился бежать к песчаной косе.

Глава 15

Через несколько минут Том уже шагал по отмели вброд, направляясь к Иллинойскому берегу. Он был на половине пути, когда вода достигла ему до пояса. Дальше нельзя было идти вброд, потому что мешало течение. И он смело пустился вплавь через оставшиеся сто ярдов. Он плыл против течения, забирая наискосок, но его сносило вниз гораздо быстрее, чем он ожидал. Как бы то ни было, он достиг наконец берега и отдался течению, пока не поравнялся с низким местом, где можно было выйти. Он вылез из воды, ощупал кар-

маны, чтобы убедиться, что кора не пропала, и пошёл дальше по прибрежному лесу. С его одежды струилась вода. Ещё не было десяти часов, когда он вышел из леса на открытое место – напротив самой деревни – и увидел, что у высокого берега, в тени деревьев, стоит паром. Всё было спокойно под мерцающими звёздами. Том неслышно спустился к берегу, напряжённо глядя по сторонам, соскользнул в воду, проплыл несколько шагов и пробрался ялик, который был привязан к корме парома. Он спрятался под скамейкой и стал ждать с замирающим сердцем.

Вскоре ударил надтреснутый колокол, и чей-то голос командовал: “Отчаливай!” Спустя минуту-две нос ялика уже поднялся за кормою парома – и путешествие началось. Том был счастлив своей удачи; он знал, что это последний паром в этот день. Прошло пятнадцать-двадцать томительно долгих минут. Паром остановился, и Том выскользнул из ялика и поплыл к берегу в темноте. Чтобы не натолкнуться на случайных прохожих, он проплыл лишь полсотни ярдов и вышел на берег ниже, чем ему нужно было.

Затем он побежал пустынными переулками и вскоре очутился перед забором тёти. Он перелез через забор, приблизился к “аду” и заглянул в окно гостиной, потому что там горел свет. Там сидели тётя Полли, Сид, Мэри и мать Джо Гарпера, собравшись вместе, разговаривали. Они стояли у кровати, которая находилась между ними и дверью. Том подошёл к двери и начал тихонько поднимать щеколду; затем

он осторожно надавил на дверь, и она приоткрылась; он продолжал осторожно толкать её, замирая всякий раз, когда она скрипела, пока, наконец, не нашёл, что можно пролезть в неё на коленях; тогда он просунул в щель голову и осторожно прополз.

– Отчего это пламя свечи так запрыгало? – сказала тётушка Полли. Том заторопился. – Видно, дверь отпёрли. Ну да, конечно. С некоторых пор тут творятся странные вещи. Поди-ка, запри дверь, Сид.

Том как раз вовремя нырнул под кровать. Некоторое время он лежал, чтобы отдышаться, а затем подполз туда, где почти мог дотронуться до ноги своей тётушки.

– Но, как я уже говорила, – сказала тётушка Полли, – он, так сказать, не был плохим, – только озорным. Просто ветренник, повеса, знаете ли. Он не был не более ответственен, чем жеребёнок. Он никогда не хотел никому зла, и он был самым добросердечным мальчиком на свете. – И она заплакала.

– Так было и с мои Джо – он всегда был полон проказами и способен на всякие пакости, но он был настолько бескорыстен и добр, насколько мог быть. Господи, прости меня грешную! Ведь я пошла и отхлестала его за то, что он взял эти сливки, ни разу не вспомнив, что я сама их выбросила, потому что они были кислыми, и я никогда больше не увижу его в этом мире, никогда, никогда, никогда, бедного обиженного мальчика! – И миссис Гарпер зарыдала так, как будто её сердце вот-вот разорвётся.

– Я надеюсь, что Тому лучше там, где он есть, – сказал Сид, – но если бы он был лучше в некоторых отношениях...

– Сид! – Том почувствовал на себе пристальный взгляд старой леди, хотя и не мог его видеть. – Ни слова против моего Тома, теперь, когда он ушел! Бог позаботится о нем – никогда не утруждайте себя, сэр! О, миссис Гарпер, я не знаю, как мне быть без него! Я не знаю, как мне быть без него! Он был таким утешением для меня, хотя больше всего измучил мое старое сердце.

– Господь дает, и Господь отнимает – да будет благословенно имя Господа! Но это так тяжело – о, это так тяжело! Только в прошлую субботу мой Джо взорвал петарду прямо у меня под носом, и я шлёпнула его. Тогда я и не подозревал, как скоро... О, если бы это повторилось снова, я бы обняла его и благословила за это.

– Да, да, да, я точно знаю, что вы чувствуете, миссис Гарпер, я точно знаю, что вы чувствуете. Не дальше, как вчера в полдень мой Том взял и напоил кошку обезболивающим, и я действительно думала, что кретин разрушит дом. И да простит меня Бог, я чуть не разбила голову Тома моим напёрстком, бедный мальчик, бедный мертвый мальчик. Но он избавился от всех своих проблем

сейчас. И последние слова, которые я когда—либо слышала от него, были упреком...

Но это воспоминание оказалось слишком тяжёлым для старой леди, и она совершенно сломалась. Том теперь и сам

шмыгал носом – и больше жалел себя, чем кого-либо другого. Он мог слышать, как Мэри плакала и время от времени замолвляла за него словечко. Он стал более высокого мнения о себе, чем когда-либо прежде. Тем не менее, он был достаточно тронут горем своей тётушки, что ему захотелось выскочить из-под кровати и несказанно обрадовать её – и театральное великолепие этого зрелища тоже сильно соблазняло его, но он сопротивлялся и лежал неподвижно.

Он продолжал слушать и по обрывкам разобрал, что сначала было высказано предположение, что мальчики утонули, когда купались; затем пропал маленький плот; затем некоторые мальчики сказали, что пропавшие мальчишки пообещали, что деревня скоро “что-то услышит”; мудрые головы “соединили это и то” и решили, что мальчишки уплыли на том плоту и скоро появятся в ближайшей деревне; но ближе к полудню плот был найден прижатым к берегу Миссури примерно в пяти-шести милях ниже деревни – и тогда надежда погибла; они, должно быть, утонули, иначе голод загнал бы их домой к ночи, если не раньше. Считалось, что поиски тел были бесплодными только потому, что утопление, должно быть, произошло на середине реки, поскольку мальчишки, будучи хорошими пловцами, в противном случае выбрались бы на берег. Это было в среду вечером. Если тела не дойдут до воскресенья, всякая надежда будет отброшена, и в то утро будет произнесена похоронная проповедь. Том вздрогнул.

Миссис Гарпер, всхлипывая, пожелала спокойной ночи и

повернулась, чтобы уйти. Затем, повинувшись обоюдному порыву, две осиротевшие женщины бросились в объятия друг друга и хорошенько, утешительно поплакали, а затем расстались. Тётя Полли была нежна гораздо больше, чем обычно, когда пожелала Сиду и Мэри спокойной ночи. Сид слегка шмыгнул носом, и Мэри ушла, рыдая от всего сердца.

Тётя Полли опустилась на колени и помолилась за Тома так трогательно, так умоляюще и с такой безмерной любовью в своих словах и в своём старом дрожащем голосе, что он снова залился слезами задолго до того, как она закончила.

Ему пришлось долго лежать неподвижно после того, как она легла спать, потому что продолжала время от времени издавать сокрушенные восклицания, беспокойно ворочаться. Но наконец она затихла, только слегка постанывая во сне. Теперь мальчик выскользнул из комнаты, медленно встал у кровати, заслонил рукой огонёк свечи и встал, глядя на неё. Он достал свой кусок коры и положил его рядом со свечой. Но кое-что пришло ему в голову, и он задержался, размышляя. Его лицо озарилось счастливой мыслью; он поспешно сунул кору в карман. Затем он наклонился и поцеловал увядшие губы, и сразу же незаметно вышел, закрыв за собой дверь на щеколду.

Он пробрался обратно к пристани парома, не нашёл там ни души и смело поднялся на борт, поскольку знал, что на ней нет жильцов, за исключением сторожа, который всегда ложился спать как истукан. Он отвязал лодку на корме,

скользнул в неё и вскоре осторожно грёб вверх по течению. Когда он проплыл милю выше деревни, он начал переправляться через реку и решительно принялся за это. Он аккуратно пристал, с другой стороны, потому что это была привычная для него работа. Он был вынужден захватить ялик, утверждая, что он может считаться кораблём и, следовательно, законной добычей пирата, но он знал, что его будут тщательно искать, и это может закончиться разоблачениями. Поэтому он сошёл на берег и вошёл в лес.

Он сел и долго отдыхал, мучая себя тем, чтобы не заснуть, а затем осторожно двинулся вниз по финишной прямой. Ночь уже подходила к концу. Уже совсем рассвело, когда он поравнялся с островом. Он снова отдыхал, пока солнце не взошло высоко и не озарило великую реку своим великолепием, а затем он погрузился в воду. Немного позже он остановился, мокрый, на пороге лагеря и услышал, как Джо сказал:

– Нет, Том, честный малый, Гек, и он вернётся назад. Он не сбежит. Верно тебе говорю. Он не удерёт. Он знает, что это неблагородно со стороны пирата. Том слишком горд для этого. Он затевает какую-то новую штуку. Но какую, хотел бы я знать!

– Но вещи-то всё-таки наши, разве нет?

– Наши, Гек, но не совсем. В письме сказано, чтобы мы взяли их, если он не вернётся к завтраку.

– Вот он я! – проговорил Том с драматическим эффектом,

величественно стоя перед ними.

Скоро они устроили обильный завтрак из ветчины и рыбы и принялись его уничтожать, а тем временем Том рассказал (не без прикрас) свои похождения. Они были самой спесивой и хвастливой компанией героев к концу рассказа. Том прилёг в тени, чтобы выспаться к полудню, а прочие пираты отправились удить рыбу и исследовать остров.

Глава 16

После ужина вся компания отправилась на охоту за черепашьими яйцами. Они ходили, тыкая палками в песок, и когда находили мягкое место, опускались на колени и копали руками. Иногда они вынимали пятьдесят-шестьдесят яиц из одной норы. Это были идеально круглые белые, чуть меньше английского грецкого ореха. В тот вечер у них был знаменательный пир с яичницей, а в пятницу утром – ещё один.

После завтрака они с визгом выскочили на отмель и гонялись друг за другом круг за кругом, сбрасывая на ходу одежду, пока не остались голыми, а потом продолжили резвиться далеко-далеко, к мелководью. Сильное течение время от времени сбивало их с ног, но значительно увеличивало веселье. И иногда они нагибались группой и плескали воду в друг друга в лицо, постепенно приближаясь, отворачивая лица, чтобы избежать брызг, и, наконец, хватались и боролись, причём все трое переплетались в клубке белых ног и рук и

барахтаясь, брызгались, смеялись и задыхались в одно и то же время.

Когда они были полностью измотаны, они выбегали и растягивались на сухом, горячем песке, и лежали, прикрывались им, и мало-помалу снова сбегали к воде и ещё раз повторяли первоначальное представление. Наконец им пришлось в голову, что их обнажённая кожа очень похожа на трико телесного цвета; поэтому они нарисовали на песке кольцо и устроили цирк – с тремя клоунами в нём, потому что никто не уступил бы этот самый гордый пост своему другу.

Затем они взяли свои шарики и играли в различные игры, пока это веселье не надоело. Затем Джо и Гек ещё раз искупались, но Том не рискнул, потому что обнаружил, что, снимая штаны, он сбросил с лодыжки связку гремучих змей, и он удивился, как ему удавалось так долго без защиты таинственного талисмана. Он не отваживался снова, пока не нашёл его, а к этому времени другие мальчишки устали и хотели отдохнуть. Они постепенно разошлись и принялись с тоской смотреть через широкую реку туда, где дремала на солнце деревня.

Том обнаружил, что пишет “БЭККИ” на песке большим пальцем ноги; он нацарапал это и разозлился на себя за свою слабость. Но, тем не менее, он написал это снова; он ничего не мог с этим поделать. Он стёр ещё раз, а затем избавил себя от искушения, собрав других мальчиков вместе и присоединившись к ним.

Но настроение Джо упало почти до такой степени, что его невозможно было воскресить. Он так тосковал по дому, что едва мог выносить все эти страдания. Слезы почти явно выступали у него на глазах. Гек тоже был меланхоличен. Том был подавлен, но изо всех сил старался этого не показывать. У него был секрет о котором он пока не был готов рассказывать, но если эта депрессия не будет преодолена в ближайшее время, ему придётся рассказать. Сказал он с большей демонстрацией жизнерадостности:

– Держу пари, что на этом острове раньше были пираты, ребята. Мы снова его исследуем. Где-то здесь они спрятали сокровища. Как бы вы себя чувствовали, наткнувшись на прогнивший сундук, полный золота и серебра – эй?

Но это вызвало лишь слабый энтузиазм, который угас без ответа. Том попробовал ещё одно-два обольщения, но и они потерпели неудачу. Это была обескураживающая работа. Джо сидел, ковыряя палкой песок, и выглядел очень мрачным. Наконец он сказал:

– О, ребята, давайте откажемся от этого. Я хочу вернуться домой. Тут так одиноко.

– О нет, Джо, со временем ты почувствуешь себя лучше, – сказал Том. – Просто подумай о рыбалке, которая здесь есть.

– Я не люблю рыбалку. Я хочу вернуться домой.

– Но, Джо, другого такого места для купания нигде нет.

– А на что мне твоё купание? Мне, кажется, почему-то всё равно, когда никто не запрещает купаться. Я собираюсь

вернуться домой.

– О, чёрт возьми! Малюточка! Я полагаю, ты хочешь увидеть свою мамашу.

– Да, я действительно хочу увидеть свою маму – и ты бы тоже хотел, если бы она у тебя была. Я такой же ребёнок, как и ты. – И Джо слегка шмыгнул носом.

– Ну, отпустим плаксу домой к его мамочке, не так ли, Гек? Бедняжка по мамочке соскучился. Пусть идёт! Тебе ведь здесь нравится, Гек, не так ли? Мы остаёмся, не так ли?

Гек сказал: “Да-с” – без всякого воодушевления.

– Я никогда больше не заговорю с тобой, пока я жив, – сказал Джо, вставая. – Так и знай! И он угрюмо отошел и начал одеваться.

– Мне без разницы! – сказал Том. – Никто этого от тебя этого не просит. Возвращайся домой и над тобой будут смеяться. О, ты славный пират. Мы с Геком не плаксы. Мы остаемся, не так ли, Гек? Пусть идёт, если он этого хочет. Я думаю, мы можем обойтись и без него, возможно.

Но Тому, тем не менее, было не по себе, и он встревожился, увидев, что Джо угрюмо продолжает одеваться. И потом, было неприятно видеть, как Гек так пристально следит за приготовлениями Джо задумчиво и сохраняя такое злое молчание. Вскоре, не сказав ни слова на прощание, Джо начал пробираться к берегу Иллинойса. Сердце Тома начало падать. Он взглянул на

Гека. Гек не мог вынести этого взгляда и опустил глаза.

Затем он сказал:

– Я тоже хочу пойти, Том. Тут и без того было жутко, а теперь будет еще хуже. Давай мы тоже пойдем, Том.

– Я не буду! Вы все можете идти, если хотите. Я намерен остаться.

– Том, я лучше пойду.

– Ну, и ступай – кто тебе мешает.

Гек начал собирать свою разбросанную одежду. Он сказал:

– Том, я бы хотел, чтобы ты тоже пришел. Теперь ты подумай об этом хорошенько. Мы будем ждать тебя на берегу.

– Не ждите, вот и все.

Гек печально зашагал прочь, а Том стоял и смотрел ему, чтобы он уступил своей гордости и тоже пошёл с нами. Он надеялся, что мальчишки остановятся,

но они все еще медленно брели дальше. Внезапно Тома осенило, что стало очень одиноко и тихо. Он предпринял последнюю борьбу со своей гордостью, а затем бросился за своими товарищами, крича:

– Подождите! Подождите! Я хочу вам кое-что сказать!

Вскоре они остановились и обернулись. Когда он добрался до того места, где они были, он начал раскрывать свой секрет, и они угрюмо слушали, пока, наконец, не поняли “штуку”, к которой он клонил, и тогда они разразились бурными аплодисментами и сказали, что это было “великолепно!” и сказали, что, если бы он сказал им сначала, они и не поду-

мали бы уходить. Он придумал правдоподобное оправдание; но его настоящей причиной был страх, что даже секрет не удержит их с ним надолго, и поэтому он намеревался прибегнуть к ним в качестве последнего соблазна.

Ребята весело вернулись и снова с энтузиазмом принялись за свои игры, всё время болтая о грандиозном плане Тома и восхищаясь его гениальностью. После изысканного ужина из яиц и рыбы Том сказал, что хочет научиться курить прямо сейчас. Джо ухватился за эту идею и сказал, что тоже хотел бы попробовать. Итак, Гек сделал и набил им трубки. Эти новички никогда

раньше не курили ничего, кроме сигар из виноградной лозы, и они “прикусили” язык, да и вообще не считались мужественными.

Теперь они приподнялись на локтях и начали пыхтеть, осторожно и с

слабой уверенностью. У дыма был неприятный вкус, и они немного поперхнулись, но Том сказал:

– Да, это так же просто! Если бы я знал это раньше, я бы давным-давно научился.

– Я бы тоже, – сказал Джо. – Это просто пустяк.

– Почему, много раз я смотрел на курящих людей и думал, что хорошо было, если бы я мог это делать; но я никогда не думал, что смогу, – сказал Том.

– Я тоже, не так ли, Гек? Ты слышал, как я говорил так же, не так ли, Гек? Я оставляю это на усмотрение Гека.

– Да, много раз, – сказал Гек.

– Ну, я тоже, – сказал Том, – о, сотни раз. Однажды внизу, у бойни. Разве ты не помнишь, Гек? Боб Таннер был там, и Джонни Миллер, и Джефф Тэтчер,

когда я это сказал. Разве ты не помнишь, Гек, как я это говорил?”

– Да, помню, – сказал Гек. – Это было на следующий день после того, как я потерял белый шарик. Нет, это было накануне.

– Ну вот, я же тебе говорил, – сказал Том. – Гек помнит это.

– Мне кажется, я мог бы курить эту трубку весь день, – сказал Джо. – Меня ни сколько ни тошнит.

– Меня тоже, – сказал Том. – Я мог бы курить весь день. Но держу пари, что Джефф Тэтчер не смог бы.

– Джефф Тэтчер! Да ведь он бы рухнул всего с двух затяжек. Просто позволь ему попробовать это один раз. Увидит, что это такое!

– Держу пари, он бы так и сделал. И Джонни Миллер – хотел бы я хоть раз увидеть, как Джонни Миллер справится с этим.

– О, не надо! – сказал Джо. – Ну, я держу пари, что Джонни Миллер не смог бы сделать ничего. Он и одной затяжки не выдержит.

– Да, это верно, Джо. Я бы хотел, чтобы мальчишки могли видеть нас сейчас.

– Я тоже.

– Послушайте, ребята, ничего не говорите об этом, и как-нибудь, когда они будут рядом, я подойду к вам и скажу: “Джо, у тебя есть трубка? Я хочу покурить”. И ты скажешь, как-то небрежно, как будто это ничего не значит: “Да, у меня есть моя старая трубка и еще одна, но мой табак не очень хорош.” И я скажу: “О, все в порядке, был бы крепок.” А потом ты выйдешь с трубками, и мы закурим как ни в чём не бывало, а потом просто посмотрим, как они выглядят!

– Ей-богу, это будет весело, Том! Я бы хотел, чтобы это было сейчас!

– Мне бы тоже хотелось! И когда мы скажем им, что научились, когда занимались пиратством, разве они не позабывают, что они не были с нами?

– О, ещё бы! Я просто держу пари, что они так и сделают!

Разговор продолжался, но понемногу начинал становиться вялым и отрывистым. Паузы становились длиннее; отплеывание изумительно усилилось. Все поры во рту у мальчишек превратились в фонтаны: они едва успевали выплёвывать жидкость у себя под языком, чтобы предотвратить наводнение. Оба сильно побледнели, и вид у них был очень жалкий. Трубка Джо выскользнула из его ослабевших пальцев, у Тома тоже. Оба фонтана действовали неистово, и оба насоса откачивали всюю. Наконец Джо выговорил расслабленным голосом:

– Я потерял свой нож. Я думаю, мне лучше пойти и найти.

Том сказал дрожащими губами и запинаясь:

– Я помогу тебе. Ты иди в ту сторону, а я пойду в обход.

Нет, тебе не нужно идти, Гек – мы сами найдем.

Так что он снова сел и подождал час. Потом ему стало одиноко, и он пошел

искать своих товарищей. Они были далеко друг от друга в лесу, оба очень бледные, оба крепко спали. Но что-то подсказало ему, что если им было дурно, то им уже лучше.

В тот вечер за ужином они были неразговорчивы. У них был смиренный вид, и когда Гек набил себе трубку после еды и собирался набить им, они сказали, что нет, они не очень хорошо себя чувствуют – они съели что-то за ужином, что им повредило.

Около полуночи Джо проснулся и позвал мальчиков. В воздухе витала гнетущая задумчивость, которая, казалось, что-то предвещала. Мальчики сбились в кучу и подсели ближе у огня, хотя тусклый мертвенный жар удушливой атмосферы был невыносим. Они сидели неподвижно, сосредоточенные и ждущие. Торжественная тишина продолжалась. За пределами света костра все было поглощено чернотой мрака. Вскоре появилось дрожащее свечение, которое на мгновение смутно осветило листву, а затем исчезло. Мало-помалу появился другой блеск, немного более сильный. Потом еще один. Затем сквозь ветви леса донесся слабый стон, и мальчики почувствовали мимолетное дыхание на своих щеках и вздрогнули, представив, что Дух Ночи прошел мимо. После-

довала пауза. Теперь ослепительный свет превратил ночь в день и показал каждую маленькую травинку, отдельную и отчетливую, которая росла у их ног. И на нем

тоже были изображены три белых, испуганных лица. Страшный раскат грома прокатился по небесам и затерялся в угрюмом рокоте вдалеке. Струя холодного воздуха зашевелила все листья, подхватила золу костра и разметала ее снежными хлопьями. Еще один яростный отблеск осветил лес, и последовал мгновенный грохот, который, казалось, расколол верхушки деревьев прямо над головами мальчиков. Они в ужасе прижались друг к другу в последовавшем за

этим густом мраке. Несколько крупных капель дождя упали, застучав по листьям.

– Быстро! Ребята, идите к палатке! – воскликнул Том.

Они бросились прочь, спотыкаясь о корни и лиан в темноте, и ни один из них не бросился в одном направлении. Яростный взрыв прогремел среди деревьев, заставляя их гнуться со свистом. Последовала одна ослепительная вспышка за другой, и раскат за раскатом оглушительного грома. А теперь полил проливной дождь, и поднимающийся ураган гнал его по земле целыми полосами. Мальчики что-то кричали друг другу, но рев ветра и раскаты грома совершенно заглушали их голоса. Однако они сбились, наконец, и укрылись в палатке, замерзшие, испуганные, с которых текла вода; но иметь компанию в беде казалось чем-то таким, за что можно быть благодарным.

Они не могли разговаривать, даже если бы буря не заглушала их голосов, – так яростно над ними хлопал старый парус. Буря поднималась все выше и выше, и вскоре парус оторвался от креплений и понесся прочь от порыва ветра. Мальчики схватили друг друга за руки и побежали, со многими падениями и синяками, под прикрытие большого дуба, стоявшего на берегу реки. Теперь битва была в самом разгаре. Под непрекращающимся пожаром из-за молний, вспыхивавших в небесах, все внизу выделялось с четкостью, лишенной теней: склоняющиеся деревья, вздымающаяся река, белая от пены, летящие брызги хлопьев пены, смутные очертания высоких утесов на другом берегу,

проглядывающие сквозь плывущие облака и косую завесу дождя. Время от времени какое-нибудь гигантское дерево уступало в борьбе и падало, с треском пробиваясь сквозь молодую поросль; и неослабевающие раскаты грома раздавались теперь оглушительными взрывными раскатами, острыми и,

и невыразимо ужасающими. Шторм достиг кульминации в одном несравненном усилии, которое, казалось, могло разорвать остров на куски, сжечь его, утопить до верхушек деревьев, сдуть его и оглушить все живое на нем, и все это в один и тот же момент. Это была дикая ночь для бесприютных молодых голов.

Но, наконец, битва была закончена, и войска отступили со все более слабыми

угрозами и ворчанием, и мир снова воцарился. Мальчики вернулись в лагерь, испытывая благоговейный трепет; но они обнаружили, что все еще есть за что быть благодарными, потому что большой платан, место, где они спали, теперь превратился в руины, разрушенные молниями, и они не были под ним, когда произошла катастрофа.

Все в лагере промокло насквозь, и костер тоже; потому что они были всего лишь беспечными мальчишками, как и их поколение, и не позаботились о защите от дождя. Здесь был вопрос для смятения, потому что они промокли насквозь и замерзли. Они были красноречивы в своем горе; но вскоре они обнаружили, что огонь так глубоко проник под большое бревно, на котором оно было сложено (там, где оно изгибалось вверх и отделялось от земли), что

около половины его не намокло; поэтому они терпеливо работали, пока с

нижних сторон не были собраны клочья и кора. Из укрытых бревен они зажгли огонь снова. Затем они навалили больших сухих сучьев, пока у них не получилась ревущая печь, и снова были радостны всем сердцем. Они высушили вареную ветчину и устроили пир, а после этого сидели у костра и до утра рассказывали о своем полуночном приключении, потому что нигде вокруг не было сухого места, на котором можно было бы поспать.

Когда солнце начало подкрадываться к мальчикам, их охватила сонливость, и они вышли на песчаную отмель и

улеглись спать. Мало-помалу они хмуро и уныло принялись за приготовление завтрака. После еды они почувствовали себя усталыми, изломанными и снова немного затосковали по дому. Том увидел знаки и принялся подбадривать пиратов, как только мог. Но их не интересовали ни шарик, ни цирк, ни плавание, ни что-либо еще. Он напомнил им о внушительном секрете и вызвал всеобщее ликование. Покуда это веселье не успело рассеяться, Том поспешил заинтересовать их новой выдумкой. Это было сделано для того, чтобы на некоторое время перестать быть пиратами и стать индейцы для разнообразия. Их привлекла эта идея; поэтому прошло совсем немного времени, прежде чем их раздели и перепачкали с головы до пят черной грязью, стали полосатыми, как зебры. Все они, конечно, были вождями, – а затем они бросились через лес, чтобы напасть на английское поселение.

Мало-помалу они разделились на три враждебных племени и набросились друг на друга из засады со страшными боевыми кличами, убивали и скальпировали друг друга тысячами. Это был ужасный день. Следовательно, это было чрезвычайно удовлетворительное решение.

Они собрались в лагере ближе к ужину, голодные и счастливые; но теперь возникла трудность – враждебно настроенные индейцы не могли вместе преломить хлеб гостеприимства, не заключив предварительно мира, а это было просто невозможно без выкуривания трубки мира. Где же это слышано, чтобы мир заключался без трубки? Двое индейцев да-

же чуть-чуть пожалели, что не остались на всю жизнь пиратами. Однако другого выхода не было; поэтому с такой демонстративной бодростью, на какую они были способны, они попросили трубку и затаились по очереди, как полагается.

И вот, они были рады, что стали индейцами, ибо они кое-что приобрели;

они обнаружили, что теперь могут немного покурить без необходимости идти на поиски потерянного ножа; они не заболели настолько, чтобы испытывать серьёзный дискомфорт. Вряд ли им удалось бы обмануть это высокое обещание из-за отсутствия усилий. Нет, они практиковались осторожно, после

ужин удался на славу, и так они провели ликующий вечер. Они были более горды и счастливы своим новым приобретением, чем были бы, снимая скальпы с шести индийских племён. Мы оставим их курить, болтать и хвастаться, поскольку в настоящее время они нам больше не нужны.

Глава 17

Но в тот тихий субботний день в маленькой деревне не было веселья. Так как

Гарперы и семья тети Полли были погружены в траур, с большим горем и

на долгие годы. В деревне царила необычная тишина, хотя, по совести, говоря, обычно здесь было достаточно тихо.

Жители деревни занимались своими делами с отсутствующим видом и мало разговаривали, но часто подписывали. Субботние каникулы казались детям в тягость. У них не клеились игры, и они постепенно отказались от них.

Во второй половине дня Бэки Тэтчер обнаружила, что хандрит, бродя по опустевшему школьному зданию двора, и чувствую себя очень меланхолично. Но она не нашла там ничего, что могло бы ее утешить. Она произнесла монолог:

– О, если бы у меня только снова был медная шишечка! Но теперь у меня нет ничего, что напоминало бы о нем. – И она подавила легкое рыдание.

Вскоре она остановилась и сказала себе:

– Это было именно здесь. О, если бы это повторилось снова, я бы так не сказала, я бы не сказал этого ни за что на свете. Но теперь он ушел; я никогда, никогда, никогда больше его не увижу.

Эта мысль сломила ее, и она побрела прочь, а по ее щекам катились слезы. Затем мимо прошла целая группа мальчиков и девочек – товарищей Тома и Джо по играм – и остановились, глядя через забор и благоговейно рассказывая о том, как Том сделал то-то и то-то, когда они видели его в последний раз, и как Джо сказал то-то и то-то по мелочи (по-видимому неважных, но, как теперь оказывалось, заключавших в себе зловещее предзнаменование) – и каждый выступающий указал точное место, где в то время стояли потерянные мальчишки, а затем добавили что-то вроде “и я стоял вот так

– вот как сейчас, и как будто ты был им – я был так близко – и он улыбнулся, вот так – на меня вдруг точно что-то нашло, это охватило меня со всех сторон, как ужасно, и я, конечно, никогда не думал, что это значит, но теперь я вижу!”

Затем возник спор о том, кто видел мертвых мальчиков последним при жизни, и многие утверждали, многие приписывали эту честь себе и приводили доказательства, более или менее искаженные свидетелями; и когда в конечном счете было решено, кто видел усопших последним и обменялся с ними последними словами, счастливы приняли на себя своего рода священную важность, и все остальные разинули рты и позавидовали им. Один бедняга, не найдя ничего лучше, сказал с довольно явной гордостью при воспоминании об этом:

– Ну, Том Сойер, он однажды меня поколотил.

Но эта попытка добиться славы потерпела неудачу. Большинство мальчиков могли бы так сказать, и это слишком сильно удешевляло различие. Группа отошла в сторону, все еще с благоговением вспоминая погибших героев.

На следующее утро, когда занятия в воскресной школе закончились,

вместо обычного звонка зазвонил колокол. Это было очень тихое воскресенье, и скорбный звук, казалось, соответствовал задумчивой тишине, царившей в природе. Жители деревни начали собираться, задержавшись на мгновение в вестибюле, чтобы шепотом поговорить о печальном собы-

тии. Но в доме не было слышно шепота; только траурный шелест платьев, когда женщины собирались на свои места, нарушал тишину. Никто не мог вспомнить, когда

маленькая церковь была так полна раньше. Наконец наступила пауза ожидания, выжидательное оцепенение, а затем вошла тетя Полли, за ней Сид и Мэри, а за ними семья Гарпер, все в глубоком черном, и вся конгрегация, включая старого священника, почтительно поднялась и стояла, пока скорбящие не сели на переднюю скамью. Там было еще одно общее молчание, время от времени прерываемое приглушенными рыданиями, а затем священник простер руки и помолился. Был спет трогательный гимн, за которым последовал текст: “Аз

есмы Воскресение и Жизнь”.

По ходу службы священник рисовал такие картины грации, победных путей и редкого обещания потерянных мальчишек, что каждая присутствующая душа, думая, что узнала эти картины, почувствовала острую боль, вспомнив, что он всегда упорно закрывал на них глаза и так же упорно видел только недостатки и недостатки у бедных мальчиков. Священник также рассказал много трогательных случаев из жизни усопших, которые иллюстрировали их милую, великодушную натуру, и теперь люди могли легко увидеть, какие благородными и прекрасными были эти эпизоды, и вспоминали со скорбью, что, покуда эти дети были живы, те же самые поступки казались такими озорными проделками, за ко-

которые надо было выпороть хорошим ремнем. Речь священника становилась все трогательнее, публика все больше умилялась, и наконец все единодушно присоединились к рыданиям родственников, и сам священник, не сдержав своих чувств, прослезился на кафедре.

В галерее послышался шорох, которого никто не заметил; мгновение спустя скрипнула церковная дверь; священник поднял слезящиеся глаза над носовым платком и встал зачарованный! Сначала одна, а затем и другая пара глаз проследили за взглядом священника, а затем почти в едином порыве прихожане поднялись и уставились, как трое мертвых мальчиков маршировали по проходу, Том впереди, Джо следом, а Гек, груда обвисших лохмотьев, робко крался сзади! Они прятались в неиспользуемой галерее, слушая свою собственную похоронную проповедь!

Тетя Полли, Мэри и Гарперы бросились к своим восстановленным детям, осыпали их поцелуями и изливали слова благодарности, в то время как бедный Гек стоял смущенный и неловкий, не зная точно, что делать или куда спрятаться от стольких неприветливых глаз. Он заколебался и начал ускользать, но Том схватил его и сказал:

– Тетушка Полли, это нечестно. Кто-то же должен быть рад видеть Гека.

– Так и есть. Я рад видеть его, бедняжку, оставшегося без матери! – И любящее внимание щедрости тети Полли по отношению к нему была единственной вещью, способной сде-

лать его более неудобнее, чем ему было раньше.

Внезапно священник закричал во весь голос: “Хвалите Бога, от которого исходят все благословения -пойте! – и вложите в это свои сердца!”

И они это сделали. Весело звучал старинный благодарственный гимн, потрясая стропила церкви, – и Том Сойер, морской пират, оглядываясь на завидовавших ему сверстников, сознавал в душе, что это лучшая минута его жизни.

Когда прихожане толпой вышли, они сказали, что были бы почти готовы снова выставиться на посмешище, чтобы еще раз услышать, как поют благодарственный гимн.

В тот день Том получил больше тумаков и поцелуев – в зависимости от переменчивого настроения тети Полли, – чем за весь предыдущий год; и он едва ли знал, в чём сильнее выражалась благодарность Богу – в поцелуях или тумаках.

Глава 18

Это был великий секрет Тома – план вернуться домой со своими братьями-пиратами и присутствовать на их собственных похоронах. Они переправились на берег Миссури на бревне в сумерках в субботу, приземлившись в пяти-шести милях ниже деревни; они проспали в лесу на окраине города почти до рассвета, а потом пробрались по задворкам и переулкам и закончили свой сон в галерее церкви среди хаоса скамеек для инвалидов.

За завтраком в понедельник утром тетя Полли и Мэри были очень ласковы с Томом и очень внимательный к его желаниям. Было необычно много разговоров. В ходе этого тётя Полли сказала:

– Я не говорю, что это была плохая шутка, Том, заставляя всех страдать больше недели, чтобы вы, мальчики, хорошо провели время, но жаль, что вы могли быть настолько жестокосердны, чтобы позволить мне так страдать. Если бы ты мог приехать на бревне на свои похороны, ты мог бы подойти и как-нибудь намекнуть мне, что ты не умер, а всего лишь сбежал.

– Да, ты мог бы это сделать, Том, – сказала Мэри. – И я верю, что ты бы сделал, если бы подумал об этом.

– Правда, Том? – сказала тетя Полли, и ее лицо осветилось тоской. – Скажи, а теперь, ты бы прислал весточку, если бы подумал об этом?

– Я... ну, я не знаю. Это могло бы все испортить.

– Том, я надеялась, что ты так сильно меня любишь, – сказала тетя Полли печальным тоном, который смутил мальчика. – Мне бы дорого было, если бы ты хоть подумал об этом, не говорю уже – сделал...

– Ну, тетушка, в этом нет ничего плохого, – взмолилась Мэри. – Это просто легкомысленная манера Тома – он всегда так спешит, что никогда не думает о чем угодно.

– Тем хуже! Сид бы подумал. И Сид тоже пришел бы и сказал, что жив. Том, однажды, когда будет слишком поздно,

ты оглянешься назад и пожалеешь, что не заботился обо мне, когда это стоило бы тебе так мало.

– Теперь, тетушка, ты знаешь, что я действительно забочусь о тебе, – сказал Том.

– Я бы знала это лучше, если бы ты вела себя более подобным образом.

– Теперь я жалею, что не подумал, – сказал Том с раскаянием в голосе. – Но ты все равно мне снилась. Это уже что-то, не так ли?

– Положим, это не много, – ведь и кошка иногда видит сны, – но все-таки это лучше, чем ничего. Что же тебе снилось?

– Ну, в среду вечером мне приснилось, что ты сидишь вон там, у кровати, а Сид сидит у ящика с дровами, а Мэри рядом с ним.

– Ну, так и было. Так мы всегда делаем. Я рада, что ты хоть чуточку, хоть во сне вспомнил о нас.

– И мне приснилось, что мать Джо Гарпера была здесь.

– Да ведь она была здесь! Тебе еще что-нибудь снилось?

– О, много. Но сейчас все так тускло.

– Ну, попытайся вспомнить – не можешь?

– Почему не могу – мне кажется, что ветер... ветер подул...

– Старайся усерднее, Том! Ветер действительно что-то унес. Давай же!

Том с минуту тревожно прижимал пальцы ко лбу, а затем

сказал:

– Вспомнил! Вспомнил! Ветер задул свечу.

– Помилуй нас! Продолжай, Том, продолжай!

– И мне кажется, что вы сказали: “Ну, я полагаю, что эта дверь...”

– Продолжай, Том!

– Просто дайте мне подумать минутку – только минутку.

О, да – вы сказали, что, по вашему мнению, дверь была открыта.

– Да ведь я именно так и сказала... Помнишь, Мэри? Ну, что же дальше?

– А потом... а потом... ну, я не буду уверен, но похоже, что ты заставил Сида пойти и... и...

– Ну? Что я заставил его сделать, Том? Что я заставила его сделать?

– Ты заставил его... ты... О, ты заставил его заткнуться.

– Боже мой! Никогда не слышала ничего подобного! Вот и не верь после этого снам! Сейчас же побегу рассказать обо всем Сирина Гарпер. Посмотрим, будет ли она после этого болтать всякий вздор о нелепости суеверий. Рассказывай же, Том, что было дальше!

– О, теперь все становится таким же ясным, как день. Затем ты сказала, что я не так уж плох, только озорник и сорвиголова и что с меня взыскивать все равно, что... как это ты сказала? – с жеребенка, что ли...

– И так оно и было! Ну, боже милостивый! Продолжай,

Том!

– А потом ты начал плакать.

– Так я и сделала. Так я и сделала. И не в первый раз. А потом...

– Потом миссис Гарпер расплакалась и сказала, что Джо такой же, и она

пожалела, что выпорола его за то, что он взял сливки, когда она сама их выплеснула...

– Том, дух божий снизошел на тебя! Это был вещий, пророческий сон! Господи боже мой! Рассказывай дальше!

– Тогда Сид, он сказал... он сказал...

– Я не думаю, что я что-то сказал, – вставил Сид.

– Да, ты это сделал, Сид, – сказала Мэри.

– Замолчите и дайте Тому продолжать! Что он сказал,

Том?

– Он сказал... я думаю, он сказал, что надеется, что мне было лучше там, куда я ушел, но если бы я иногда был лучше...

– Вот, ты слышишь это! Это были его слова!

– И ты резко заткнула его.

– Еще бы! Конечно, велела. Нет, здесь, несомненно, был ангел. Где-нибудь здесь был ангел!

– И миссис Гарпер рассказала о том, как Джо напугал ее пистолетом, а ты рассказала о Питере и обезболивающем...

– Так же верно, как то, что я живу!

– А потом было много разговоров о том, чтобы обыскать

всю реку, и о том, что похороны в воскресенье, а потом вы со старой мисс Гарпер обнялись и заплакали, и она ушла.

– Это случилось именно так! Это произошло именно так, так же точно, как то, что я сижу на этом месте! Том, ты не смог бы рассказать об этом лучше, если бы сам это видел! И что потом? Продолжай, Том!

– Потом, ты помолился за меня – и я мог видеть тебя и слышать каждое твое слово. И ты пошла спать, и мне было так жаль, что я взял и написал на куске

коры платана: "Мы не мертвы – мы всего лишь пираты", и положил это на стол у свечи; и лицо у тебя во сне было такое доброе-доброе, что я подошел, нагнулся и поцеловал вас прямо в губы.

– Неужели ты, Том, неужели ты! Я просто прощаю тебе все за это! – И она заключила мальчика в сокрушительные объятия, которые заставили его почувствовать себя самым виноватым из злодеев.

– Это было очень прекрасно, даже несмотря на то, что это был всего лишь сон, – произнес Сид вслух.

– Замолчи, Сид! Тело во сне делает точно то же самое, что оно делало бы, если бы бодрствовало. Вот тебе самое большое яблоко, которое я приберегла для тебя, Том, если тебя когда-нибудь снова найдут – а теперь отправляйся в школу. Я благодарна Богу и Отцу всех нас, что вернул тебя, это долготерпение и милосердие к тем, кто верит в Него и держит Его слово, хотя, видит бог, я этого недостойна. Впрочем, –

если бы одним лишь достойным он даровал свои милости, мало нашлось бы людей, которые сейчас улыбались бы тут, на земле, и после кончины имели бы право на вечное успокоение в раю. Ну, ступайте же, Сид, Мери, Том, уходите скорее – некогда мне растабарывать с вами!

Дети ушли в школу, а старушка поспешила к миссис Гарпер и поведала ее неверие ведущим сном Тома. У Сида хватило здравого смысла не высказывать

мысль, которая была у него в голове, когда он выходил из дома. Это было так:

— Тут что-то не так. Разве можно видеть такой длинный и складный сон – без единой ошибки?

Каким героем теперь стал Том! Он не шалил и не прыгал, но шествовал важно, с достоинством, как подобает пирату, сознающему, что на него устремлены все взгляды. И действительно, так оно и было; он старался, казалось, не замечать взглядов или не слышать замечаний, когда проходил мимо, но они были для него пищей и питьем. Мальчишки поменьше его самого толпились за ним по пятам, гордясь тем, что их видят рядом с ним, и что он терпит их возле себя, - словно он барабанщик во главе процессии или слон во главе зверинца, входящего в город. Мальчики его возраста делали вид, что не знают, что он вообще отсутствовал; но они были тем не менее, съедаемые завистью. Они бы все отдали, чтобы иметь его смуглую загорелую кожу и его блестящую известность; и Том не расстался бы ни с тем, ни с другим

ради цирка.

В школе дети так высоко ценили его и Джо и выражали такое красноречивое

восхищение в своих глазах, что два героя вскоре стали невыносимо

“заносчивыми”.

Они начали рассказывать свои похождения жадно внимавшим слушателям, но именно только начали: с такой богатой фантазией, какой обладали они, можно было изобретать без конца все новые и новые подвиги! И, наконец, когда они достали свои трубки и принялись безмятежно попыхивать, была достигнута самая вершина славы.

Том решил, что теперь он может быть независим от Бэки Тэтчер. Славы было достаточно. Он будет жить ради славы. Теперь, когда он был выдающимся, возможно, она захотела бы “помириться”. Что ж, она должна видеть, что он может быть таким же равнодушным, как и некоторые другие люди. Но вот и она. Том притворился, что не видит ее. Он отошел, присоединился к группе мальчиков и девочек и начал говорить. Вскоре он заметил, что она весело бегала взад и вперед с раскрасневшимся лицом и танцующими глазами, притворяясь, что занята преследованием одноклассников, и визжала от смеха, как ей удастся поймать одну из них; но он заметил, что она всегда ловила поблизости около него, и что она, казалось, бросала сознательный

взгляд в его сторону и в такие моменты тоже. Это льстило

его злобному тщеславию и, вместо того чтобы смягчить его сердце, придавало ему еще больше самодовольства и спеси и заставляло еще сильнее скрывать, что он видит ее. Вскоре она перестала гоняться за девочками и нерешительно зашагала по комнате, раз-два вздохнув и украдкой, и с тоской поглядывая на Тома. Затем она заметила, что теперь Том больше разговаривал с Эми Лоуренс, чем с кем-либо еще. Она почувствовала острую боль, и ей сразу стало не по себе. Она попыталась уйти, но ноги предательски подогнулись и вместо этого понесли ее к группе. Она сказала девушке, стоявшей почти рядом с Томом, с притворной

живостью:

– Какая ты гадкая, Мери Остин! Почему ты не была в воскресной школе?

– Я была – разве ты меня не видела?

– Вот странно, нет! А ты? Где ты сидела?

– Я была в классе мисс Питерс, куда я всегда хожу. Я видела тебя.

– В самом деле? Забавно, что я тебя не видела. Я хотела рассказать тебе о пикнике.

– О, это весело. Кто собирается его устраивать?

– Моя мама собирается устроить его для меня.

– О, боже, я надеюсь, она позволит мне прийти.

– Что ж, она так и сделает. Пикник для меня. Кого хочу, того и приглашаю. И тебя приглашу непременно, еще бы!

– Это всегда так мило. Когда это будет?

– Скоро. Может быть, на каникулах.

– О, разве это не будет весело! Ты собираешься пригласить всех девочек и мальчиков?

– Да, все, кто мне друзья – или хочет ими быть.

И она украдкой взглянула на Тома, но он сразу же заговорил с Эми Лоуренс об ужасной буре на острове и о том, как молния разнесла большой платан “в щепки”, пока он “стоял в трех футах от него”. “

– О, можно мне прийти? – спросила Грейс Миллер.

– Да.

– А я? – спросила Салли Роджерс.

– Да.

– И я тоже? – спросила Сюзи Гарпер. – А Джо можно?

– Да.

И так далее, с радостными хлопками в ладоши, пока вся группа не попросила приглашения, кроме Тома и Эми. Затем Том хладнокровно отвернулся, продолжая говорить, и забрал Эми с собой. Губы Бэки задрожали, а на глаза навернулись слезы; она скрыла эти признаки с наигранной веселостью и продолжала болтать, но теперь жизнь ушла из пикника и из всего остального; Она поспешила отделаться от окружающих ее подруг, ушла в укромное местечко и “выплакалась всласть”, как выражаются женщины, а потом сидела там, оскорбленная, мрачная, пока не раздался звонок. Она встала, мстительно сверкнув глазами, тряхнула своими заплетенными хвостиками и сказала, что

знает, что сделает.

На перемене Том продолжал флиртовать с Эми с ликующим самодовольством. И он продолжал блуждать вокруг, чтобы найти Бэки и разозлить ее своим представлением. Наконец он заметил ее, но его счастье внезапно потухло. Она уютно сидела на маленькой скамейке за зданием школы, рассматривая книжку с картинками с Альфредом Темплом – и они были так поглощены, а их головы так близко склонились над книгой, что, казалось, они не сознают что-либо в мире, кроме. Ревность раскалилась докрасна по венам Тома. Он начал ненавидеть себя за то, что упустил шанс, предложенный Бэки для примирения.

Он называл себя дураком и всеми другими нелестными именами, какие только мог придумать. Ему хотелось плакать от досады. Эми весело болтала, пока они шли, потому что ее сердце пело, но у Тома словно отнялся язык. Он не слышал, что говорила Эми, и всякий раз, когда она выжидательно замолкала, он мог только пробормотать неловкое согласие, которое так же часто было неуместным, как и все остальное. Он продолжал лавировал к задней части здания школы, снова и снова, омрачать свои взоры этим возмутительным зрелищем. Он ничего не мог с этим поделать. И это его сводило с ума, что он видел, как ему казалось, что он видел, что Бэки Тэтчер ни разу не обращала на него внимание. Но, тем не менее, она видела; и она знала, что тоже выигрывает свою

битву, и была рада видеть, как он страдает так же, как страдала она.

Счастливая болтовня Эми стала невыносимой. Том намекнул на то, что ему нужно было что-то сделать; а время быстротечно. Но напрасно – девочка щебетала дальше. Том подумал: “О, повесьте ее, неужели я никогда от нее не избавлюсь?” Наконец он объявил, что ему необходимо уйти – и возможно скорее. Эмми простодушно сказала, что после уроков будет ждать его тут же, поблизости, и он поспешил прочь, ненавидя ее за это.

– Любой другой мальчик! – подумал Том, стиснув зубы. – Любой мальчик во всей деревне, кроме этого умника из Сент-Луиса, который думает, что он так хорошо одевается и является аристократом! О, ладно, я вздул тебя в первый день, когда ты увидел эту деревню, мистер, и я вздую тебя снова! Ты просто подожди, пока я тебя не поймаю! Я просто возьму и...

И он проделал движения, похожие на избиение воображаемого мальчика – колотил кулаками по воздуху, пинал и колотил. “О, ты хочешь, не так ли? Ты кричишь "нет", не так ли? Итак, пусть это послужит тебе уроком!” И вот воображаемая порка была закончена к его удовлетворению.

Том убежал домой в полдень. Его совесть не могла больше выносить благодарного счастья Эми, а его ревность не могла больше выносить других страданий. Бэки возобновила осмотр картин с Альфредом, но по мере того, как тянулись

минуты, а Том не страдал, ее триумф начал омрачаться, и она потеряла интерес; за ним последовали серьезность и рассеянность, а затем меланхолия; два-три раза она наостряла ухо при звуке шагов, но это была ложная надежда; никакой Том не пришел. Наконец она стала совсем несчастной и пожалела, что завела свою месть так далеко. Когда бедный Альфред, видя, что теряет ее, сам не зная как, продолжал восклицать: “О, вот веселенькая! Посмотри на это!” Наконец она потеряла терпение и сказала: “О, не приставай ко мне! Мне на них наплевать!” и разрыдалась, встала и ушла.

Альфред пустился рядом и собирался попытаться утешить ее, но она сказала:

– Уходи и оставь меня в покое, пожалуйста! Я ненавижу тебя!

Итак, мальчик остановился, задаваясь вопросом, что он мог такого сделать ведь она обещала, что всю большую перемену будет смотреть с ним картинки, и вдруг в слезах ушла. Затем Альфред в задумчивости направился в опустевшее здание школы. Он был унижен и зол. Он легко угадал свой путь к истине – девушка просто воспользовалась им, чтобы выместить свою злобу на Томе Сойере. Он был далек от того, чтобы ненавидеть Тома меньше, когда эта мысль пришла в его голову. Он хотел бы, чтобы был какой-нибудь способ втянуть этого мальчика в неприятности без особого риска для себя. Ему на глаза попала тетрадь Тома по правописанию. Вот и его шанс. Он с благодарностью

открыл дневной урок и залил страницу чернилами.

Бекки, заглянувшая в этот момент в окно позади него, увидела, но скрылась поскорее, незамеченная. Теперь она отправилась домой, намереваясь найти Тома и рассказать ему; Том был бы благодарен, и их проблемы были бы решены. Однако, не пройдя и половины пути до дома, она передумала. Мысль о том, как Том обращался с ней, когда она рассказывала о своем пикнике, ответ обжигал ее и наполнял стыдом. Она решила позволить ему получить взбучку за испорченный учебник правописания и в придачу возненавидеть его навсегда.

Глава 19

Том вернулся домой в мрачном настроении, и первое, что сказала ему тетя, показали ему, что здесь его горе не встретит сочувствия.

– Том, у меня есть идея содрать с тебя шкуру живьем!

– Тетя, что я наделал?

– Что ж, ты сделал достаточно. Вот я подхожу к Серени Гарпер, как старая дура, ожидая заставить ее поверить во всю эту чушь о том сне, когда, о чудо, она узнала от Джо, что ты был здесь и слышал весь наш разговор той ночью. Не знаю, Том, что может выйти из мальчика, который так бессовестно лжет! Мне так плохо при мысли, что ты мог бы позволить мне пойти к Серене Гарпер, выставить себя такой ду-

рой и не сказать ни слова.

Это был новый аспект дела. Его утренняя острота и раньше казалась Тому хорошей шуткой, причем очень остроумной. Теперь это просто выглядело убого. Он опустил голову и на мгновение не мог придумать, что сказать. Затем он сказал:

– Тетушка, я бы хотел, чтобы я этого не делал, но я не подумал.

– О, дитя, ты никогда не думаешь. Ты никогда не думаешь ни о чем, кроме своего собственного эгоизма. Ты мог проделать весь этот путь сюда с острова Джэксона ночью, чтобы посмеяться над нашими бедами, и ты мог одурачить меня ложью о сне; но ты никогда не мог подумать пожалеть нас и спасти от горя.

– Тетушка, теперь я знаю, что это было подло, но я не хотел быть подлым. Я этого не делал, честно. И кроме того, я пришел сюда не для того, чтобы смеяться над тобой той ночью.

– Тогда зачем ты пришел?

– Это было для того, чтобы сказать вам, чтобы вы не беспокоились о нас, потому что мы не утонули.

– Том, Том, я был бы самой благодарной душой в этом мире, если бы мог поверить, что тебе когда-либо приходила в голову такая хорошая мысль, как эта, но ты знаешь, что ты никогда этого не делал – и я знаю это, Том.

– Было, было! Даю вам честное слово, что было! Не сойти

мне с этого места, было!

– О, Том, не лги – не делай этого. Это только делает все в сто раз хуже.

– Это не ложь, тетушка, это правда. Я хотел уберечь тебя от горя – это было все, что заставило меня прийти.

– Я бы отдала весь мир, чтобы поверить в это. Это скроет множество грехов, Том. Если бы это было так, я даже не жалела бы о том, что ты убежал из дому и натворил столько бед... Но нет, все неправда... Иначе ты непременно сказал бы мне, для чего ты пришел.

– Ну, видите ли, когда вы заговорили о похоронах, я просто преисполнился идеей о том, что мы придем и спрячемся в церкви, и я почему-то не мог все испортить. Так что я просто положил кору обратно в карман и промолчал.

– Какая кора?

– Кора, на которой я написал, чтобы сообщить вам, что мы занялись пиратством. Я так теперь жалею, что вы не проснулись, когда я вас поцеловал! Ужасно жалею – честное слово!

Суровые морщины на лице его тети разгладились, и в ее глазах появилась внезапная нежность.

– Ты поцеловал меня, Том?

– Да, я это сделал.

– Ты уверен, что сделал это, Том?

– Ну, да, я это сделал, тетушка, конечно, конечно.

– Почему же ты поцеловал меня, Том?

– Потому что я так любил тебя в ту минуту, а ты лежала

там и стонала, и мне было так жаль.

Эти слова звучали как правда. Пожилая леди не смогла скрыть дрожь в своем голосе, когда сказала:

– Поцелуй меня еще раз, Том! И... ступай в школу, и... не приставай ко мне больше.

Как только он ушел, она подбежала к шкафу и достала остатки куртку, в которой Том занялся пиратством. Затем она остановилась, держа ее в руке, и сказала себе:

– Нет, я не смею. Бедный мальчик, я думаю, он солгал об этом – но это благословенная, благословенная ложь, от нее исходит такое утешение. Я надеюсь, что Господь – я знаю, что Господь простит его, потому что с его стороны было так добросердечно сказать это. Но я не хочу выяснять, что это ложь. Я не буду смотреть.

Она убрала куртку и постояла рядом, размышляя минуту. Дважды она протягивала руку, чтобы снова взять ее, и дважды воздерживалась. Она снова отважилась, и на этот раз она укрепила себя мыслью:

– Это хорошая ложь, это хорошая ложь, я не позволю этому огорчить меня. -Поэтому она полезла в карман куртки. Мгновение спустя она читала отрывок из коры Тома сквозь текущие слезы и говорила: “Я могла бы простить мальчика сейчас, даже если бы он совершил миллион грехов!”

Было что-то в поведении тети Полли, когда она поцеловала Тома, что

развеяло его плохое настроение и снова сделало его беззаботным и счастливым. Он пошел в школу, и ему посчастливилось встретить Бэки Тэтчер в начале Лугового переулка. Его настроение всегда определяло его манеры. Ни секунды не колеблясь, он подбежал к ней и сказал:

– Я вел себя очень подло сегодня, Бэки, и мне так жаль. Я никогда, никогда больше так не поступлю, пока я жив – пожалуйста, помирись, хорошо?

Девушка остановилась и презрительно посмотрела ему в лицо:

– Я буду благодарна вам за то, что вы держите себя в руках, мистер Томас Сойер. Я больше никогда с вами не заговорю.

Она тряхнула головой и прошла дальше. Том был настолько ошеломлен, что у него даже не хватило присутствия духа сказать: “А мне плевать, мисс Умница!” А потом уже было поздно. Поэтому он ничего не сказал. Но, тем не менее, он был в прекрасном гневе. Он уныло поплелся по школьному двору, мечтая, чтобы она была мальчиком, и представляя, как бы здорово он ее вздул! В это время она как раз прошла мимо, и он оказал ей какую-то колкость. Разгневанная Бекки еле могла дождаться, когда же начнутся уроки, – так ей хотелось, чтобы Тома поскорее высекли за испорченный учебник. Если у нее и была какая-то затаенная мысль разоб-

лачить Альфреда Темпла, то оскорбительная выходка Тома полностью развеяла ее.

Бедная девочка, она и сама не знала, как быстро приближается к беде. Учитель, мистер Доббинс, достигший среднего возраста с неудовлетворенными амбициями. Самым заветным его желанием было стать врачом, но бедность распорядилась так, что он не должен был быть ничем выше деревенского школьного учителя. Каждый день он брал со своего стола таинственную книгу и

погружался в нее в те моменты, когда на уроках не было чтения. Он держал эту книгу под замком. Не было школьника, который не горел бы желанием заглянуть в эту книгу, но случая не представлялось никогда. У каждого мальчика и девочки была своя теория о этой книге; но не было двух одинаковых теорий, и не было никакого способа добраться до фактов в этом деле. Теперь, когда Бэки проходила мимо письменного стола, который стоял рядом с дверью, она заметила, что ключ был в замке! Это был драгоценный момент. Она огляделась;

обнаружила, что осталась одна, и в следующее мгновение книга была у нее в руках. Заглавие “Анатомия”, сочинение профессора такого-то, не несла никакой информации для нее; поэтому она начала переворачивать листы. Она сразу же наткнулась на красиво выгравированную и раскрашенную человеческую фигуру, совершенно обнаженную. В этот момент на страницу упала тень, и Том Сойер вошел в дверь и

мельком увидел картинку. Бэки схватила книгу, чтобы закрыть ее, и ей не повезло, что она порвала страницу с изображением до середины. Она сунула томик в стол, повернула ключ и разрыдалась от стыда и досады.

– Том Сойер, ты настолько подл, насколько это вообще возможно, подкрадываться к человеку и смотреть на то, на что он смотрит.

– Откуда я мог знать, что ты на что-то смотришь?

– Тебе должно быть стыдно за себя, Том Сойер; ты знаешь, что собираешься донести на меня, и о, что мне делать, что мне делать! Меня выпорют, а меня никогда не пороли в школе.

Потом она топнула своей маленькой ножкой и сказала:

– Будь таким злым, если хочешь! Я знаю, что-то должно произойти. Вы просто подождите, и увидите! Ненавистный, ненавистный, ненавистный! – и она убежала из класса с новым взрывом плача.

Том стоял неподвижно, несколько взволнованный этим натиском. Вскоре он сказал себе:

– Что за странная дура эта девушка! Никогда не поролась в школе! Черт возьми! Что такое порка! Все девочки – ужасные трусихи и – неженки. Ну,

конечно, я не собираюсь рассказывать старому Доббинсу об этой маленькой дурочке, потому что есть другие способы поквитаться с ней – это не так уж подло; но что из этого? Старина Доббинс спросит, кто это порвал его книгу. Никто

не ответит. Тогда он поступит так, как поступает всегда – спросит сначала

одну, а потом другую, и когда он придет к нужной девушке, он узнает это без всяких объяснений. Лица девушек всегда говорят о них. У них нет никакой выдержки. Ее высекут. Что ж, для Бэки Тэтчер это своего рода затруднительное положение, потому что выхода из него нет.

Том еще немного поколебался, а затем добавил: “Впрочем, ладно; она хотела бы

увидеть меня именно в таком положении – пусть попотеет!”

Том присоединился к толпе сорванцов снаружи. Через несколько мгновений

прибыл учитель, и начался урок. Том не испытывал сильного интереса к учебе. Каждый раз, когда он украдкой бросал взгляд на женскую половину комнаты, лицо Бэки беспокоило его. Учитывая все обстоятельства, он не хотел жалеть ее, и все же это было все, что он мог сделать, чтобы помочь этому. Он не мог вызвать никакого ликования, которое действительно было бы достойно этого названия. Вскоре была найдена книга по правописанию, и некоторое время после этого мысли Тома были полностью заняты его собственными делами.

Бэки очнулась от летаргии отчаяния и проявила большой интерес к

происходящему. Она не ожидала, что Том сможет выпу-

таться из своих неприятностей, отрицая, что он сам пролил чернила на книгу; и она была права. Отрицание, казалось, только усугубило положение Тома. Бэки предположила, что была бы рада этому, и попыталась поверить, что рада этому, но обнаружила, что не уверена. Когда дошло до самого худшего, у нее возникло желание встать и донести на Альфреда Темпла, но она сделала над собой усилие и

заставила себя не шевелиться – потому что, сказала она себе, “он обязательно расскажет о том, что я порвала фотографию. Я бы не сказал ни слова, даже ради спасения его жизни!”

Том получил свою порку и вернулся на свое место совсем не с разбитым сердцем, потому что он подумал, что, возможно, он сам неосознанно испачкал чернила в учебнике правописания в какой-то драке с товарищем – он отрицал это ради формы и потому, что таков был обычай, и придерживался отрицание из принципа.

Прошел целый час, учитель сидел, кивая на своем троне, воздух был сонным от

гула учебы. Мало-помалу мистер Доббинс выпрямился, зевнул, затем отпер свой стол и потянулся за книгой, но, казалось, не решил, брать ее или оставить. Большинство учеников лениво подняли глаза, но среди них было двое, которые пристально следили за его движениями. Мистер Доббинс некоторое время рассеянно перебирал пальцами свою книгу, затем достал ее и устроился в кресле, чтобы почитать.

Том бросил взгляд на Бэки. Он видел, как загнанный и беспомощный кролик выглядел так же, как она, с пистолетом, направленным

ей в голову. Он мгновенно забыл о своей ссоре с ней. Быстро – надо что-то делать! Это надо сделать в мгновение ока! Но сама неизбежность чрезвычайной ситуации парализовала его изобретение. Хорошо! У него было вдохновение! Он подбежит, схватит книгу, выскочит в дверь – и был таков! Но его решимость поколебалась на одно короткое мгновение, и шанс был упущен -

учитель открыл том. Если бы только у Тома снова была упущенная возможность! Слишком поздно. Он сказал, что теперь Бэки ничем не поможешь. В следующее мгновение учитель повернулся лицом к классу. Все глаза опустились под его пристальным взглядом. В этом было что-то такое, что повергало в ужас даже невинных. Наступила тишина, пока можно было сосчитать до десяти – учитель собирал свой гнев. Затем он заговорил: “Кто порвал эту книгу?”

Не было слышно ни звука. Можно было бы услышать, как упала булавка. Тишина продолжалась; учитель осматривал лицо за лицом в поисках признаков вины.

– Бенджамин Роджерс, ты порвал эту книгу?

Отрицание. Еще одна пауза.

– Джозеф Харпер, не вы ли?

Еще одно отрицание. Беспокойство Тома становилось все более и более сильным под медленной пыткой этих разбира-

тельств. Учитель окинул взглядом ряды мальчиков – немного подумал, затем повернулся к девочкам:

– Эми Лоуренс?

Покачивание головой.

– Грейси Миллер?

Тот же знак.

– Сьюзен Харпер, это ты сделала?

Еще один минус. Следующей девушкой была Бэки Тэтчер. Том дрожал с головы до ног от возбуждения и ощущения безнадежности ситуации.

– Ребэッカ Тэтчер” (Том взглянул на ее лицо – оно было белым от ужаса) – ты

порвала – нет, посмотри мне в лицо (ее руки поднялись в мольбе) – ты порвала эту книгу?”

Мысль молнией пронзила мозг Тома. Он вскочил на ноги и закричал: “Я сделал это!”

Класс в недоумении смотрела на эту невероятную глупость. Том постоял мгновение, чтобы собраться с мыслями; и когда он шагнул вперед, чтобы приступить к наказанию, удивление, благодарность, обожание, светившиеся в глазах бедняжки Бэки, казалось, были достаточной платой за сотню пороков.

Вдохновленный великолепием своего собственного поступка, он безропотно перенес самую безжалостную порку, которую когда-либо проводил даже мистер Доббинс; а также

с безразличием воспринял дополнительную жестокость приказа оставаться на два часа после окончания школы. Он знал, кто будет ждать его там, у ворот, когда его заточение кончится, и потому не считал двухчасовую скуку слишком тяжелой...

В ту ночь Том лег спать, планируя месть Альфреду Темплу; потому что Бэки со стыдом и раскаянием рассказала ему все, не забыв о своем собственном предательстве; но даже страстное желание отомстить вскоре уступило место более приятным размышлениям, и он наконец заснул с последними словами Бэки, сонно звучащими в его голове, в его ухо:

– Том, как ты мог быть таким благородным!

Глава 21

Приближались каникулы. Школьный учитель, всегда суровый, стал строже и

требовательнее, чем когда-либо, потому что он хотел, чтобы школа хорошо показала себя в день “экзамена”. Его розги и линейка теперь редко бездействовали – по крайней мере, среди младших учеников. Только самые юноши и юные леди восемнадцати-двадцати лет избежали порки. А бил мистер Доббинс больно, мускулы у него были здоровые, так как до старости ему было далеко, хотя он и прятал под париком обширную сияющую лысину. По мере приближения велико-

го дня вся тирания, которая была в нем, вышла на поверхность; казалось, он получал мстительное удовольствие, наказывая за малейшие недостатки. Следствием этого было то, что младшие мальчики проводили свои дни в ужасе и страданиях, а ночи – в замыслах мести. Они не упустили ни одной возможности причинить вред учителю. Но он все время был впереди. Возмездие, которое следовало за каждым мстительным успехом, было настолько стремительным и величественным, что мальчики всегда покидали поле битвы с большими потерями. Наконец они сговорились и разработали план, который обещал ослепительную победу. Они поклялись в присутствии мальчика, малевавшего вывески, рассказали ему о схеме и попросили его помощи. У него были свои причины для радости, потому что учитель жил в семье его отца и дал мальчику достаточно причин ненавидеть его. Жена учителя через несколько дней отправится с визитом в деревню, и ничто не помешает этому плану; он всегда готовился к большим событиям, любил подкрепляться спиртными напитками, и ученик живописца обещал, что накануне экзамена, как только педагог охмелеет и уснет в своем кресле, он “сделает всю эту штуку”, а потом разбудит его и препроводит в школу.

Со временем подоспел интересный случай. В восемь часов вечера здание школы было ярко освещено и украшено венками и гирляндами из листвы и цветов. Учитель восседал на троне в своем огромном кресле на возвышении, поза-

ди него стояла классная доска. Он выглядел вполне бодрым. Три ряда скамеек с

каждой стороны и шесть рядов перед ним были заняты высокопоставленными лицами города и родителями учеников. Слева от него, позади рядов горожан, находился просторная временная платформа, на которой сидели ученики, которым предстояло принять участие в вечерних упражнениях; ряды маленьких мальчиков, вымытых и одетых до невыносимого дискомфорта; ряды неуклюжих больших мальчиков; белоснежные ряды девочек и юных леди, одетых в батист

и кисею и явно стесняющихся своих обнаженных рук, старинные безделушки их бабушек, обрывки розовых и голубых лент и цветы в волосах. Вся остальная часть класса была заполнена не участвующими учениками.

Учения начались. Очень маленький мальчик встал и застенчиво продекламировал: “Вы вряд ли ожидаете, что человек моего возраста будет выступать публично на сцене” и т.д., сопровождая свою декламацию мучительно аккуратными, судорожными жестами, словно машина – машина, в которой что-то немного испортилось. Но он справился благополучно, хотя

и был жестоко напуган, и получил прекрасные аплодисменты, когда отвесил свой искусный поклон и удалился.

Маленькая смущенная девочка прошептала: “У Мэри был маленький ягненок” и т. д., сделала вдохновляющий на сострадание реверанс, получила свою порцию аплодисментов

и села, раскрасневшаяся и счастливая.

Том Сойер выступил вперед с самодовольной уверенностью и разразился

неугасимой и нерушимой речью “Дайте мне свободу или дайте мне смерть”, с прекрасной яростью и неистовой жестикуляцией, и прервался на середине. Ужасный страх сцены охватил его, ноги подкосились, в горле что-то давило; он не мог произнести ни слова. Правда, слушатели отнеслись к нему с явным сочувствием, но все они молчали, и их молчание было для него даже более тягостно, чем их сочувствие. Учитель нахмурился, и это довершило катастрофу. Том некоторое время боролся, а затем удалился, совершенно побежденный. Была слабая попытка аплодисментов, но они рано стихли.

Затем последовала “Мальчик стоял на горящей палубе”, а также “Ассирияне шли, как на стадо волки” и другие перлы декламации. Затем были упражнения по чтению и борьба за правописание. Скучный класс латыни читал с честью. Главной фишкой вечера стало то, что теперь все по порядку – оригинальные “композиции” юных леди. Каждая по очереди подходила к краю платформы, откашливалась, поднимала свою рукопись (перевязанную изящной ленточкой) и приступала к чтению, уделяя особое внимание “выражению” и пунктуации.

Темы были те же, которые освещались в аналогичных случаях их матерями до них, их бабушками и, несомненно, все-

ми их предками по женской линии, начиная с Крестовых походов. “Дружба” была одной из них; “Воспоминания о других днях”; “Религия в истории”; “Страна грез”; “Преимущества культуры”; “Формы политического устройства государства”, “Меланхолия”, “Любовь к родителям”, “Сердечные склонности” и т. д. и т. п.

Преобладающей чертой в этих композициях была взлелеянная меланхолия; другой была расточительная и обильная подача “прекрасного языка”; другой притянутые за уши излюбленные обороты и фразы, которые от частого употребления истрепались до последних пределов; и особенностью, которая заметно отмечала и портила их, была заядлая и невыносимая проповедь, которая виляла своим искалеченным хвостом в конце каждого из них. Независимо от того, какой могла быть тема, были предприняты мозговые усилия, чтобы извратить ее в тот или иной аспект, который нравственный и религиозный ум мог бы созерцать с назиданием. Фальшь этой морали очевидна для всякого, но это не мешает ей и по нынешний день процветать в наших школах; возможно, что они останутся в моде, покуда существует земля. Во всей нашей стране нет школы, где юные леди не чувствовали бы себя обязанными заканчивать свои сочинения проповедью; и вы обнаружите, что проповедь самой легкомысленной и наименее религиозной девочки в школе – это всегда самый длинный и самый безжалостно благочестивый. Но хватит об этом. Обычная правда неприятна.

Давайте вернемся к “Экзамену”. Первое прочитанное сочинение носило заглавие: “Такова ли должна быть Жизнь?” Возможно, читатель сможет вынести выдержку из него:

На обычных тропах бытия с каким радостным волнением предвкушают юные умы какое-нибудь долгожданное празднество. Воображение рисует им картины веселья, окрашенные в розовый цвет. В мечтах сластолюбивая поклонница моды видит себя в самом центре ликующей и восхищенной толпы. Ее изящная фигура, облеченная в белоснежные ткани, кружится в упоении веселого танца; у нее самая легкая поступь, и глаза ее сияют ярче всех в этой празднично-ликующей толпе.

В таких сладостных грезах время быстро проносится мимо, и приходит желанный час, когда она может вступить в тот рай, о котором так пылко мечтала. Какими волшебными представляются ей все очарования этого нового мира! Каждое новое видение соблазняет ее все более и более. Но вскоре она обнаруживает, что под этой блестящей поверхностью все – тлен и суета. Лесть, которая так услаждала ее душу, теперь лишь раздражает ее слух; пышные бальные залы потеряли свою привлекательность, и с разрушенным здоровьем и с удрученным сердцем она уходит оттуда, унося непоколебимую уверенность, что никакие земные утехи не могут утолить ее духовную жажду!

И так далее, и тому подобное. Время от времени во время чтения раздавался гул удовлетворения, сопровождаемый шепотом восклицаниями “Как мило!” “Как красноречиво!”, “Так верно!” и т.д., и после того, как выступление закончилось особенно трогательной проповедью, аплодисменты были восторженными.

Затем встала стройная меланхоличная девушка, на лице которой была “интересная” бледность, которая бывает от таблеток и несварения желудка, и прочитала “стихотворение”. Двух строф из этого будет достаточно:

ПРОЩАНИЕ МИССУРИЙСКОЙ ДЕВЫ С АЛАБАМОЙ

Алабама, прощай! И хоть ты мне мила,
Но с тобою пора мне расстаться.
О, печальные мысли мои во мне ты зажгла,
И в душе моей скорби гнездятся.
По твоим я блуждала цветистым лесам,
Над струями твоей Таллапусы,
И внимала Талласси бурливым волнам
Над зелеными склонами Кусы.

И, прощаясь с тобой, не стыжусь я рыдать,
Мне не стыдно тоскою терзаться,
Не чужбину судьба мне велит покидать,
Не с чужими должна я расстаться, —

В этом штате я узнала уют и привет,
Алабама моя дорогая!
И была б у меня бессердечная tête,
Не любила бы если б тебя я!

Там было очень мало тех, кто знал, что означает “tête”, но, тем не менее, стихотворение было очень удовлетворительным.

Затем появилась смуглая, черноглазая, черноволосая молодая леди, которая выдержала внушительную паузу, приняла трагическое выражение лица и начала читать размеренным, торжественным тоном:

ВИДЕНИЕ

Темна была бурная ночь. Вокруг небесного престола не мерцала ни единая звездочка; но глухие раскаты грома постоянно раздавались в ушах, а бешеная молния бушевала, пируя, в облачных чертогах небес, словно она презирала ту власть, которой укротил ее бешенство знаменитый Франклин! Даже буйные ветры единодушно решили покинуть свои тайные убежища и неистовствовали, как бы пытаясь придать еще более ужаса этой потрясающей сцене.

В эту годину мрака и отчаяния душа моя жаждала участия

души человеческой, – вот ко мне явилась она —

Мой лучший друг, мой идеал, наставница моя,

Развеяла мою печаль, утешила меня.

Она шествовала, как одно из тех небесных созданий, какие являются в грезах юным романтическим душам на осиянных дорогах эдема, царица красоты, не украшенная никакими драгоценностями, только собственной непревзойденной прелестью. Так тиха и беззвучна была ее нежная поступь, что, если бы не магический трепет, внушенный мне ее прикосновением, она прошла бы мимо, незамеченная, подобно другим красавицам, не выставляющая свою красу на показ. Печать неразгаданной скорби лежала у нее на лице, как заледенелые слезы на белоснежном одеянии Декабря, когда она указала перстом на борьбу враждующих стихий и приказала мне обратить мою мысль на тех двоих, что присутствуют здесь.

Этот кошмар занимал десять страниц и заканчивался необыкновенно суровой проповедью, сулившей такие ужасные кары тем, кто не принадлежит к пресвитерианской церкви, что его удостоили высшей награды. Мэр города, вручая автору награду, произнес горячую речь; по его словам, он “никогда не слышал ничего красноречивее” и “сам Дэниэл

Уэбстер мог бы гордиться подобным шедевром ораторского искусства”.

Этот кошмар занял около десяти страниц рукописи и закончился проповедью, настолько разрушившей все надежды для тех кто не принадлежит пресвитеритерианской церкви, что она получила премию высшей награды. Эта композиция считалась самой лучшей работой вечера. Мэр деревни, вручая приз автору этой книги, произнес теплую речь, в которой сказал, что это, безусловно, самая “красноречивая” вещь, которую он когда-либо слышал, и что

сам Дэниел Уэбстер вполне мог бы гордиться ею.

Мимоходом можно заметить, что количество сочинений, в которых слово

”прекрасный“ был чрезмерно обласкан, а человеческий опыт, называемый ”страницей жизни“, соответствовал обычному среднему значению.

Теперь учитель, смягченный почти до добродушия, отодвинул свой стул, повернулся спиной к аудитории и начал рисовать на доске карту Америки, чтобы поупражняться на уроке географии. Но он сделал из этого печальное дело своей нетвердой рукой, и по классу прокатилось сдавленное хихиканье. Он знал, в чем дело, и решил все исправить. Он стирал линии губкой и переделывал их; но он только искажал их больше, чем было до этого, и хихиканье было более явственным. Теперь он полностью сосредоточился на своей работе,

словно решив не поддаваться всеобщему веселью. Он чувствовал, что все взгляды устремлены на него; он воображал, что преуспевает, и все же

хихиканье продолжалось; оно даже явно усилилось. И вполне возможно, что так и будет. Наверху был чердак, прорезанный люком над его головой; и через этот люк спустилась кошка, подвешенная за задние лапы на веревке; у нее была тряпка, обвязанная вокруг головы и челюстей, чтобы она не мяукала; когда она медленно спускалась, она изогнулась вверх и вцепилась когтями и натянула веревку, она качнулась вниз и вцепилась когтями в неосязаемый воздух. Хихиканье поднималось все выше и выше – кошка была в шести дюймах от головы поглощенного учителя – вниз, вниз, немного ниже, и она схватила его парик своими отчаянными когтями, вцепилась в него и в одно мгновение была унесена на чердак со своим трофеем, все еще находящимся у нее! И как ярко светился лысый затылок учителя – ведь мальчик-малыш позолотил его!

Это прервало встречу. Мальчики были отомщены. Наступили каникулы.

Примечание: Сочинения, которые цитируются здесь, заимствованы без изменений из книжки, напечатанной под заглавием «Проза и поэзия одной дам, живущей на Западе», так как в них точнейшим образом выдержан стиль, свойственный сочинениям школьниц, и никакая подделка не

могла бы сравниться с ними.

Глава 22

Том присоединился в новое общество «Юных друзей трезвости», привлеченный эффектным характером их “регалий”. Он пообещал воздерживаться от курения, жевания табака и ненормативной лексики до тех пор, пока он остается членом клуба. Теперь он узнал новую вещь, а именно,

что обещание ничего не делать – это самый верный способ в мире заставить тело захотеть пойти и сделать именно это. Вскоре Том обнаружил, что его мучает желание выпить и выругаться; это желание стало настолько сильным, что ничто, кроме надежды на возможность показать себя в пунцовом шарфе, не удерживало его от выхода из общества. Приближалось Четвертое июля; впрочем, на третьи сутки после того, как он пробыл в веригах трезвости, он перестал о нем думать и возложил все свои надежды на старого мирового судью Фрезера, который лежал при смерти; вероятно, судье будут устроены пышные похороны, так как он важная персона. И тогда, на его погребении, можно будет щеголять пунцовым шарфом. В течение трех дней Том был глубоко обеспокоен состоянием судьи и жаждал новостей об этом. Иногда его надежды были велики – настолько велики, что он отваживался достать свои регалии и потренироваться перед зеркалом. Но у судьи была самая обескураживающая манера ко-

лебаться. Наконец он был объявлено, что он начал поправляться – а затем выздоравливать. Тому было противно, и он тоже испытывал чувство обиды. Он сразу же подал в отставку – и в ту ночь судье стало еще хуже, и он умер. Том решил, что никогда больше не будет доверять такому человеку, как это.

Похороны были замечательным событием. Кадеты дефилировали в стиле, рассчитанном на то, чтобы умертвить покойного члена от зависти. Однако Том снова был свободным мальчиком – это тоже чего-нибудь стоило! Теперь он мог пить и ругаться, но, к своему удивлению, обнаружил, что не хочет этого. Простой факт, что он мог, убрал желание и очарование этого.

Вскоре Том с удивлением обнаружил, что его желанный отпуск начинает немного тяготить его руки.

Он попытался вести дневник, но в течение трех дней ничего не происходило, и поэтому он отказался от него.

Первое из всех шоу чернокожих менестрелей прибыло в город и произвело сенсацию. Том и Джо Гарпер собрал группу исполнителей и был счастлив в течение двух дней.

Даже Великолепная четвертая была в некотором смысле неудачной, потому что шел сильный дождь, в результате процессии не было, и величайший человек в мире (как предполагал Том), мистер Бентон, действительный сенатор Соединенных Штатов, оказался ошеломляющим разочарованием, поскольку

его рост не достигал двадцати пяти футов и даже не приближался к этому.

Приехал цирк. После этого мальчики три дня играли в цирк в палатках, сделанных из тряпичного ковра – вход, три булавки для мальчиков, две для девочек, – а затем цирк был прекращен.

Пришли френолог и гипнотизер – и снова ушли, оставив деревню еще более унылой, чем когда-либо.

Было несколько вечеринок для мальчиков и девочек, но их было так мало и они были такими восхитительными, что только усиливали ноющую пустоту между ними.

Бэки Тэтчер уехала в свой дом в Константинополе, чтобы погостить у родителей на каникулах, так что в жизни нигде не было светлой стороны.

Ужасная тайна убийства заключалась в хроническом страдании. Это был очень сильный удар по упорной и неутихающей боли.

Потом началась корь.

В течение двух долгих недель Том лежал, как узник, мертвый для мира и его событий. Он был очень болен, его ничего не интересовало. Когда он наконец встал на ноги и неуверенно двинулся в центр деревни, меланхолическая перемена была к худшему. Произошло "пробуждение", и все "стали толковать о божественном", не только взрослые, но даже мальчики и девочки. Том ходил вокруг, надеясь вопреки всему увидеть хоть одного благословенное грешное лицо, но

разочарование пересекало его повсюду. Он застал Джо Гарпера

за изучением Евангелии и печально отвернулся от удручающего зрелища. Он искал Бена Роджерса, и застал его навещающим бедняков с корзиной брошюр. Он разыскал Джима Холлиса, который обратил его внимание на драгоценное благословение его поздней кори в качестве предупреждения. Каждый мальчик, с которым он сталкивался, усугублял его депрессию; и когда в отчаянии он, наконец, бросился искать убежища в объятиях Гекльберри Финна и был принят цитатой из Священного Писания, его сердце разбилось, и он пополз домой и лег спать понимая, что он один из всего города потерян навсегда.

И в ту ночь разразилась ужасающая буря с проливным дождем, ужасными раскатами грома и ослепительными вспышками молний. Он накрылся с головой одеялом и в ужасе ожидал своей участи, ибо у него не было ни тени сомнения, что весь эта суматоха была из-за него. Он верил, что довел терпение высших сил до предела выносливости, и что это будет пощада. Возможно, ему показалось бы пустой тратой выдвинуть артиллерию против жука, но там казалось, нет ничего нелепого в том, чтобы вызвать такую дорогостоящую грозу, как эта, чтобы выбить почву из-под ног такого насекомого, как он сам.

Мало-помалу буря исчерпала себя и исчезла, так и не достигнув своей цели.

Первым побуждением мальчика было быть благодарным и исправиться. Вторым его решением было подождать, потому что штормов, возможно, больше не будет.

На следующий день врачи вернулись; у Тома возвратилась болезнь. Три недели, которые он провел на спине на этот раз, показались ему целой вечностью. Когда он наконец оказался на улице, он едва ли был благодарен за то, что его пощадили, вспоминая, каким одиноким было его поместье, каким лишенным общения, и он был одинок. Он вяло брел по улице и нашел Джима Холлиса, исполнявшего обязанности судьи в суде по делам несовершеннолетних, который судил кошку за убийство в присутствии ее жертвы, птицы. Он нашел Джо Гарпера и Гекльберри Финна в переулке, которые ели украденную дыню. Бедные ребята! Они – как и Том – перенесли болезнь.

Глава 23

Наконец сонная атмосфера была нарушена – и энергично: в суде начался процесс по делу об убийстве. Это сразу же стало главной темой деревенских разговоров. Том не мог от этого отделаться. Каждое упоминание об убийстве заставляло содрогаться его сердце, ибо его беспокойная совесть и страхи почти убедили его в том, что эти замечания были высказаны в его присутствии как “прощупывания”; он не по-

нимал, как его можно заподозрить в том, что он что-то знает об убийстве, но все же ему было неуютно посреди этих сплетен. Оно

все время держало его в холодной дрожи. Он отвел Гека в уединенное место, чтобы поговорить с ним. Было бы некоторым облегчением на некоторое время развязать ему язык; разделить его бремя страданий с другим страдальцем. Более того, он хотел убедиться, что Гек оставался сдержанным.

— Гек, ты когда—нибудь рассказывал кому-нибудь об этом?

— Насчет чего?

— Ты знаешь что.

— О, конечно, я этого не делал.

— Никогда ни слова?

— Никогда ни единого слова, так что помоги мне. Что заставляет тебя спрашивать?

— Ну, я боялся.

— Ну, Том Сойер, мы бы и двух дней не прожили, если бы об этом узнали. Ты это знаешь.

Том почувствовал себя более комфортно. После паузы:

— Гек, они не могли заставить тебя рассказать, не так ли?

— Заставить меня рассказать? Почему, если бы я хотел, чтобы этот дьявол-метис утопил меня, он мог бы заставить меня рассказать. Они ничем не отличаются друг от друга.

— Ну, тогда все в порядке. Я думаю, мы в безопасности, пока помалкиваем. Но давай все равно поклянемся еще раз.

Так надежнее.

– Я согласен.

И они снова поклялись со страшной торжественностью.

– Что за разговоры вокруг, Гек? Я слышал столько разных историй.

– Что говорят? Ну, это просто Маффл Поттер, Маффл Поттер, Маффл Поттер все время. Это держит меня в поту, постоянном, так что я хочу кое-что спрятать.

– Точно так же со мной. Я думаю, ему конец. Разве тебе иногда не жаль его?

– Почти всегда – почти всегда. Он никому не нужен; но, с другой стороны, он никогда не делал ничего такого, что могло бы кому-то навредить. Просто немного рыбачит, чтобы раздобыть денег, чтобы напиться – и бездельничает

изрядно; но, Господь, мы все это делаем – по крайней мере, большинство из нас – проповедники и тому подобное. Но он в некотором роде хороший – однажды он дал мне половину рыбы, когда ее не хватило на двоих; и много раз он как бы поддерживал меня, когда мне не везло.

– Он починил для меня воздушных змеев, Гек, и привязал крючки к моей леске. Я бы хотел, чтобы мы могли вытащить его оттуда.

– Боже! Мы не сможем его вытащить, Том. И, кроме того, это не принесет никакой пользы; они снова его прищучат.

– Да, так они и поступили бы. Но мне неприятно слышать, как они так ругают его, как черта, хотя он никогда этого не

делал.

– Мне тоже, Том. Господи, я слышу, как они говорят, что он самый кровавый злодей в этой стране, и они удивляются, что его никогда раньше не вешали.

– Да, они все время так говорят. Я слышал, как они говорили, что если бы он вышел на свободу, они бы его линчевали.

– И они бы это сделали.

У мальчиков был долгий разговор, но это принесло им мало утешения. С наступлением сумерек они обнаружили, что слоняются по окрестностям маленькой изолированной тюрьмы, возможно, с неопределенной надеждой, что произойдет что-то, что может разрешить их трудности. Но ничего не произошло; казалось, ни ангелы, ни феи не интересовались этим несчастным пленником.

Мальчики сделали то, что они часто делали раньше – подошли к решетке камеры и дали Поттеру немного табака и спичек. Он находился на первом этаже, и там не было никакой охраны.

Его благодарность за их подарки и раньше всегда задевала их совесть – на этот раз она ранила глубже, чем когда-либо. Они почувствовали себя трусливыми и вероломными до последней степени, когда Поттер сказал:

– Вы были очень добры ко мне, мальчики – лучше, чем кто-либо другой в этой деревне. И я не забуду этого, я не забуду. Часто я говорю себе: "Раньше я чинил всем мальчикам

воздушных змеев и прочее, и показывал им, где есть хорошие места для рыбалки, и дружил с ними, как мог, а теперь они все забыли старого Маффла, когда он в беде; но Том не, и Гек не... они не забывают его, говорю я, "и я не забываю их". Ну, ребята, я совершил ужасный поступок – в то время был пьян и спятил – это единственный способ объяснить это – и теперь я должен заплатить за это, и это верно. Правильно, и к тому же лучше всего, я думаю – во всяком случае, надеюсь на это. Ну, мы не будем говорить об этом. Я не хочу, чтобы вы чувствовали себя плохо; вы подружились со мной. Но что я хочу сказать, вот что: никогда не напивайтесь – тогда вы никогда сюда не попадете. Поставьте носилки на запад – вот и все; это главное утешение – видеть дружелюбные лица, когда тело в такой беде, и никто не приходит сюда, кроме вас. Хорошие дружелюбные лица – хорошие дружелюбные лица. Залезайте друг другу на спины и дайте мне прикоснуться к ним. Вот так. Пожмите друг другу руки – ваши руки пройдут через решетку, но моя слишком большая. Маленькие ручки и слабые – но они помогли Маффлу Поттеру обрести силу, и они помогли бы ему больше, если бы могли.”

Том вернулся домой несчастный, и его сны в ту ночь были полны ужасов. На следующий день и послезавтра он слонялся по залу суда, влекомый почти непреодолимым импульсом чтобы войти, но заставляя себя оставаться снаружи. У Гека был так же. Они старательно избегали друг друга. Каждый из них время от времени уходил, но одно и то же мрач-

ное очарование всегда возвращало их вскоре. Том держал ухо востро, когда зеваки неторопливо выходили из зала суда, но неизменно слышал печальные новости – вокруг бедного Поттера все неумолимее смыкались тиски. В конце второго дня деревенские разговоры сводились к тому, что показания индейца Джо были твердыми непоколебимыми, и что не было ни малейших сомнений относительно того, каким будет вердикт присяжных.

В ту ночь Том гулял допоздна и залез в постель через окно. Он был в

состоянии огромного возбуждения. Прошло несколько часов, прежде чем он уснул. На следующее утро вся деревня собралась в здании суда, потому что это должен был быть великий день. Оба пола были примерно поровну представлены в переполненной аудитории. После долгого ожидания присяжные вошли и заняли свои места; вскоре после этого Поттера, бледного и изможденного, робкого и безнадежного, привели, заковав в цепи, и усадили так, чтобы на него могли смотреть все любопытные глаза на него; не менее заметным был индеец Джо, невозмутимый, как всегда. Последовала еще одна пауза, а затем прибыл судья, и шериф объявил об открытии суда. Последовали обычные перешептывания среди юристов и сбор бумаг. Эти детали и сопутствующие задержки создали атмосферу подготовки, которая была столь же впечатляющей, сколь и завораживающей.

Теперь был вызван свидетель, который показал, что он на-

шел Маффла Поттера моющим в ручье в ранний час утра, когда было обнаружено убийство, и что он сразу же улизнул. После некоторых дальнейших расспросов адвокат защитника сказал:

– Теперь ваша очередь: допросите свидетеля.

Заклученный на мгновение поднял глаза, но снова опустил их, когда его собственный адвокат сказал:

– У меня нет к нему вопросов.

Следующий свидетель подтвердил факт нахождения ножа рядом с трупом. Адвокат обвинения сказал:

– Вы можете допросить свидетеля.

– У меня нет к нему вопросов, – ответил адвокат Поттера.

Третий свидетель поклялся, что часто видел нож у Поттера.

– Вы можете допросить свидетеля.

Адвокат Поттера отказался допрашивать его. Лица зрителей начали выражать

раздражение. Неужели этот адвокат намеревался без усилий лишить жизни своего клиента?

Несколько свидетелей дали показания относительно виновного поведения Поттера, когда его доставили на место убийства. Им было разрешено покинуть трибуну без перекрестных вопросов.

Каждая деталь разрушительных обстоятельств, произошедших на кладбище в то

утро, которые все присутствующие так хорошо запомни-

ли, была раскрыта заслуживающими доверия свидетелями, но ни один из них не был подвергнут перекрестному допросу адвокатом Поттера. Недоумение и недовольство палаты выразилось в ропоте и вызвало порицание со стороны скамьи подсудимых. Адвокат обвинения теперь сказал:

– Клятвами граждан, чье простое слово вне подозрений, мы возложили это ужасное преступление, вне всяких сомнений, на несчастного заключенного в баре. Обвинение вполне доказано.

У бедняги Поттера вырвался стон, он закрыл лицо руками и мягко раскачивался взад-вперед, в то время как в зале суда воцарилась тягостная тишина. Многие мужчины были тронуты, а сострадание многих женщин выразилось в слезах. Адвокат защиты встал и сказал:

– Ваша честь, в наших замечаниях на открытии этого судебного процесса мы предвосхитили нашу цель доказать, что наш клиент совершил этот ужасный поступок, находясь под влиянием слепого и безответственного бреда, вызванного алкоголем. Мы передумали и не будем ходатайствовать о снисхождении присяжных... (Затем клерку): “Вызовите Томаса Сойера!”

Недоуменное изумление отразилось на каждом лице, даже не исключая лица Поттера. Все взгляды с удивленным интересом устремились на Тома, когда он поднялся и занял свое место на трибуне. Мальчик выглядел достаточно дико, потому что был сильно напуган. Присяга была принесена.

– Томас Сойер, где вы были семнадцатого июня, около полуночи?

Том взглянул на железное лицо индейца Джо, и у него отнялся язык. Аудитория слушала, затаив дыхание, но слова отказывались выходить. Однако через несколько мгновений к мальчику вернулась часть его сил, и ему удалось вложить их в свой голос достаточно, чтобы часть дома услышала:

– На кладбище!

– Немного громче, пожалуйста. Не бойся. Ты был...

– На кладбище.

Презрительная улыбка промелькнула на лице индейца Джо.

– Вы были где-нибудь рядом с могилой Уильямса?

– Да, сэр.

– Говорите громче – только чуть громче. Как близко вы были?

– Так же близко, как я к вам.

– Ты прятался или нет?

– Прятался.

– Где?

– За вязами, что на краю могилы.

Индеец Джо едва заметно вздрогнул.

– С тобой кто-нибудь был?

– Да, сэр. Я ходил туда с...

– Подожди – подожди минутку. Не обращайтесь внимания на упоминание имени вашего спутника. Мы представим его

в надлежащее время. Ты что-нибудь принес с собой?

Том колебался и выглядел смущенным.

– Говори, мой мальчик, не будь застенчивым. Правда всегда достойна уважения. Что же вы там принесли?

– Всего лишь –дохлая кошка.

По залу прокатилась волна веселья, которую суд пресек.

– Мы представим суду скелет этой кошки. А теперь, мой мальчик, расскажи нам все, что произошло – расскажи это по-своему – ничего не пропускай и не бойся.

Том начал – сначала нерешительно, но по мере того, как он проникался своей темой, его слова лились все легче и легче; через некоторое время смолкли все звуки, кроме его собственного голоса; все взгляды устремились на него; с приоткрытыми губами и затаенным дыханием аудитория ловила его слова, не обращая внимания на время, захваченный жутким очарованием этой истории. Напряжение сдерживаемых эмоций достигло апогея, когда мальчик сказал:

– И когда доктор схватил Маффла Поттера доской по голове, он упал, индеец Джо прыгнул с ножом и...

Авария! Быстрый, как молния, метис прыгнул к окну, прорвался сквозь все противников, и исчез!

Глава 24

Том снова был блистательным героем – любимцем стари-

ков, предметом зависти молодежи. Его имя даже вошло в бессмертную печать, поскольку деревенская газета возвеличивала его. Были и такие, кто верил, что он все же станет президентом, если избежит повешения.

Как обычно, непостоянный, неразумный мир принял Маффла Поттера в свои объятия и ласкал его так же щедро, как издевался над ним раньше. Но такое поведение делает честь всему миру; поэтому нехорошо придирааться к этому.

Дни Тома были для него днями великолепия и ликования, но его ночи были сезонами ужаса. Индеец Джо наводнял все его сны, и всегда с обреченностью в глазах. Вряд ли какое-либо искушение могло убедить мальчика отправиться на улицу после наступления темноты. Бедный Гек был в таком же состоянии отчаяния и ужаса, потому что Том рассказал всю историю адвокату вечером накануне великого дня судебного разбирательства, и Гек очень боялся, что его доля может просочиться наружу, и все же несмотря на то, что бегство индейца Джо спасло его от страданий давать показания в суде. Бедняга заставил адвоката пообещать хранить тайну, но что из этого? С тех пор как измученная совесть Тома умудрилась загнать его ночью в дом адвоката и вырвать страшную историю из уст, скрепленных самой мрачной и грозной из клятв, доверие Гека к человеческой расе было почти уничтожено.

Ежедневная благодарность Маффла Поттера заставляла Тома радоваться, что он заговорил; но каждую ночь он жа-

лел, что не прикусил язык.

Половину времени Том боялся, что индеец Джо никогда не будет схвачен; другую половину он боялся, что его поймают. Он был уверен, что никогда больше не сможет спокойно вздохнуть, пока этот человек был жив, и он видел труп.

Были предложены награды, страна прочесана, но никакого индейца Джо найдено не было. Одно из этих вдохновляющих чудес, детектив, приехал из Сент-Луиса, осмотрелся, покачал головой, принял мудрый вид и добился того поразительного успеха, которого обычно добиваются представители этого ремесла.

То есть он “нашел ключ к разгадке”. Но вы не можете повесить “улику” за убийство, и поэтому после того, как этот детектив закончил и ушел домой, Том почувствовал себя так же неуверенно, как и раньше.

Медленно тянулись дни, и каждый из них оставлял после себя немного облегченный груз дурных предчувствий.

Словарь адаптированных слов

ориг./русс. перевод/англ. эквив./русс. эквив.

spectacles/очки/glasses/очки

state (pair of glasses)/парадные (очки)/holiday (glasses)/парадные (очки)

stove-lids/печные заслонки/burner/конфорки от плиты

switch/хлыст/whip(lash)/позга
pet vanity/гордость/pride/гордость
lapels/лацканы/lapels/отвороты
copper/медяк/coin/монетка
whitewash/известь/(quick)lime/известь
skylarking/баловаться/fool around/баловаться
stump/свая/pile/свая
consent/согласие/approval/согласие
doughnut/пряник/gingerbread/пряник
sally/подоспеть/arrive in time, sally (разг.)/подоспеть
smaller fry/сошка/little one's/мелюзга
frock/платье/dress/платье
pan-talettes/пantalоны/underpants/подштанники
pansy/фиалка/viola/фиалка
dreary/мрачный/gloomy/мрачный
tallow dip/сальный огарок/burnt candle/обгоревшая свеча
speckled/пёстрый/motley/пёстрый
edifice/здание/construction/здание
compelled to/вынужден/have to, forced to/вынужден
titter/хихиканье/giggle/хихиканье
cuff/тузить/hit/колотить
laps/колени/knees/колени
pew/скамья/bench/скамья
coat-tails/фалды фрака/folds/оборки фрака
stiddy/замереть/freeze/замереть
abash/сконфузить/embarrass/смущать

gable/фронтон/pediment/фасад

bosom friend/близкий друг/close friend/близкий друг

quail/дрогнуть/waver/дрогнуть

Notes

[

←1

]

«М» – первая и последняя буква слова «мэdm», которое употребляется в Англии и в Америке при почтительном обращении к женщине.

[

←2

]

Американцы часто дают своим маленьким городам громкие названия столиц. У них есть несколько Парижей, три или четыре Иерусалима, Константинополь и т. д. Город, изображаемый в этой книге, они назвали именем тогдашней русской столицы.

[

←3

]

Ярд – английская мера длины, равна 0,91 метра.

[

←4

]

Масса – испорченное английское слово «мастэр», то есть

барчук, молодой господин. Так прислуга называет господских детей.

[
←5
]

В оригинале используется фраза – *bully taw*, что означает превосходный шарик, которым стреляют при игре в шарики.

[
←6
]

«Гуделка» – крохотный музыкальный инструмент со стальным язычком; его держат зубами; играют на нём, ударяя пальцем по концу язычка.

[
←7
]

Библейское выражение «препоясать чресла» (то есть опоясать бёдра) означает: приготовиться к битве, так как в древности мечи прикреплялись к поясам.

[
←8
]

Выражение "Чтобы избавиться от боли, нужна шелковая веревка и горящая головня" представляет сложную и старинную фразу, объединяющую различные аспекты жизни и преодоления трудностей. Необходимость мягкости, настойчиво-

сти и стремления к достижению целей подчеркивает, что никакие проблемы не могут быть решены без усилий и самоотверженности.

[

←9

]

Робин Гуд – знаменитый герой старинных английских рассказов и песен. Том Сойер прочитался историй о его разбойничьих подвигах; самые занимательные из этих историй – встречи Робина Гуда с Рыцарем Гаем Гисборном и монахом Такою.

[

←10

]

Если бы у мистера Харбисона был раб, по имени Булл, Том сказал бы о нём «Булл Харбисона», но если имя Булл принадлежало сыну или псу этого господина, каждого из них называли Булл Харбисон.

[

←11

]

Козодой – полуночная птица.